А. Л. КАЗЕМ-БЕК

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ I

ВВЕДЕНИЕ

Святейший Патриарх Алексий I был избран на патриаршество 2 февраля 1945 года и возведен на престол Патриарха Московского и всея Руси 4 февраля того же года. В Бозе почил 17 апреля 1970 года. Патриаршество его продолжалось 25 лет 2 месяца и 12 дней.

Патриаршество Святейшего Патриарха Алексия было самым продолжительным в истории Русской Православной Церкви – почти на девять лет длительнее патриаршества первого Патриарха Московского Иова, которое продлилось более шестнадцати лет.

Московское патриаршество было учреждено 26 января 1589 года, просуществовало до 15 октября 1700 года, когда скончался десятый Патриарх Московский и всея Руси Адриан. Затем наступил двухвековой перерыв в возглавлении Русской Церкви патриархами, когда она возглавлялась Правительствующим Синодом. Синод в этот период перенял патриарший титул «Святейший»[1].

В августе 1917 года был созван Поместный Собор Русской Православной Церкви, ставший известным как Всероссийский Церковный Собор. 11 ноября Собор принял постановление о высшей церковной власти: законодательная и судебная власть в Русской Церкви принадлежит ее Поместному Собору, Русская Церковь возглавляется Патриархом, первым среди равных епископов, и Священным Синодом при нем. Одиннадцатым Патриархом был избран митрополит Московский и Коломенский Тихон (Беллавин), интронизация которого состоялась 21 ноября 1917 года. Патриарх Тихон в Бозе почил 7 апреля 1925 года. После продолжительного местоблюстительства преемником его был избран двенадцатый Патриарх Сергий (Страгородский). Интронизация его состоялась 12 сентября 1943 года. После блаженной кончины Патриарха Сергия 15 мая 1944 года Русскую Православную Церковь возглавил Патриарший Местоблюститель, митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (Симанский), ставший тринадцатым Патриархом 4 февраля 1945 года.

В этот первый день своего патриаршества при интронизации в московском Богоявленском кафедральном соборе Святейший Патриарх Алексий в Слове, обращенном к избравшим его собратьям епископам, клирикам и мирянам, а в их лице ко всей своей всероссийской пастве, остановился прежде всего на этом преемстве в священноначалии Русской Православной Церкви.

«В чувстве трепетного благоговения и страха Божия, – сказал он, – вступаю я в это великое служение, ознаменованное издревле подвигами святых первопрестольников

Российской Церкви и их преемников, великих патриархов и митрополитов. Духом богоугодных молитв своих они и теперь осеняют Церковь нашу и призывающих их небесную помощь преемников своих руководствуют в деле правления. Жизнь Церкви в каждый известный период времени не есть явление, принадлежащее только этому периоду, а имеет основание и корни в самом отдаленном времени, в глубокой священной древности. Церковь Христова есть здание, которое начало строиться со времени святых апостолов и будет строиться до скончания века. И Православная Русская Церковь, эта великая часть великого здания Церкви Христовой, как равночестная четырем апостольским престолам Восточных патриархий носит на себе следы великих святых основоположников и провозвестников веры и строителей Церкви».

«Если бы возможно было нам, – продолжал новоизбранный Патриарх, – проникнуть в тайники жизни нашей Святой Церкви со всеми внешними ее проявлениями в настоящее время и определить начало и развитие их, то мы увидели бы здесь следы благодатного влияния и святых первосвятителей Михаила, Петра, Алексия, Ионы, Филиппа, и патриархов Гермогена, Никона и других, и преподобных Антония и Сергия, и прочих многочисленных работников на ниве Божией, и позднейших святителей Церкви Всероссийской: святых Митрофана и Тихона, Феодосия, Димитрия Ростовского, также митрополитов Платона и Филарета и других, в наши уже дни в Бозе почивших иерархов до приснопамятного Святейшего Патриарха Сергия включительно, которые, совершив в пределе земном всё земное, вложили каждый свою долю влияния и подвига в это великое строение Божие. <...>

И вот ныне Промыслом Божиим я призываюсь приобщиться их подвигу. Поистине, как некогда сказал о себе один святитель, могу и я сказать, что «малой ладьей вступаю в великое плавание». Исповедую свою немощь, свое недостоинство, но вместе свидетельствую и свою веру в действенность благодати Божией, врачующей немощное и восполняющей оскудевающее. Исповедую и надежду свою на помощь молитв и благословений великих первосвятителей Церкви Российской, и древних и позднейших, коих недостойным преемником судил мне быть Господь».

ГЛАВА I

ОБРАЗ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ (СИМАНСКОГО) ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СОВРЕМЕННИКОВ

Если от гробницы Святейшего Патриарха Алексия обратить благоговейный взор через ту четверть века, которую продолжалось патриаршество его, если бросить сыновний испытующий взор от той Лазаревой субботы 1970 года, в которую Промысл Божий судил остановиться телесному дыханию Патриарха, через всё пространство и время его долгого жизненного пути, чтобы попытаться воскресить его самую характерную черту, то знавшие Патриарха близко или даже все, достаточно знакомые с его жизнью, согласятся, что черта эта – церковность. Церковность, в сущности своей православная и по внешнему выражению своему русская, – это то, что отличало его как святителя, как пастыря и как человека.

Что путь его, призвание и всё миросозерцание его – в церковности, сам в Бозе почивший Патриарх сознавал с ранней своей юности, можно сказать, с отрочества, как выражается набожный язык – «с младых ногтей».

Церковность означает очень многое. Это слово и непереводимо: как существительного, определяющего духовное состояние, его нет ни в каком другом языке, кроме русского. Церковность, конечно, указывает сразу и прежде всего на принадлежность к Церкви. Но ведь Церковь – Единая Святая Соборная и Апостольская – есть

Тело Христово. И как таковая она невидима, она есть невидимая Церковь. В земной же своей части она не только реальна, но есть самая реальная, самая живая, самая высшая реальность – подлинно онтологическая и абсолютная.

Эту реальность в самом конкретном, повседневном, можно сказать даже, в бытовом смысле Патриарх Алексий разумел как первоосновное понятие церковности. С нарастанием духовного опыта и с углублением в «тайны Богопознания» (выражение самого Святейшего) постижение этой церковности становится всё яснее, отчетливее и крепче по мере того, как проходят годы и десятилетия.

Об этом, впрочем, Патриарх говорил не в отношении самого себя. Он писал о своей молодости и говорил в старости о духовном опыте и о проникновении в тайны Богопознания знаменитого митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова), по творениям которого он учился, будучи еще на школьной скамье, и не духовного, а светского училища, и не по учебной программе, а по влечению сердца. Но сказанное в этом отношении о митрополите Филарете можно и нужно отнести и к самому Патриарху Алексию.

Церковность стала для Патриарха «пристанищем, где усмиряется тревога сердца, где усмиряются притязания рассудка, где великий покой нисходит в разум», по определению священномученика Павла Флоренского. К этой церковности он тяготел всю свою сознательную жизнь. И в этом он не видел заслуги и не считал это добродетелью: это было его обычным внутренним состоянием. Поэтому он совершенно естественно воспринимал свое собственное состояние как повседневную конкретность. Но он сознавал, что эта «таинственная область духа» «закрыта, правда, для неочищенных очей ума, но открыта для верующего смиренного сердца» и что это область духа, «в которой любомудрие земное должно уступить место вере»[2].

Вдохновляясь духовным наследием митрополита Филарета и следуя его жизненному примеру, Патриарх Алексий шел вглубь русской церковной традиции и обрел именно то свое пристанище, где усмирялись для него и тревога сердца, и притязания рассудка, у благодатного гроба «игумена всея Руси» Преподобного Сергия, которого летописец, как напоминает нам известный историк В. О. Ключевский, называл «начальником и учителем всем монастырям, иже в Руси». Внедряясь в «питательную почву», по определению В. О. Ключевского, «памятника и памяти» Преподобного в его Лавре, Святейший Патриарх Алексий действительно следовал примеру святителя Филарета и шел по его стопам.

И этим проникновением в глубины исторической русской церковности и в древнюю традицию русского иночества Патриарх Алексий с молодых лет укоренялся в принадлежности к русской почвенности и к духовным истокам, из которых поднялась культура его народа.

Эта сумма ценностей, эта связанность церковного и патриотического были необходимы тому, на чьи рамена должен был быть возложен омофор Патриарха всея Руси. И сочетание это в широком обобщении выражено тем же В. О. Ключевским: «Впечатление людей XIV века становилось верованием поколений, за ними следовавших. Отцы передавали воспринятое ими одушевление детям, а они возводили его к тому же источнику, из которого впервые почерпнули его современники. Так, духовное влияние Преподобного Сергия пережило его земное бытие и перелилось в его имя, которое из исторического воспоминания сделалось вечно деятельным нравственным двигателем и вошло в состав духовного богатства народа»[3].

Сам Патриарх Алексий выражал преданность – свою и своего народа – православной вере, всегда подчеркивая необходимость сохранения ее в чистоте. «Русский

народ, – говорил Патриарх на открытии юбилейных торжеств по случаю 500-летия автокефалии Русской Церкви (8 июля 1948 года), – превыше всяких благ и сокровищ мира почитал Божественный дар православной веры, и на служение Богу и Церкви Его взирал как на заповеданный ему подвиг: он благоговейно склонялся пред подвигами и трудами святых угодников Божиих; он с терпением нес все посылаемые ему испытания, уповая на помощь и заступление этих своих небесных покровителей. Он сам был весь подвиг. Но более всего он радел о сохранении в чистоте своей православной веры; он оберегал ее от всяких внешних приражений... он с упованием взирал на светлый и святой Восток, видя в нем свою надежную опору и твердый оплот против всяких чуждых Православию нападений. Он смиренно и с любовью был покорен Церкви-Матери».

В тот же день, открывая Совещание глав и представителей автокефальных Православных Церквей в московском Воскресенском храме в Сокольниках, Патриарх сказал: «Русская Церковь остается неизменно верной своим отцепреданным началам строго держаться Православия; воспитывать своих чад в духе преданности правилам и уставам церковным; чуждаться всякого нецерковного влияния».

Верность Православию – при широком и молитвенном устремлении к всехристианскому единству и, с годами, при всё более созидательном экуменическом взыскании этого некогда утраченного единства – проходит как некая генеральная линия через всю его жизнь.

В послании к Святейшему Афинагору, архиепископу Константинополя – Нового Рима и Вселенскому Патриарху, 12 марта 1957 года Патриарх Алексий писал: «В путях Своего всеблагого Промысла благоволил человеколюбец Бог призвать народ русский из языческой тьмы в чудный Свой свет, сподобив его принять благовестие Христовой веры от православного Востока. Христианский Восток был и остается нашей духовной Родиной, доныне питающей нас глубиной молитв, плодом духовных воздыханий сонма своих подвижников, токами богословия из благодатных источников и богатством святоотеческих творений».

Святейший часто говорил, что вера есть дар Божий человеку, что жертва, принесенная Сыном Божиим во искупление человеческих грехов, и есть подлинная, вечная Евхаристия. Завет, оставленный Спасителем Своим ученикам и последователям, – приносить после Него Евхаристическую Жертву на земле есть также великий и спасительный дар людям.

В своем преподавании Священного Писания в семинариях Пскова, Тулы и Новгорода – еще в сане иеромонаха, затем архимандрита – будущий Патриарх Московский обращал внимание своих слушателей на особо благоговейный отклик Православной Церкви на эти великие дары и заветы Господа, который выражается в литургике.

Русскую Православную Церковь можно воистину назвать самой литургической из всех христианских Церквей. Литургическая молитва – высшая форма общественной, соборной молитвы. И она без всякого возможного сравнения усиливает молитву личную. Уже двоим или троим молящимся, собранным во имя Господа, обетовано, что Он Сам будет посреди их. Возобновление же Искупительной Жертвы Христовой в Таинстве Евхаристии – благодатный центр церковной жизни.

В Бозе почивший Патриарх Алексий всю свою долгую жизнь посвятил по преимуществу участию в соборной молитве Церкви, и совершил за 66 лет священства, из которых 57 лет – в архиерейском сане, бесчисленное множество Евхаристических Жертв за Божественной литургией. Даже в самые последние годы жизни, когда

Святейшему почти невозможно было долгое стояние на ногах, он не пропускал ни одного большого праздника, не прибывая в свои соборы – Богоявленский Патриарший в Москве или Троицкий в Лавре Преподобного Сергия, в которой он любил проводить посты и многие праздничные или знаменательные для него дни. И в других резиденциях Патриарха можно было увидеть, как его тихо и по возможности незаметно монах или келейник провозит в кресле к алтарным дверям храма: в Одесском Успенском монастыре – в собор, и в подмосковном Переделкине – в древний Преображенский храм.

В своей Крестовой церкви во имя Владимирской иконы Божией Матери в московской резиденции в Чистом переулке, в церкви во имя праведного Филарета Милостивого в митрополичьих покоях Лавры или в миниатюрном домовом храме Архистратига Михаила в Переделкине Патриарх часто причащался Святых Таин, любил читать канон и петь за службами в посты и нередко в простые будние дни.

Патриарх Алексий, как ученик митрополита Арсения (Стадницкого), прославившегося во всей Русской Церкви строгой и уставной торжественностью богослужений, священнодействовал с особой благоговейно-величественной простотой, сразу позволявшей всем присутствующим при его службах убедиться, что перед ними святитель, которому ниспослан дар совершения православного богослужения с исключительным благолепием.

Этот дар был, впрочем, очевиден уже и для бывавших на службах тридцатилетнего архимандрита Алексия в храме Тульской Духовной семинарии, где его служение особенно привлекало семинаристов и других молящихся. Об этом сохранилось свидетельство в форме речи одного из семинаристов (воспитанника VI класса Петропавловского), которому его товарищи по классу поручили в ноябре 1911 года произнести прощальную речь, когда семинария провожала своего ректора, назначенного в Новгород после пятилетнего ректорства в Туле: «Ревностно относясь к поддержанию в нас религиозного чувства и направления, Вы создали особенно торжественное и величественное богослужение, отличавшееся необыкновенным чувством и эстетикой. Это богослужение всегда умиляло и захватывало наши души так, что мы охотно шли в семинарский храм и искренно сожалели, когда по каким-либо обстоятельствам Вам не приходилось служить в нашем храме. Особенно это было грустно в большие торжественные праздники».

В 1912 году в «Тульских епархиальных ведомостях» была напечатана статья «Новгород и его святыни», в которой тоже говорилось о богослужениях архимандрита Алексия, тогда уже совмещавшего ректорство в Новгородской семинарии с настоятельством в новгородском Антониевом монастыре: «Архимандрит Антониева монастыря при богослужении пользуется всеми привилегиями служения архиерейского. В настоящее время там архимандритом состоит Алексий (Симанский), воспитанник лицея цесаревича Николая Александровича и Московской академии. Монах по призванию, он соединяет в себе религиозность со светской благовоспитанностью. Строгий исполнитель церковных уставов, он всегда умеет обставить богослужение так благолепно, что и всех молящихся заражает своим религиозным экстазом. Всё это особенно важно и дорого, потому что почти все молящиеся при его богослужениях – воспитанники семинарии. Они же прислуживают в алтаре, они же чтецы и певцы, из семинаристов составляются два прекрасных хора для пения в праздники. Напевы – дивные с канонархом. Отрадно видеть, с какой любовью, с каким особым вниманием и благоговением каждый воспитанник исполняет возложенное на него послушание. Такое высоко-благоговейное настроение всех служащих и сослужащих передается и всем прочим стоящим в храме ученикам. Нельзя не пожалеть, что вследствие тесноты

храма многие ученики не присутствуют при служении архимандрита Алексия. Они лишены того религиозно-воспитательного средства, какое имеет его служение».

То, что автор цитированной статьи мог говорить о служении Патриарха Алексия до его архиерейской хиротонии, 58 лет тому назад, когда Святейший был еще в сане архимандрита, осталось, конечно, верным на все десятилетия, прошедшие с тех пор: служение Патриарха всегда было для присутствовавших на нем «религиозно-воспитательным средством». И то сожаление, которое автор статьи высказывал по отношению к тем из 500 новгородских семинаристов, которым не было возможности присутствовать на богослужении архимандрита Алексия, можно было бы отнести и ко всем современникам, не бывавшим на службах, совершавшихся Патриархом Алексием: они тоже были лишены весьма действенного религиозно-воспитательного средства.

Религиозно-воспитательное действие свойственно, разумеется, православному архиерейскому богослужению вообще. Но в Православной Церкви, в особенности в Церкви Русской, верующие хорошо знают, что служба каждого епископа совершается несколько отличительным образом, который можно было бы, вероятно, назвать его «стилем» служения. Но этот стиль каждого архиерея нельзя просто определять как «манеру» служить, то есть как нечто чисто внешнее. Ибо речь идет о понятии более возвышенном, чем внешняя сторона богослужения, – о церковно-молитвенной гармонии, в которую входит и индивидуальное выражение истовости предстоятеля за этим богослужением.

Сживаясь с уставным и всегда обязательным соблюдением православной обрядности, проникаясь тем богодухновенным благочестием, с которым непрестанно возобновляется древнее и неизменное соборное моление, это индивидуальное вносит свой духовный оттенок в соборность богослужения – по-особому звучащий элемент личного предстательства за предстоящих. Так что, несмотря на традиционность обращений православных священнослужителей к Богу в соборной молитве, эти обращения приобретают, в меру вложенных в них совершающим службы благоговения, молитвенного подъема и духовной силы, различное звучание и разную степень воздействия на молящихся. Поэтому православные, которым даже не надо быть знатоками богослужебного устава, легко постигают, что священнодействующие в их православных службах, и особенно предстоятель, имеют возможность вносить свой вклад в духовное благолепие совершаемых ими служб.

Священнодействие покойного Патриарха было незабываемым для тех, кто присутствовал при нем.

Как сказал на Поместном Соборе 1971 года его преемник Святейший Патриарх Пимен: «Святейший Патриарх Алексий обладал особым даром величавого, проникновенного и благоговейного совершения церковных служб, подавая тем добрый пример архипастырям, пастырям и пасомым. И эта важнейшая часть церковной жизни, составлявшая особую заботу Святейшего Патриарха Алексия, была украшением его патриаршества и духовной радостью нашей Церкви. Апостольский благодатный дар священнослужения через Святейшего Патриарха Алексия был преемственно передан многим служителям нашей Церкви».

В связи с двадцатипятилетием патриаршества Святейшего Патриарха Алексия замечательные строки о его богослужении написал (за несколько недель до его кончины) архиепископ (ныне митрополит. – Ред.) Волоколамский Питирим[4], которые интересно сопоставить с оценкой тульского церковного журнала, данной 60 лет тому назад: «Теперь уже всем известно, что Святейший Патриарх обладает особой харизмой богослужения, особым благодатным даром службы. Это духовное дарование отмечено

всем христианским миром... В ближайшие к интронизации годы один протестантский богослов, сравнивая в своей статье личные особенности трех последних патриархов, назвал Святейшего Патриарха Алексия «великим литургом». И он прав. О службе Святейшего Патриарха можно говорить много и всё же не сказать главного. И пересказать ее невозможно, видимо потому, что «не мерою дает Бог духа». Простота и величие, собранность и духовный простор, какая-то, я бы сказал, особая бережность к святыне, строгость соблюдения духа церковных традиций и легкость полной внутренней свободы, высочайшее благоговение и непосредственность общения с благодатным миром. Как однажды употребил выражение Святейший: «Жажда вечной жизни».

Когда в памяти знавших в Бозе почившего Патриарха воскресает его облик, то прежде всего является перед глазами образ его в храме во время богослужения. Будь Патриарх в белом куколе или в митре, он всегда сохранял именно первосвятительскую внешность. Но важнее внешней стороны было, конечно, его священнодействие. Служения его неизменно производили то же глубокое и запоминающееся впечатление.

Пишущий эти строки никогда не забудет слов покойного митрополита Ленинградского Григория (Чукова): «Вот когда вы будете на патриаршем богослужении, вы убедитесь сами: Патриарх Алексий совершает службу классически». Такую оценку патриарших служений доводилось слышать часто и от людей разного положения, возраста и религиозных настроений.

В храмах, больших и малых, внешний облик Святейшего, несмотря на невысокий рост, поражал безмятежной и спокойной величественностью. Внимательный взгляд его больших глаз редкого, как бы фиолетового цвета, – глаз лучистых до последних лет глубокой уже старости, всегда был устремлен вперед, и у каждого из бесчисленных молящихся, толпившихся перед ним, создавалось впечатление, что Патриарх смотрит на него. Об этом тоже постоянно приходилось слышать от множества свидетелей.

Другой характерной чертой Святейшего Патриарха был его голос. Он никогда не повышал его, но и не понижал. Казалось при разговоре с ним, что его ровный и мягкий баритон не может быть слышен под сводами обширных храмов. И только стоя возле него и слушая его возгласы или чтение в соборах, можно было не без удивления убеждаться, что тот же голос его и в той же мягкой и ровной тональности слышится всеми в храме. А удаляясь в дальние углы того же храма, можно было получить «проверку» этого не то что впечатления, а реального явления.

Конечно, в этом сказывалась безупречность дикции – произношения и интонации, – усвоенной еще некогда в Московской академии при служении иеродиаконом и иеромонахом под бдительным взором и слухом такого учителя церковного благолепия, каким и в духовной школе, и на архиерейской кафедре, был «авва» нашего Патриарха – Преосвященный Арсений, о котором мы уже упоминали и о котором нам надлежит еще говорить ниже. Но можно полагать, что тут, в этой слышимости, проявлялось в какой-то степени и нечто «ответное» – то пристальное внимание, которое Патриарх Алексий своим богослужением вызывал в предстоящих и особенно в молящихся.

Внешний облик Патриарха Алексия неизменно производил сильное и весьма заметное впечатление и на отдельных посетителей, и на целые толпы, которыми он так часто бывал окружен. Прежде всего взоры привлекала спокойная величественность его осанки. Благообразные черты лица, манера всегда держаться прямо, естественность неторопливых движений, открытый и внимательный взгляд, которым охватывались как собеседники, так и большие собрания стоявших перед ним людей, – всё во внешности Патриарха располагало к почтительному отношению и способствовало

созданию вокруг него атмосферы торжественности. И если общее ощущение этой торжественности усугублялось окружающей обстановкой или видимыми атрибутами патриаршего достоинства, то всё же впечатление благородства одновременно со скромностью и простотой, столь типичными для Патриарха Алексия, исходило, как бы излучалось из самой его личности.

Как писал после посещения Москвы ныне покойный митрополит Брюссельский и Бельгийский Александр (Немоловский): «Лик библейский. На нем не улыбка, а как бы сияние. Вообще вся личность Святейшего производит чарующее впечатление».

Об этом говорили многие, знавшие или видавшие нашего Патриарха. Как выразился д-р Франклин Кларк Фрай, бывший председателем Центрального комитета Всемирного Совета Церквей (и президентом Всемирной Лютеранской Федерации), «в любом окружении Патриарх всегда был в центре внимания». А председательствовавший в Протестантской Федерации Франции пастор Шарль Вестфаль как бы пояснил это суждение, назвав при других обстоятельствах Святейшего «прирожденным Патриархом».

Иерарх Римско-Католической Церкви, представлявший Папу Павла VI на пятидесятилетнем юбилее епископства Патриарха Алексия в 1963 году, епископ Фрибурский монсиньор Шарриер отметил, что «смиренное благородство» не покидает Патриарха и когда он входит под своды храма, и когда он принимает у себя гостя. Чисто англосаксонское впечатление о Патриархе Алексии выразил епископ Англиканской Епископальной Церкви США д-р Лористон Скэйф, охарактеризовав его как «одного из последних церковных джентльменов». К этим словам американского епископа надо добавить, что в английском языке слово «джентльмен» переводится не только как светский человек, но и как человек благородный по духу.

Первые суммированные посмертные впечатления о почившем Патриархе Алексии нам дано было получить из кратких личных воспоминаний Патриаршего Экзарха в Западной Европе митрополита Сурожского Антония[5]: «На протяжении лет... впечатления наслаивались постепенно; определялась линия, вырисовывалось дело: суровое искание правды, сердечное влечение к единству, единству всех, но при твердом условии, чтобы это было единением в Истине – истине веры и в той жизненной гармонии, которая выражена в основных церковных канонах. Человек глубоких чувств без сентиментальности, ясный ум, душевная чуткость и в простейших повседневных человеческих отношениях, и в области межцерковных взаимоотношений. И служение делу упорядочения, делу примирения – служение миротворца, верящего в реально объективное, ищущего это объективное в духе, раскрытом к его восприятию, к его постижению, и с доброй волей, но волей строгой».

И у того же митрополита Антония несколько слов о первой встрече со Святейшим: «Крестовая церковь Патриарха; краткое ожидание и внезапно – его присутствие: старец, тонкий, даже хрупкий, невысокого роста, но который нигде не мог бы пройти незамеченным. Очень сдержанный в обращении, очень простой, по внешности – чистый монах, держащийся в тени, он выделялся из своего окружения, приковывал к себе взор и как бы требовал к себе внимания своим спокойным величием, излучаемой им уверенностью: «Всё от Бога, всё в руке Божией, поэтому всё без исключения может быть, должно быть поводом, ниспосланным Господом, для христианского делания, для дела Божия» – свидетельство простой основоположной уверенности, которая и должна всегда определять одновременно полную нашу самоотдачу и нашу целостную независимость.

– Ну, вот вы.

– Да, Ваше Святейшество!

Он внимательно смотрит на меня своим острым пристальным взглядом и продолжает:

– И сколько же вам лет?

– Сорок пять.

– Как раз на год меньше, чем моя епископская жизнь, – заключает он с улыбкой. Да, когда я родился, он уже год был епископом».

Один из выдающихся иерархов нашей Церкви середины нынешнего столетия, архиепископ Ярославский и Ростовский Димитрий (Градусов)[6], также писал о своей первой встрече в 1943 году с Патриархом Алексием – в то время еще митрополитом Ленинградским и Новгородским[7].

Эта встреча имела место у Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия в Ульяновске, куда в годы войны была эвакуирована Патриархия. Епископ Димитрий, бывший тогда на Рязанской кафедре, так передал свои первые впечатления о будущем Патриархе: «Владыка Алексий, дотоле лично мне незнакомый, задержавшись в пути, смог прибыть лишь к концу Литургии, которую мне не удалось достоять: у меня произошел сердечный припадок, и меня вынесли на двор Патриархии, где и стали приводить в чувство. Едва успев прийти в себя, я увидел вблизи архиерея в белом митрополичьем клобуке, с приветливой улыбкой участливо осведомлявшегося о моем здоровье. Это и был ангел многострадальной Церкви Ленинградской, мужественно делившей со всей паствой все тяготы и ужасы длительной осады города-героя, Высокопреосвященнейший, а ныне Святейший Владыка Алексий.

Первое впечатление, вынесенное мной от этого знакомства, можно было определить словом «молодость». Да, это была подлинная молодость; конечно, не та, что фиксируется в метриках и паспортах, а высшая, духовная, свидетельствующая о свежести мысли, о возвышенности и благородстве всех помышлений и устремлений, когда «пошлость повседневной жизни» и низменные страсти бывают бессильны наложить печать дряхлеющей старости на чело, на весь облик даже весьма пожилого человека. Нечего, конечно, говорить о том, что это прекрасное отображение молодости было овеяно и благородством, и умом. Таким запечатлелся и живет в моей памяти по сии дни облик Святейшего Патриарха Алексия...».

В момент вышеописанной встречи митрополиту Алексию шел 67-й год, а Святейшему Патриарху Сергию, у которого встретились иерархи, оставался неполный год жизни. Новое патриаршество должно было начаться меньше чем через два года. Патриарх Сергий был последним учителем своего непосредственного преемника и влияние его на будущего Патриарха было велико.

К этому мы еще вернемся, но предварительно отметим, что в ранних годах жизни Патриарха Алексия на формирование его сознания в разной, вероятно, степени сказалось влияние трех людей. Прежде всего, в детстве – нравственное и умственное влияние отца, бывшего незаурядным, образованнейшим и высоконравственным человеком с решительным и властным характером. Он заложил в сыне основы духовной формации и дал ему ясное представление о примате духовных и религиозных ценностей над всем остальным. О взаимоотношениях отца с сыном в семье Симанских мы будем еще говорить несколько подробнее.

Духовным воспитателем, религиозно-нравственное воздействие которого на внутреннюю жизнь юноши Симанского в его школьные годы имело определяющее значение, несомненно, оказался законоучитель в московском лицее протоиерей Иоанн Соловьев, внушивший ему первоначальный, но затронувший глубокие струны души, интерес к церковной жизни.

Отец Иоанн Соловьев был младшим современником знаменитого Филарета, митрополита Московского* (1782–1867 гг.), и, как все просвещенные русские клирики той эпохи, – ревностным почитателем его. Своему ученику, которого он особенно любил и ценил и которого сделал «алтарным» для прислуживания за богослужением в лицейском храме, он привил преклонение перед митрополитом Филаретом. Законоучитель сильно заинтересовал своего воспитанника сначала проповедями митрополита, затем его творениями на аскетические темы.

Великим наставником монахов Патриарх Алексий считал митрополита Филарета всю свою жизнь, и с 1955 года установил на каждое 1/14 декабря – день праведного Филарета Милостивого, в который праздновалось тезоименитство митрополита Филарета, – посвященный памяти его Филаретовский вечер. Обычно Святейший выступал на этих вечерах, ставших в Академии традиционными, со вступительной речью. Патриарх признавал оказанное на него посмертное влияние митрополита Филарета, преставившегося почти за десять лет до его собственного рождения, самым сильным и глубоким.

Третьим из старших современников Патриарха Алексия, имевших особое значение в воспитании в нем инока, священнослужителя и иерарха, был Преосвященный Арсений (Стадницкий) – его руководящий педагог и ректор в Духовной академии, правящий епископ в двух епархиях, у которого будущий Патриарх был любимым учеником, постриженником и ставленником при получении всех трех степеней священства.

О епископе, архиепископе и митрополите Арсении речь в настоящем очерке будет идти неоднократно. Пока отметим лишь, что при выборах Патриарха на Всероссийском Поместном Соборе в 1917 году Владыка Арсений занял второе место по числу поданных за него голосов. И, как мы уже отметили, последним по времени руководителем и вдохновителем Патриарха Алексия, когда он был в сане архиепископа и митрополита, почти два десятилетия был (с 1926 года до своей кончины в 1944 году) митрополит, впоследствии – Патриарх Сергий. Об этом времени нам также придется говорить ниже.

Если попытаться установить главные вехи в долгой жизни почившего Патриарха Алексия, то здесь можно ясно увидеть три периода. Первый – 36 лет до епископства (1877–1913), второй – 32 года до патриаршества (1913–1945), третий – 25 лет патриаршества (1945–1970). Это подразделение соответствует и исторической периодизации этой замечательной жизни.

Первая эпоха, включающая детство и юность Патриарха, вся протекла в условиях дореволюционной русской жизни. Вторая совпала с кризисом Русской Церкви в период становления новой государственности в нашей стране. Третья соответствовала стабилизации церковной жизни, в которой личное участие Святейшего было центральным фактором.

Во все периоды своей жизни отношение Патриарха к окружавшей его действительности было основано на смиренном преклонении перед неисповедимыми путями Промысла Божия и на покорности воле Божией, которая могла бы быть образцом для всех церковных людей. В проповедях, словах и наставлениях Патриарх Алексий всегда с особой настойчивостью напоминал своим пасомым о том, что Христова Церковь требует от человека следования главной заповеди, преподанной в Нагорной проповеди: искания Царства Божия и правды его прежде всего. И для всей жизни Святейшего было особенно типично его верование, превратившееся в подлинно бытовое

* На Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви (30.11–02.12 1994) митрополит Филарет (Дроздов) причислен к лику святых. Память Святителя Филарета совершается 19 ноября (2 декабря по н. с.)

убеждение, что «сия вся приложатся» и что пещись о завтрашнем дне незачем, «ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы» (Мф. 6, 33–34).

Это отношение к происходящему прямо вытекало из его непоколебимой веры в непререкаемую верховную мудрость путей Божественного Промысла – в то, что всё совершающееся в мире происходит под промыслительным действием всемогущества Божия. Святейший Патриарх Алексий определял Божественный Промысл как всеблагой, всегда для нас спасительный, благодетельный и действующий благовременно. И отсюда – покорность его воле Божией, которая редко в ком достигала такой полноты, смирения и силы.

Отсюда же – и все умозрение Патриарха, его склад представлений, который на мирском языке часто называется «философией жизни». У Святейшего эта вера и эти убеждения способствовали превращению невозмутимости и безмятежности, – отчасти врожденных, отчасти заложенных в нем воспитанием, – в характернейшие черты. Отрешенность от будничных мелочей и вообще от житейской суеты появлялась у Патриарха не только в годы глубокой старости.

ГЛАВА II

ОТ РОЖДЕНИЯ ДО ПОСТРИЖЕНИЯ (1877–1902)

1. Родословное древо. Благочестивые традиции рода Симанских

Патриарх Алексий родился 27 октября (9 ноября по новому стилю) 1877 года в семье Владимира Андреевича и Ольги Александровны Симанских в Москве.

Род Симанских принадлежал к псковскому дворянству и был занесен в VI часть родословной книги Псковской, Московской, Новгородской и Санкт-Петербургской губерний (в «шестую книгу» были внесены «древние благородные дворянские роды», дворянство коих было установлено до 1685 года, то есть до указов 1686 и 1687 гг.).

Позаимствуем несколько строк из ценного документа – записи некоторых воспоминаний самого Святейшего, продиктованных им своему крестнику протоиерею Алексею Даниловичу Остапову: «У нас в семействе сохранялись многие грамоты на владение землями, на установленный герб и другие фамильные архивные документы, но, к сожалению, весь большой архив, хранившийся у моего отца, погиб в эпоху революции. По памяти могу до некоторой степени вспомнить следующих наших родоначальников. Мой отец, Владимир Андреевич Симанский, родился в 1853 году в родовом имении Симанских Екатерининском, Островского уезда Псковской губернии. Его отец, мой дед, Андрей Владимирович, родился в том же имении в 1821 году. Отец его, мой прадед, Владимир Александрович родился в 1786 году, был помещиком в той же Псковской губернии, причем он являлся строителем храма в имении – храма, который существовал до самой революции и с этой частью имения принадлежал младшему брату моего деда Павлу Владимировичу, бывшему морскому офицеру, затем предводителю островского дворянства, принявшему впоследствии священство, жившему почти безотлучно в этом своем имении и совершавшему в родном храме божественные службы».

«Имение Симанских, – говорил в другом месте Святейший Патриарх, – о котором я упомянул, было прекрасно расположено на берегу реки Великой[8], через которую был виден город Остров, и таким образом, наряду с уединенностью усадьбы, было налицо и недалекое оживление города. Город Остров был довольно оживленный город.

Оживление это давало ему расположение в нем в давние времена пехотного полка, офицерского собрания и т. д. Кроме того, относительная близость его к западным губерниям и прекрасное шоссе, ведущее в Вильну и Варшаву, делали город проездным из столицы, что также способствовало его оживлению.

В имении Владимира Александровича оседали и сыновья его по мере того, как они обзаводились собственной семьей. И для каждого из них Владимир Александрович строил по отдельному дому. Таким образом, ко времени моего посещения этого нашего родового гнезда имение представляло собою целый ряд небольших, но весьма уютных особняков, а в середине парка возвышалась церковь Спаса с колоннадами на четырех ее сторонах. <...>

Храм построен был равноконечным крестом. На восточной стороне против алтаря находились могилы Владимира Александровича и Екатерины Андреевны Симанских, а с каждой из сторон храма были погребены семейства сыновей Владимира Александровича – Александра Владимировича, Павла Владимировича, Николая Владимировича. Четвертое место хранилось для семейства моего родного деда Андрея Владимировича, но он и бабушка Анна Петровна были погребены в Москве, а родители мои скончались в эпоху революции и похоронены: отец в Ленинграде (в 1929 году) на Новодевичьем кладбище, мать (в 1920 году) в Москве, в Новодевичьем монастыре».

Принявший священный сан отец Павел Симанский (внучатым племянником которого был Патриарх Алексий) был озабочен судьбой храма в Екатерининском после его смерти. «И вот, – говорит Святейший Патриарх, – в 1897 году у него, а также у моего отца явилась мысль учредить в этом имении при родовом храме женскую обитель. Павел Владимирович отдавал всю землю своего имения и храм и некоторые дома в пользу обители, оставив себе лишь домик с прилегающим к нему парком. А мой отец пожертвовал принадлежавшую ему землю и капитал в несколько десятков тысяч рублей. <...>

Святейший Синод в 1897 году утвердил Положение о Спасо-Казанском женском монастыре в имении Симанских, и 17 августа того же года было торжественное открытие этой обители, в которой уже поселились несколько сестер во главе с игуменией Руфиной. Было много духовенства во главе с епископом Псковским Антонием, архимандритами псковских монастырей и отцом Иоанном Кронштадтским, который пробыл гостем дедушки дней пять.

Я тогда был студентом II курса университета и вместе с родителями и братьями присутствовал на этом торжестве. Ввиду большого числа гостей, приглашенных к этому дню, заблаговременно был построен особый дом, который и вместил всех приглашенных.

Открытая в 1897 году таким торжественным образом обитель начала быстро процветать. Игуменья Руфина оказалась прекрасной духовной руководительницей и опытной в делах монастырского хозяйства. Храм стал сиять чистотой, служба установилась более или менее уставная, образовался довольно хороший хор».

К сказанному в кратких воспоминаниях Святейшего добавим, что в Спасо-Казанской обители число насельниц за два с половиной десятилетия ее существования достигло тридцати.

Из сказанного видно, что в роду Симанских был уже до Патриарха Алексия прецедент священнослужения и что традиция благоговейного отношения к Церкви существовала с давних времен. Отец Святейшего Патриарха Владимир Андреевич Симанский (родился 3/15 ноября 1853 года в псковском имении деда) был по образованию юристом, пробыл на государственной службе в Москве 15 лет. В 1876 году женился

на Ольге Александровне Пороховщиковой, дочери капитана в отставке лейб-гвардии Семеновского полка, москвича, известного своим широким гостеприимством. В. А. Симанский был пожалован в 1878 году званием камер-юнкера императорского дворца. Выйдя в 1891 году в отставку, он получил звание камергера и был пожизненно прикомандирован к канцелярии Святейшего Правительствующего Синода.

2. Рождение и первоначальное домашнее образование (1877–1888)

Ко времени рождения будущего Патриарха родители его жили в квартире в бельэтаже дома Куманина на Мясницкой улице в Москве. В этой же квартире над новорожденным старшим сыном четы Симанских было совершено протоиереем Александром Войновым, настоятелем соседнего приходского Никольского храма на Мясницкой улице (ныне не существующего), Таинство Крещения с наречением ему имени Сергия.

Родители Святейшего Патриарха Алексия, конечно, надеялись, что их старший сын сделает «хорошую карьеру», как говорил со слегка иронической добродушной усмешкой сам Святейший. Эту светскую карьеру они стремились подготовить, дав ему соответствующее образование. Сначала мальчика обучали дома по программе начальных классов средних школ с приглашением учителей, которых тщательно выбирал его отец. Языки он проходил с домашними гувернантками: французский – со швейцарской гувернанткой Сигвард, английский – с англичанкой Хантлей. Законоучитель Николаевского института протоиерей Николай Протопопов давал ему первые уроки Закона Божия.

Отец Патриарха, Владимир Андреевич, до своего поступления в Московский университет учился также дома. Это было обычным для многих состоятельных русских семей (особенно в прошлом веке). Дети сдавали так называемые «поверочные» экзамены при гимназиях. У отца Патриарха «приходящими» учителями были выдающиеся педагоги: историк В.О. Ключевский – будущая знаменитость; известный математик К.П.Буренин, по пособиям которого по математике и физике училось не одно русское поколение; автор популярного учебника русской грамматики С.И.Сосницкий. Сам Владимир Андреевич всегда учился превосходно, университет окончил с отличием, был весьма начитанным человеком. Начиная образование детей по собственному примеру с домашнего, для сына, в особенности старшего, он мечтал о большем.

В.А.Симанский задумал дать сыну Сергею высшее юридическое образование не только потому, что сам получил его (в период реформ крестьянской, земской, школьной и судебной и в канун освободительной Балканской войны), но и потому, что вполне усвоил правосознание и психологию юридизма, типичные для просвещенных русских дворян его поколения. Он считал, что конец XIX столетия ознаменует в мире окончательный переход общественных отношений под знак и примат законов и законности.

В.А.Симанский первоначально склонялся к мысли подготовить подраставшего сына к поступлению в императорское училище правоведения в Петербурге, но его супруга Ольга Александровна упросила мужа не отсылать сына далеко от родного дома в Москве.

Как рассказывал Патриарх, отец его предполагал, что сын будет принят в государственную канцелярию, то есть в учреждение, в котором согласовывалась под руководством государственного секретаря деятельность департаментов Государственного Совета – высшего законодательного, точнее, законосовещательного органа Российской империи. Поэтому Владимир Андреевич, не настаивая на петербургских школах, все же остановил свой выбор на родном для него самого юридическом факультете Московского университета, его собственной «альма матер».

По мере того как сын подрастал, быстрое усвоение им преподаваемых предметов, а с другой стороны – изменение учебных программ и заметное улучшение школьного дела побудили родителей отдать мальчика в школу. Для этой цели они избрали Лазаревский институт, приобретший к середине века международную репутацию своим замечательным по серьезности преподаванием, образцовым интернатом и ценным книгохранилищем.

3. Лазаревский институт (1888–1891)

Институт был основан после Отечественной войны 1812 года влиятельным армянским семейством Лазаревых и продолжал называться по их имени даже когда перешел к семидесятым годам «в казну», то есть поступил в ведение Министерства народного просвещения и был включен в общую систему гимназий. Старшие «специальные» классы были приравнены к высшим учебным заведениям и в них кроме общих предметов преподавались восточные языки. Вообще в Лазаревском институте всегда особое внимание уделялось культурам Востока.

Когда Сергей Симанский осенью 1888 года поступил в первый класс гимназического отделения Лазаревского института, там обучались сыновья многих влиятельных русских, армянских, грузинских семей, а также дети некоторых ученых из стран Ближнего Востока.

К тому времени установилась традиция, в силу которой почетными попечителями Лазаревского института назначались представители рода князей Абамелек-Лазаревых, давно приобретшего известность значительными дотациями на многие благотворительные, культурные и общественные нужды (умершая после революции в Риме княгиня Абамелек-Лазарева оставила по завещанию свое имение на Яникуле нашему государству, и знаменитая «вилла Абамелек» перешла Посольству СССР).

В Лазаревском институте духовно-нравственное образование учащихся было поставлено так же основательно и тщательно, как и преподавание светских предметов. Для обучения воспитанников армяно-григорианского вероисповедания было соответствующее отделение, порученное армянскому ученому духовенству. Закон Божий для православных учащихся преподавался протоиереем Петром Казанским, бывшим в родстве с Московским митрополитом.

Так как осенью следующего, 1889 года родители уехали в продолжительное путешествие по Западной Европе, сына Сергея они перевели из разряда приходящих учеников в разряд «пансионеров». За три года, проведенных в Лазаревском институте (1888–1891), Сергей Симанский показал себя способным и дисциплинированным учеником и был одним из первых, как говорят в наше время – отличником.

Учебные заведения, в которых обучался юный Сергей Симанский, такие, как Лазаревский институт и впоследствии Московский лицей, принадлежали к числу привилегированных. Подобные училища, в особенности с системой интернатов, быстро и интенсивно сообщали учащимся знание нескольких языков, поскольку в них чередовались «дежурные» дни с обязательным употреблением того или иного языка за едой, прогулками и досугом при участии преподавателей соответствующей национальности. Кроме того, такая система способствовала росту общей культуры учеников, которые в таких школах назывались «воспитанниками», и вырабатывала в них начатки основательной эрудиции.

Значительную роль во всех этих отношениях сыграл и самый стиль, если можно так выразиться, быта семейства Симанских. Беседа за столом, домашние игры, выписка из-за границы европейских классиков, детских книг и периодики, подбор знакомств – все, вплоть до привозимых из частых путешествий вещей, журналов,

новинок приводило и помимо школы к тому, что, как вспоминал свое отрочество Патриарх Алексий, он почти наравне с родителями, старшими родственниками и их друзьями с ранних лет был «в курсе» – в курсе более или менее всего происходившего. Знал по мере их возникновения новости придворной, светской, научной, театральной и даже судебной жизни, притом не только отечественной, но и международной.

Мальчиком Сережа Симанский был живо заинтересован, например, строительством Эйфелевой башни, которая была возведена для международной выставки 1889 года, когда ему самому еще не исполнилось 12 лет. Это событие было мировой сенсацией, и старший сын Симанских был, конечно, в курсе всех деталей, связанных с ним. И вполне естественно, что и о всех деталях выставки и о ее экспонатах интересовавшийся этим мальчик знал и читал не меньше взрослых.

По этому поводу следует отметить одну характерную черту покойного Патриарха: преставился он на 93-м году жизни, и сознательная часть этой долгой жизни была особенно продолжительной, начавшись рано. В годы его отрочества раннее развитие осознанности жизни было вообще характерно для сыновей интеллигентных семей. Это особенно проявилось в личной судьбе будущего Патриарха: в 12–13 лет познания его удивили бы более поздние поколения, а понимание событий и их значения ставили его на один уровень, или почти на один, со взрослыми.

Наряду с юношеской жизнерадостностью и непосредственностью у Сергея Симанского рано наступила умственная зрелость, вызвав умозрительные настроения и склонность к созерцательной жизни, редко встречающиеся в таком возрасте. Помимо врожденных свойств здесь сказалось и воспитание в семье и влияние родителей, позволившие ему вырасти нравственным и дисциплинированным юношей и привившие ему чувство ответственности за свои поступки и решения, как до конца жизни повторял сам Святейший Патриарх.

4. Императорский лицей памяти цесаревича Николая (1891–1896)

Самостоятельность Сергея Симанского (также и в отношении семьи) возросла с переменами, наступившими тогда, когда ему еще не исполнилось 14 лет и когда он был переведен родителями в Императорский лицей памяти цесаревича Николая (старшего сына Александра II, умершего в 1865 году от чахотки в Ницце). Лицей этот был основан в Москве в 1868 году на частные пожертвования. Так как первое значительное пожертвование было сделано публицистом М.Н. Катковым, лицей сначала называли Катковским. В Николаевский он был переименован в 80-х годах, но старое название его сохранилось в разговорной практике до революции.

По уставу 1890 года Московский лицей выдавал учащимся в нем аттестат зрелости по завершении курса восьми классов усиленной программы гимназии (в лицее было значительно расширено преподавание древних языков, истории и естественных наук). Новые (европейские) языки проходились интенсивным методом в особых вечерних классах. Преподавательский состав лицея был усилен многочисленными и превосходными иностранными педагогами. За восемью годами «гимназического» курса следовали три года «лицейских», то есть университетских. И гимназические годы, и университетские студенты и воспитанники проводили, как правило, в стенах лицейского интерната.

Московский лицей, во времена пребывания в нем юного Сергея Симанского, помещался в обширном каменном здании, сооруженном архитектором Вебером на Крымском проезде (у самого Крымского моста) в начале 70-х годов. После революции в этом здании помещался сначала Народный Комиссариат Просвещения, позднее

Институт красной профессуры, а в настоящее время находится Институт международных отношений.

Помимо программы гимназических классов Николаевского лицея (самой нагруженной из программ русских средних учебных заведений, в частности – классического профиля) другой его особенностью (в России уникальной) была система поощрения и повышения успеваемости учащихся и надзор за ней при помощи «туторов». «Тутор» (вернее «тютор») в английской университетской практике и в подготовке к поступлению в университет совмещает роли руководителя учебных занятий, репетитора и гувернера (а в английском юридическом языке «тютор» означает еще и «опекун»).

Как было установлено в Московском лицее, группа от 10 до 15 лицеистов вверялась туторам со специальным педагогическим опытом, которые сперва знакомились с познаниями, способностями и наклонностями своих подопечных воспитанников, составляли их учебные биографии и в продолжение всего лицейского курса эти биографии пополняли и исправляли, внимательно наблюдая за успехами и слабостями учащихся по всем предметам и за их общим развитием.

С поступления (в 1891 году) Сергея Симанского в IV класс лицея он жил в лицейском интернате большую часть времени – до заключительных государственных экзаменов в Московском университете. Это было вызвано главным образом тем, что с того же 1891 года по состоянию здоровья матери, О.А.Симанской, родители его стали проводить зимние месяцы в Ницце, в условиях мягкого средиземноморского климата. Они уезжали на юг Франции каждую зиму и в последующие годы. Таким образом, с 1891 года, когда Сергею Симанскому минуло 14 лет, он ежегодно на долгие осенние и зимние месяцы оказывался уже как бы вне домашнего семейного круга. От этого личный и прямой контакт с родителями стал, естественно, слабее и реже в годы, когда в юном Сергее созревали решения, которые должны были определить всю его дальнейшую и долгую жизнь.

В этот период его жизни сестра и братья его, хотя и оставались в Москве, тоже были в некотором роде разобщены. Сестра Анна, годом младше Сергея (родилась в 1878 году), была десяти лет помещена в седьмой (младший) класс московского Екатерининского института, брат Андрей (родился в 1882 году) был во втором Московском кадетском корпусе, и только младшие два брата, Филарет (родился в 1885 году) и Александр (родился в 1887 году), оставались дома под присмотром тетки, Веры Александровны Беклемишевой (сестры матери). Семейные связи пятерых детей Симанских оставались тесными и самыми родственными. Двое старших не так уж часто, но бывали дома в отпускные дни, брат Андрей часто посещал старшего брата и сестру в их школах. Все дети навещали деда и бабку, Андрея Владимировича и Анну Петровну, живших в Москве на Большой Дмитровке и всегда принимавших внуков с особой радостью, стараясь заменить им родителей.

В лицее Сергей Симанский приобрел, конечно, новые связи и знакомства. При поступлении его в лицей всех учащихся там было около 130 человек. Время и умственная энергия его были в значительной мере поглощены напряженными учебными занятиями. И это вполне понятно: наставники следили за тем, чтобы его успеваемость по всем преподаваемым предметам постоянно возрастала.

Молодого Симанского вверили руководству А.А.Гилярова, принадлежавшего к известной семье ученых педагогов. Сам Гиляров был специалистом по древним языкам, которые и преподавал в лицее. У него была репутация самого строгого преподавателя.

В «иерархии» иностранных воспитателей (тюторов) старшим был англичанин В.Н.Вуд, его помощниками – француз де Сэво и немец Реман. Сергей Симанский и

тут был одним из лучших учеников (он окончил гимназические классы с серебряной медалью) и в выпускном классе получил звание «старшего воспитанника».

За время своего пребывания в младших классах лицея будущий Патриарх всея Руси впервые постиг трагическую сторону неустроенности и нужды русского крестьянства (то есть огромного большинства населения Российской империи), о которых раньше не имел представления. Одноклассники его и лицеисты старших классов были поражены известиями о голоде, охватившем все восточные губернии Европейской России. В лицее, как и по всей Москве, собирали пожертвования для помощи голодающим.

Юношеское великодушие Сергея Симанского и его товарищей было оскорблено и возмущено, когда они узнали, что голод за Волгой (1891–1892 годов) был вызван не просто недородом, а невозможностью и неумением обеспечить подвоз хлеба из губерний, часто совсем недалеко друг от друга расположенных, урожай в которых, напротив, достигал высоких показателей. Один из лицеистов из семьи самарского помещика рассказывал, как в предыдущем десятилетии у них тоже возник голод, в то время как в соседней Саратовской губернии – всего только через Волгу – хлебу не было сбыта из-за небывало обильного урожая. Почти то же повторилось и в 1891–1892 годах.

Три четверти века спустя Патриарх Алексий не мог без сдержанного ужаса недоумевать по этому поводу: «Когда нам приходилось читать, что в голодные годы по всей России хлеба уродилось достаточно, чтобы с избытком прокормить все население России, мы были поражены, как могли произойти эти страшные бедствия – голод в Поволжье и на Урале с вызванными им эпидемиями». А на вопросы лицеистов их учитель истории (В. В. Назаревский) говорил им, что «так всегда было».

Горестное волнение Сергея Симанского было особенно видно его духовнику и законоучителю протоиерею Иоанну Соловьеву, который не мог не связывать эти переживания с первыми проявлениями разочарования в мирских путях юноши, скорее даже мальчика, поведавшего ему о возникновении в нем зачатков духовного и даже монашеского призвания.

Протоиерей Иоанн Соловьев, пристально наблюдая за формированием мировоззрения своего любимого ученика, которого он выбрал из среды лицеистов для прислуживания за богослужениями в лицейском храме, решил поговорить с В.А.Симанским. Это было уже далеко не в первые годы пребывания Сергея в лицее. Духовный наставник сказал отцу, что он не хотел бы оказывать на мальчика влияния в отношении выбора дальнейшего и окончательного пути, но что он видит его благочестие и необыкновенную истовость. Он не скрыл от Владимира Андреевича, что сын его все чаще высказывает недоверие к земным решениям и путям и даже обнаруживает стремление отрешиться от мира.

Отец согласился, что признаки этого и для него не новы, но сказал, что, постоянно думая о будущем сына, он находит нужным, чтобы он закончил образование, которое было для него намечено, и уже потом сам принял зрелые решения насчет своей дальнейшей жизни.

Ко времени окончания Сергеем Симанским гимназического курса лицея у него самого был обстоятельный разговор с отцом, который заверил его, что отеческое благословение на выбор пути ему обеспечено, но что родители настаивают, чтобы он сначала закончил светское высшее образование.

К этому времени представления родителей Сергея о возможной государственной карьере сына претерпели некоторые изменения. Ежегодные поездки за границу и ставшее привычным общение с членами русского дипломатического корпуса и видными иностранными представителями европейской культуры, а также оживление международной активности России при Александре III, царствование которого мало

способствовало, с другой стороны, деятельности в области законодательства, расположила отца к мысли о дипломатической карьере для сына. Поэтому он и стал было подумывать о завершении образования Сергея в «специальных» (то есть старших) классах петербургского Александровского лицея, которые были приравнены к последним двум университетским курсам, но зато открывали прямо доступ в Министерство иностранных дел.

Было бы ошибочно полагать, что родители Патриарха могли бы противиться его пострижению в монашество. Верно, что они не были подготовлены к этой перспективе, тем более что с детства сына обсуждали между собой его вероятное и возможное будущее и строили вполне определенные планы для этого будущего.

Препятствий на пути его они никаких не создавали и не желали создавать. Владимир Андреевич Симанский был человеком решительным и властным по характеру, но он же сам сознательно способствовал воспитанию детей на религиозно-нравственной основе и в степени несомненно большей, нежели это делалось в других семьях его круга. Сам же он согласился на собственное «прикомандирование» к канцелярии Святейшего Синода. И на пороге XX века вряд ли можно было найти других состоятельных русских людей, которые отдали бы имение и пожертвовали значительную сумму на основание монастыря.

В семье Симанских отец сам следил за домашней молитвой детей, за их регулярным и частым посещением храмов, соблюдением постов и вообще прививал им церковные навыки. Кроме того, он поддерживал близкое и дружественное знакомство со многими представителями церковной иерархии и ученого духовенства Москвы, так что старший сын в собственной семье уже привык к общению со священнослужителями и к беседам на церковные и религиозно-философские темы.

И отец же первым приучил сына к почитанию Преподобного Сергия Радонежского, он же совершил вдвоем с ним первое для Сергея паломничество к мощам великого русского святого. В дальнейшем паломничество в Троице-Сергиеву Лавру совершалось всей семьей. Впервые знаменитую речь В.О. Ключевского на юбилейных торжествах 1892 года о Преподобном Сергии юный Сергей Симанский прочитал с отцом.

Но, как уже отмечалось, В.А.Симанский выразил желание, чтобы сын его получил высшее юридическое образование, как было давно решено, и Сергей беспрекословно подчинился. Хотя, как он говорил потом, период его специализации по вопросам права оказался для него наиболее «формальным» и наименее духовно продуктивным. Но и на этом поприще он проявил свойственное ему усердие и завоевал симпатии своих профессоров на юридическом факультете Московского университета.

Из лицейских университетских классов в выпуске Сергея Симанского около десяти человек записалось на юридический факультет. Некоторые избрали философский факультет, лично молодого Симанского привлекавший более юридического, но он был связан данным отцу обещанием получить высшее юридическое образование.

1896 год был годом коронационным, и, поскольку коронация Николая II была назначена на 15 мая в Кремле, календарь работы московских школ подвергся изменению: выпускные экзамены в лицее были ускорены и аттестат зрелости Сергей Симанский получил уже 30 апреля. С сентября он начал занятия в университете, оставаясь пансионером в своем Лицее.

5. Московский университет, юридический факультет (1896–1899)

Привычная рабочая обстановка и учебная дисциплина в столь знакомых условиях значительно содействовали успешному прохождению университетских курсов.

На юридическом факультете и в русском правоведении вообще выделялся

профессор граф Л.А.Камаровский, занимавший в то время в Москве кафедру международного права. Камаровский – энтузиаст своей специальности – был учеником и почитателем знаменитого швейцарца Блюнчли. Блюнчли, которого можно считать отцом современного международного права, был основателем международного института, во многом отличного от привычных научных учреждений, именуемых институтами.

Его институт не имел постоянного адреса в смысле определенного местонахождения: он собирался на сессии и заседал в центрах европейской науки с целью пропаганды идей Блюнчли среди ученых кругов разных стран и внедрения в культуру народов сознания необходимости преодоления войн и обоснования мира на признанном международном праве.

Первая такая сессия состоялась в 1873 году в Генте, столице бельгийской Фландрии.

Мысль Блюнчли была подхвачена Камаровским в его докторской диссертации в Москве «О международном мире»: международные тяжбы и споры не должны вести к вооруженным столкновениям, а должны разрешаться международным трибуналом. До практического восприятия этой идеи – далеко не полного и не всеобщего – человечество могло дойти лишь после мировых войн небывалого размаха.

Ускорившаяся в конце девяностых годов прошлого века гонка вооружений и уже наметившееся разделение так называемого концерта великих держав на военные блоки, приведшие к Первой мировой войне, вызывали возраставшую тревогу у сторонников идеи мирного разрешения международных споров. Их пропаганда этой идеи нашла было отклик в официальных кругах: в августе 1898 года по инициативе России был предложен созыв международной конференции в Гааге по ограничению вооружений. Конференция была созвана в мае 1899 года, когда Сергей Симанский уже держал государственные экзамены по окончании курса университета.

Сокращения вооружений достичь не удалось (главным образом из-за позиции, занятой «центральными империями», и прежде всего Германией). Конференция ограничилась рядом конвенций о международных правилах ведения войн на суше и на море, о международных правилах обращения с ранеными и больными и наметила создание в Гааге «международного трибунала», компетенция которого была усилиями той же Германии сведена к минимуму.

Но в этот период энтузиаст идеи о международном суде профессор Камаровский был научным руководителем и консультантом лицеистов московского Николаевского лицея, проходивших курс юридического факультета в Московском университете. Он считал Сергея Симанского весьма одаренным молодым человеком и установил с ним тем более тесное сотрудничество, что и сам признавал религиозное начало самой глубокой и прочной основой для развития идеи международного мира.

Утвердить мир лишь на теориях позитивизма представлялось ему утопичным. Из сотрудничества между профессором и студентом-лицеистом возникла мысль о диссертации, предложенной Сергею Симанскому Камаровским, на тему «Комбатанты и некомбатанты во время войны» (то есть сражающиеся и мирные жители в военное время).

Патриарх Алексий впоследствии, посмеиваясь, говорил, что он изрядно помучился над этой диссертацией, которая в последние годы прошлого столетия казалась лишенной актуального значения и самого его мало интересовала. Но уже через пятнадцать лет правовое положение сражающихся и несражающихся граждан большинства европейских стран стало актуальнейшей проблемой, а еще через четверть века попрание немцами всех основ международного права на оккупированных ими

территориях, порабощение и истребление громадных масс мирного населения превзошли все, когда-либо случавшееся в истории.

Поэтому Патриарх с благодарным уважением вспоминал своего университетского педагога и говорил, что идеи Блюнчли и Камаровского прямо отразились на создании юридических основ международной жизни, Лиги Наций и особенно нынешней Организации Объединенных Наций.

Покачивая головой, Святейший Патриарх как-то сказал, возвращаясь к теме борьбы за мир: «Увенчание моего собственного образования уже так давно подготовило меня к тому, чтобы одним из первых взяться за дело отстаивания мира».

Патриарх Алексий говорил, что, когда в университетские годы он прочитал нашумевший в свое время в дореволюционной России рассказ Чехова «Мужики», его глубоко поразило и потрясло описанное писателем положение русского крестьянства. Юношей Сергей Симанский почти не соприкасался с крестьянским бытом, и познания его в этой области были ограниченны и теоретичны.

Первое и трагическое восприятие трудной жизни русской деревни было, по его собственным словам, результатом страшных голодных лет в Восточной России. В то же время молодой Симанский в университете уже знал, что девяностые годы успели быть прозваны на Западе «веселыми годами» из-за роскоши и легкой жизни крупной буржуазии, ставших возможными для баловней судьбы благодаря росту накоплений шальных богатств.

Социальные контрасты остро волновали русское студенчество в эпоху, в которую Сергей Симанский сам был студентом. На него лично все эти явления подействовали в смысле еще большего отхода от мирских интересов в целом. Первое десятилетие сознательной жизни вызвало в нем глубокое разочарование в возможностях преодоления житейских зол и язв человечества мирскими решениями и средствами.

6. Воинская служба (1899–1900). Вольноопределяющийся 7-го гренадерского полка генерала Тотлебена

Получив (4 августа 1899 года) университетский диплом, Сергей Симанский был поставлен перед необходимостью военной службы, так как его положение старшего из четырех сыновей в семье по закону обязывало его к отбыванию воинской повинности. Вместе с тем образовательный ценз предоставлял ему возможность получения известных льгот при прохождении воинской службы – прежде всего в отношении срока этой службы. Он поступил вольноопределяющимся в 7-й гренадерский Самогитский генерала Тотлебена полк (отличившийся в Балканскую войну под «третьей» Плевной в год и месяц рождения Сергея Симанского). Из-за того же образовательного ценза вольноопределяющийся Симанский был произведен в младшего, а затем старшего унтер-офицера (сержанта). Ему было разрешено отбывать службу и строевые занятия приходящим, не ночуя в казармах, и жил он в этот период у своей бабушки Анны Петровны Симанской (родители его были за границей).

В полку Сергей Симанский прослужил год. Военная служба его не тяготила, но и не привлекала: его мысли были уже заняты совсем иным.

Во время прохождения воинской службы в Москве у Сергея Симанского был родственник, избравший для себя военную карьеру. Это был его дядя (младший двоюродный брат отца Пантелеймон Николаевич Симанский) – капитан, сменный офицер и преподаватель Александровского военного училища (на Арбатской площади). Впоследствии он стал боевым генералом и членом Военно-исторической комиссии

Генерального штаба. К настроенности своего племянника-вольноопределяющегося он отнесся с удивлением, хотя и с уважением.

В 1900 году Сергей Симанский, отбыв свою службу, был уволен в запас в чине прапорщика. Осенью того же года он был принят студентом в Московскую Духовную академию.

7. Выпускник юридического факультета Московского университета Сергей Симанский – студент Московской Духовной академии (1900–1902)

Чтобы понять, как начался путь – церковный путь этой необыкновенной жизни, надо прислушаться к словам самого Патриарха. Публично он говорил об этом крайне редко. О себе он рассказывал в исключительных случаях и всегда со столь характерной для него сдержанностью и скромностью, просто и немногословно.

Публичный рассказ Патриарха Алексия о возникновении у него церковного, священнического призвания нам известен лишь один: в стенах Московской Духовной академии в Троице-Сергиевой Лавре в день празднования там памяти преподобного Никона Радонежского – 30 ноября 1962 года.

9 ноября Святейшему исполнилось в тот год 85 лет, и по своему обыкновению он пожелал отметить свой юбилей в столь близкой его сердцу Лавре, где, как мы уже отмечали, он любил проводить периоды церковного года, располагающие к особенному молитвенному и созерцательному настроению (как начало Великого поста), а также дни для него знаменательные или важные.

День своего рождения он встретил в Лавре, но когда его попросили дозволить посвятить особый день его юбилею, он избрал день преподобного Никона.

Ниже следуют слова из речи Патриарха, воспроизведенной в первом, январском номере «Журнала Московской Патриархии» за 1963 год и в IV сборнике его трудов.

«Разрешите мне в ответ на приветствие сказать и свое небольшое слово, – так начал Святейший. – Сегодня Лавра Преподобного Сергия празднует в честь ученика Преподобного Сергия – преподобного Никона. Преподобный Никон являлся верным помощником Преподобного Сергия при его жизни и после его кончины стал его преемником и святым угодником Русской Православной Церкви. В этом году мы празднуем 540-летие существования древнего собора во имя Святой Троицы, создателем которого является преподобный Никон.

И вот, пользуясь этим праздником церковным, мои ближайшие сотрудники по Священному Синоду, по Лавре Преподобного Сергия и Московской Духовной академии обратились ко мне с просьбой устроить в этот день собрание, для того чтобы выразить свои добрые чувства по отношению ко мне по случаю моего 85-летия, а также и свои сердечные пожелания для дальнейшего моего служения Святой Церкви.

Вы понимаете, что довольно тяжело выслушивать похвалы и приветствия, в которых много говорится о личных достоинствах человека. Но я не счел возможным поставить преграду этому желанию, и вот результатом его явилось наше дружественное собрание в пределах Лавры, в стенах нашей Духовной Академии. Я выражаю всем здесь присутствующим и всем приветствующим меня признательность за эти добрые чувства, которые вливают в мои уже немощные силы новую энергию, и мне хочется ответить на эти добрые чувства новыми плодотворными трудами».

И в этой речи Святейший Патриарх кратко коснулся начала своей сознательной церковной жизни. «Я рад и счастлив, – сказал он, – что наше собрание, такое сердечное, происходит в стенах великой Лавры Преподобного Сергия, которая является колыбелью моей жизни как до монашества, так и в последующее время монашества.

Уже самое имя, которое мне было дано при рождении и крещении – имя Преподобного Сергия, – свидетельствует о том, что мои родители отдавали меня под покров молитв и благословение Преподобного.

Я вспоминаю с особенным чувством наши семейные поездки в Лавру к мощам Преподобного Сергия в дни моего детства и юношества. А когда я уже подрос, то я и сам предпринимал такие поездки в знаменательные дни моей жизни и всегда находил утешение у мощей Преподобного.

Здесь 60 лет тому назад Господь судил мне принять постриг монашеский в лаврском скиту. Через год, в 1903 году, я получил здесь, в соборе Святой Троицы, сан иеромонаха...

Будучи молодым юношей, во время моего обучения в лицее я находился под влиянием известного и уважаемого в Москве законоучителя протоиерея Иоанна Ильича Соловьева; я от него много слышал о Московской Духовной академии, о ее знаменитых профессорах. Мне было очень приятно знакомиться через него с духовными предметами, которые здесь проходили и которые для меня, ученика светской школы, являлись совершенно новыми.

Между прочим, у отца Иоанна был особый метод преподавания Закона Божия. Он знакомил нас с проповедями многих знаменитых проповедников и с богословскими вопросами. Среди этих творений мне особенно запомнились проповеди митрополита Московского Филарета.

Все это способствовало тому, что во мне зародилось желание по окончании лицея поступить в Духовную академию, где я мог бы получить духовное образование.

И вот по окончании высшего светского образования Бог помог мне поступить в эту Академию. Это была новая для меня среда. Здесь все преподаватели и ученики были проникнуты одним религиозным духом. Поэтому для меня особенно приятно, что настоящее наше торжество происходит в стенах этой Академии, которая в свое время была для меня приютом и дала мне так много в смысле духовного образования.

На склоне дней моих Господь судил мне из усердных послушников Преподобного Сергия стать настоятелем этой Лавры, из ученика Духовной Академии превратиться в ее начальника. Я счастлив, что Господь приводит меня к тому, чтобы все мои силы отдать на служение родной Церкви, на служение родной Лавре и на служение родной Московской академии».

В неопубликованных записях, продиктованных Святейшим Патриархом, он рассказывал: «Уже поступая в Академию в августе 1900 года, я имел намерение, о чем говорил и ректору, Преосвященному Арсению, принять монашество. На это Преосвященный мне сказал, что надо войти в церковную жизнь Академии, освоиться с условиями тамошней студенческой жизни и тогда уже осуществить свое намерение. <...>

Я мог, как окончивший высшее учебное заведение – университет, сразу поступить на II курс Академии, но Владыка, именно для того, чтобы я полнее освоил новые для меня условия жизни, рекомендовал не спешить и поступить на I курс».

Из сказанного Патриархом видно, что епископ Арсений, вступавший тогда в третий год своего ректорства в Московской Духовной академии, считал, что юному Сергею Симанскому надо было укрепиться в своем стремлении принять монашеский постриг, и находил и для себя нужным присмотреться к молодому человеку, происходившему не из так называемого духовного сословия и подготовленному полученным уже светским образованием к светской же карьере.

Епископ-ректор выяснил у родителей его, что они хотя и не противились намерению сына, но не скрывали, что раньше имели для него иные надежды и планы. Эти

обстоятельства побудили ректора проверить серьезность намерений нового студента Академии, а также расположить его к тщательной проверке самого себя.

В первый год пребывания в Московской академии Сергей Симанский жил на квартире, снятой семьей его в Сергиевом Посаде (на Московской улице), посещая лекции и все занятия в качестве приходящего студента. Духовная обстановка в Лавре и Академии и преподаваемые на I курсе предметы укрепляли в нем его стремление к иночеству, как он говорил, вспоминая это дорогое для него время, «не говоря уже о прекрасных богослужениях, совершаемых в академическом храме, где бывали постоянные архиерейские службы, а также, конечно, и в Лавре, куда я ежедневно ходил приложиться к мощам Преподобного Сергия. Так прошел первый год моего пребывания в Академии.<...>

Перейдя на II курс, я, по совету Преосвященного ректора, перешел на жительство в самую Академию. Мне была предоставлена комната в так называемом Больничном корпусе, в нижнем этаже. Со мною там жил очень благочестивый юноша, студент III курса Беневоленский, но чаще я находился там один, потому что он, как москвич, на все праздничные дни, а иногда и по болезни отлучался к родным в Москву».

Этот первый год позволил епископу Арсению, внимательно следившему за преуспеванием, прилежанием, поведением Сергея Симанского и всей его жизнью, составить себе определенное положительное мнение о своем студенте. Из этого проистекли и все дальнейшие события в жизни будущего Патриарха.

8. Пострижение в монашество с именем Алексий в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой Лавры ректором МДА епископом Арсением (Стадницким) (9 февраля 1902 года). Рукоположение во иеродиакона (17 марта 1902 года, в Неделю Крестопоклонную)

Приведем опять несколько его слов из фрагментарного и очень простого повествования о происходившем в его жизни в конце 1901 – начале 1902 годов.

«В декабре месяце я подал Преосвященному прошение о пострижении в монашество. Преосвященный прошение принял, но рекомендовал мне не разглашать об этом, так как ему нужно было получить на это пострижение разрешение от митрополита, и, кроме того, многочисленные мои знакомые могли до времени злоупотребить деликатностью и всячески на все лады комментировать это обстоятельство».

Надо помнить, что Сергею Симанскому, студенту II курса Московской Духовной академии, когда он подал епископу Арсению прошение о постриге, уже исполнилось 24 года.

«Довольно скоро пришло разрешение на постриг, – продолжал Святейший Патриарх, – и Преосвященный наметил самый срок пострижения, именно: в субботу 9 февраля в Гефсиманском скиту в придельной пещерной церкви. Относительно имени был разговор у меня с Владыкой. Я сказал, что предаю себя и в этом, как и во всем прочем, его воле, но что у нас в семье особо чтится святитель Алексий, митрополит Московский, имевший такое близкое духовное отношение к Преподобному Сергию, имя которого мне было дано при крещении».

Слова самого Патриарха Алексия показывают, что ко времени принятия им монашества он считал себя послушником епископа Арсения (о котором мы уже говорили), а его своим руководителем, «аввой», воле которого он предавал себя во всем. И после пострига все степени священства он получал от рукоположения того же Преосвященнейшего Арсения, в епархиях которого – Псковской и главным образом

Новгородской -- он 18 лет выполнял свое служение иеромонахом, архимандритом и викарным епископом.

Поэтому нам представляется необходимым в нескольких словах обрисовать этого выдающегося и во всех отношениях замечательного иерарха Русской Православной Церкви, имя которого тесно связано с ее историей в первую треть нашего столетия.

Преосвященный Арсений (Стадницкий) был молдаванином по национальности, уроженцем Бессарабии. Родился он 22 января 1862 года. Окончил Кишиневскую Духовную академию в 1880 году и Киевскую Духовную академию в 1885 году. В 1895 году он назначается инспектором Новгородской Духовной семинарии и защищает магистерскую диссертацию на тему: «Гавриил Банулеско-Бодони, Экзарх Молдавии и митрополит Кишиневский». В 1897 году переводится инспектором в Московскую Академию и становится профессором библейской истории. В 1898 году назначается ректором Московской Духовной академии. 28 февраля 1899 года состоялась архиерейская хиротония архимандрита Арсения во епископа Волоколамского, третьего викария Московской епархии.

В этом сане и в этой должности ректора Преосвященный Арсений становится духовным руководителем – внимательным и строгим – студента Академии Сергея Симанского. Святитель Арсений был одареннейшим человеком, наделенным типичными чертами южанина, и, как он сам говорил, был бы нрава неукротимого, если бы он не сумел преодолеть его в себе.

Действительно, необыкновенная воля позволила ему выработать редкое самообладание. По природе великодушный и самоотверженный, он был взыскательным начальником, когда надо – непреклонным и суровым. По глубокому духовному и идейному влечению он с ранней молодости вступил на путь служения Церкви и вскоре превратился в исключительного церковного администратора и педагога. Сила его влияния и воздействия на учеников, сотрудников и пасомых создала ему особый престиж, который, в свою очередь, снискал ему авторитет во всем русском епископате, сделав его имя одним из самых уважаемых в иерархии Русской Церкви. И редки были архипастыри, которые могли соперничать с ним по кругозору, энергии и работоспособности.

Московская Академия оставалась под управлением епископа Арсения до декабря 1903 года (когда Сергей Симанский был уже на III курсе). Преосвященный Арсений в конце того года был назначен епископом Псковским и Порховским. В это же время он был удостоен и докторской степени, представив на соискание ее исследование по истории Молдавской Церкви.

И показательный факт, свидетельствующий о его уже видной роли среди русских епископов: 8 марта 1906 года по епископским выборам он был включен в состав отрывшегося «Особого присутствия» по подготовке созыва Поместного Собора Русской Православной Церкви[9]. Он был возведен в сан архиепископа в 1907 году, а 10 сентября 1910 года получил одну из главных и обширнейших русских кафедр – историческую Новгородскую. Эта епархия в бытность архиепископа Арсения ее правящим архиереем достигла своего расцвета.

В этот период будущий Патриарх приобщается архиепископом Арсением ко многим начинаниям в его епархии (из которых некоторые получили в свое время всероссийскую известность) в качестве сначала свидетеля, а затем и участника. Ниже мы еще вернемся к дальнейшим событиям в жизни Преосвященного Арсения и его роли в жизни Русской Православной Церкви в ее важнейшие периоды.

Мы остановились на решении епископа-ректора назначить постриг студента II курса Московской Духовной академии Сергея Симанского на 9 февраля 1902 года в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой Лавры.

Обратимся опять к сжатому и немногословному повествованию Святейшего Патриарха, накануне дня своего пострижения с тюком монашеских одежд отправившегося в скит:

«Там духовник академической монашеской братии, иеромонах Иасон, у которого я и раньше бывал и исповедовался, принял меня с большой любовью. Мне дали келлию, я вечером исповедовался у отца Иасона и, как полагалось, стоял заутреню в скитском храме. Наутро по сугробам снега я прошел в сопровождении отца Иасона в пещерный храм и стал ожидать приезда Преосвященного и инспектора архимандрита Евдокима[10], которые имели служить Литургию с монашествующими скита и Академии. В положенное время после малого входа Преосвященный Арсений совершил надо мною чин пострижения и дал для меня имя Алексий. Должен сказать, что у меня в это время было самое спокойное и радостное настроение, и я как-то без страха, но с большим утешением и благодатным настроением переживал этот переход от мирской жизни в жизнь духовную.<...>

По окончании службы, за которой я был приобщен Святых Таин, Преосвященный по чину передал меня в духовное руководство старцу Иасону и приветствовал меня речью, по окончании которой благословил меня иконой Спасителя. По чину же церковному после службы меня проводили в братскую трапезу и затем водворили для почти безвыходного пребывания в скитский храм. Около пяти суток я пребывал в этом храме днем и ночью и только на малое время удалялся в свою келлию, все время облаченный в монашеские одеяния с мантией и клобуком. Ежедневно приобщался Святых Таин. Это пребывание в храме не было для меня тягостным, так как почти круглые сутки там совершались богослужения: длинная монастырская утреня, литургия, затем вечерня. Кроме того, надо было вычитать правило ко Святому Причащению.

В день Святителя Алексия – первый день моего Ангела – меня навестил Преосвященный Арсений с инспектором архимандритом Евдокимом. Затем мой отец с бабушкой – игуменией Леонидой и братом[11]. Отец привез мне недавно вышедший оттиск Евангелия, писанного рукою Святителя Алексия, с трогательной надписью.

На пятые сутки тем же порядком, в сопровождении не помню теперь кого из монашеской братии Академии, я вернулся в Академию, где незадолго до моего пострижения Преосвященный Арсений предоставил мне комнату в ректорской квартире[12].

Наступил Великий пост, в храме нашем совершались прекрасные службы; я, как и некоторое время еще до пострижения, продолжал за архиерейской службой быть книгодержателем у Преосвященного. На 3-й седмице поста Преосвященный мне объявил, что в Неделю Крестопоклонную, 17 марта, он меня будет посвящать в сан иеродиакона. Я ездил в скит накануне дня на исповедь к отцу Иасону, а 17-го числа совершилось самое рукоположение».

Сохранилось письмо отца Иоанна Соловьева – бывшего лицейского законоучителя и духовника, о котором говорил Патриарх (о воспитательной роли, а также о беседе которого с В.А.Симанским говорилось выше). В этом письме, которым весной 1913 года он приносил свои поздравления и пожелания епископу Алексию по случаю архиерейской хиротонии, бывший его наставник писал: «Живо, как сейчас помню маленького Сережу, который чудным голосом беседует с Богом в Шестопсалмии («Я его выучил, батюшка, хотите прочту» – слышится мне), и особенно какими-то проникновенными глазами вглядывается в то, что совершается на Святом Престоле в минуты Святого Таинства, стоя около меня с Служебником и как бы очищая и горе воздымая дух мой... Многое и еще чудится мне: и коврик, и служба Святителю Алексию, и исповедь – та исповедь, когда тот же маленький Сережа сравнительно просто, со слезами на глазах сказал мне: «Мне хочется быть монахом...».

С 9/22 февраля 1902 года для мира перестал существовать двадцатичетырехлетний Сергей Симанский. Вместо него появился инок Алексий, которому Промысл Божий судил через сорок три года взойти на Московский патриарший престол.

Как мы уже говорили в самом начале настоящего очерка, хотелось бы, насколько это возможно, освещать смысл этих событий и путь всей этой жизни не при помощи сторонних оценок или какого бы то ни было домысла, которому так легко впадать в заблуждение или допускать ошибки и искажения, а при помощи суждений и слов самого Святейшего Патриарха.

Так, если говорить о его настроенности при пострижении в иночество, не лучше ли просто привести его собственное исповедание того, чем должен быть подвиг монашеский, в слове по летам молодого архимандрита, обращенном к его постриженику иноку Серафиму (Страхову) 24 июля 1909 года в Крестовой архиерейской церкви в Туле[13].

Архимандрит Алексий (которому тогда еще не исполнилось 32 лет) говорил новопостриженному монаху Серафиму: «После того как согласными молитвами Святой Церкви в лице освященного собора иноческого и сего с благоговейным чувством молившегося о тебе народа – и по твоей, возлюбленный брат, углубленной, от сокрушенного сердца идущей молитве – Дух Господень невидимым мановением коснулся твоего внутреннего, духовного существа, и благодать Божия вдохнула в тебя новые силы для несения воспринятого тобой благого ига Христова – ибо что иное, как не Божественная благодать дает силы человеку немощному, многострастному, удобопреклонному ко греху, здесь, на земле, посреди всех соблазнов и искушений во зле лежащего мира, нести подвиг равноангельской жизни, каким является житие монашеское, – словом, после всех этих могущественных действий незримой для чувственного ока, но ощутимой для верующего сердца духоносной благодати, столь многообразно действующей в Православной Церкви, и только в ней, Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, себя проявляющей, – обычай церковный требует и моего немощного слова тебе в назидание и напутствие.

Приветствую тебя, боголюбезный брат, со вступлением на издревле святый, достовальный и возлюбленный путь иноческий; приветствую о совершившейся над тобой великой милостью Божией. Подлинно, нечто великое и, поскольку в этом великом проявилось неизреченное Божие милосердие, страшное над тобой ныне совершилось. <...>

Представь себе жизнь так, как живописуют ее богодухновенные песнословцы и учители Церкви, во образе моря, волнующегося бурями; и посреди этого моря, посреди этих волн, плывут бесчисленные ладьи человеческих жизней. Всем указана одна и та же цель: доплыть до пристани, всем и пути указаны верные, безопасные; но большинство ищет простора, устремляется на широкий путь, теряет из вида конечную цель плавания, удаляется от указанных путей, а не приближается к ним – и многие погибают в волнах на широкой дороге, открытой ветрам и бурям. И вот из всего множества плывущих по морю – тебя, возлюбленный брат, Христос, Пастырь добрый, Началовождь нашего спасения, хотящий всем спастись, избирает тебя, как немощное овча, извлекает из волн и ставит на верную стезю, ведущую в тихую пристань. Правда, эта стезя тесна, и на ней есть камни, и бури бывают, но зато она верно ведет всех; и тебя приведет к пристани, если ты не будешь отклоняться от прямого пути.<...>

Путь, на котором ты ныне стоишь и по которому имеешь идти даже до смерти, есть путь особенно высокий и Богу любезный; на нем некогда стояли и подвизались те, которых апостол Павел изображает следующими чертами: «Скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» (Евр. 11, 37–38).

Такими самоизгнанниками были великие угодившие Богу мужи древности, например, святые пророки Илия, Исаия, Иеремия, святый Предтеча Христов Иоанн; их подвиг изгнанничества потом приняли на себя преподобные отцы основатели иночества Антоний, Пахомий; такими же были столпы монашества, подвижничества Русской земли преподобные Сергий, Савва, Антоний, Феодосий; таким был и преподобный отец наш Серафим, имя которого сподобил тебя Господь ныне воспринять.

Взирая на весь этот святой сонм избранников Божиих, шествовавших ко спасению путем отречения от мира и его благ, подвизайся и ты, возлюбленный брат, возгревать в себе то чувство любви ко Христу, которое привело тебя на сей спасительный путь; и все более и более удаляйся от мира, всегда силящегося заглушить и подавить святые порывы христианского духа в человеке. Мир погибает от похоти плоти, похоти очес и гордости житейской; и вот для борьбы с сим тройственным проявлением страсти, гнездящейся в поврежденной грехом природе человека, ты вооружил себя крепким и надежным оружием».

Далее архимандрит Алексий подробно развивал мысль о борьбе монаха с этим тройственным проявлением страсти: «Ты обещался Богу хранить девство, и этим своим обетом положил начало борьбы с похотью плоти... Похоть очес – вот еще страсть, с которой ты имеешь бороться. Ничто не должно быть твоим отселе, потому что и сам ты уже себе не принадлежишь... Наконец, противоборствуя величайшей и глубокой язве, таящейся в немощной природе людской, – гордости житейской – ты обрек себя на всецелое послушание иной воле».

Эти положения были центром сильного и проникновенного слова молодого архимандрита, который в заключение сказал своему постриженику: «Знай, возлюбленный брат, что на жизнь иноков, на их подвиги и труды взирает не только один греховный мир, ищущий повода осудить монаха и надсмеяться над ним, но и души благочестивых, желающих видеть в добром иноческом житии себе назидание и поддержку; и вся святая торжествующая Церковь небесная, со всем великим сонмом наставников-монахов, преподобных и богоносных отцев. Проходя твое послушание пред лицем сих небесных свидетелей, к ним возводи мысленные очи, к ним простирай руки, от них ожидай небесной помощи и меньше останавливай взор свой на грешной земле с ее суетой и ее соблазнами».

Нам представляется, что в приведенных цитатах поучения архимандрита Алексия, преподанного юному монаху, постриженному через семь лет после его собственного пострига, можно ясно видеть глубокие причины ухода его из мира и найти как бы программу монашеской жизни, которую он для себя выбрал.

ГЛАВА III

СЛУЖЕНИЕ ЦЕРКВИ ХРИСТОВОЙ ОТ ИЕРОМОНАХА ДО ЕПИСКОПА (1900–1913)

1. IV курс Академии. Рукоположение во иеромонаха Преосвященным Арсением (Стадницким) (21 декабря 1903 года, в день памяти святителя Петра, Митрополита Московского и всея России чудотворца)

Неполных два года отец Алексий пробыл иеродиаконом. Перейдя на IV курс Академии, он начал работу над дипломным сочинением на тему «Господствующие в современном нравственно-правовом сознании понятия перед судом митрополита Филарета». Об этом сочинении мы уже говорили выше.

Осенью 1903 года Преосвященный ректор Академии уведомил иеродиакона Алексия о своем намерении возвести его в сан иеромонаха. Епископ Волоколамский Арсений был к тому времени уже вторым викарием Московской епархии и ему приходилось совершать в Москве больше архиерейских служб, нежели в первые годы ректорства в Академии.

В декабре он служил литургию в Храме Христа Спасителя. Иеродиакон Алексий был в числе сослужившего ему духовенства. Перед богослужением Преосвященный Арсений сообщил ему, что неожиданно для себя он получил из Синода определение о назначении епископом Псковским и Порховским. 21 декабря/3 января 1903 года, в день памяти митрополита Петра, всея России чудотворца, епископ Арсений совершал в последний раз богослужение в Троицком соборе Лавры. Здесь возле мощей Преподобного Сергия, состоялось рукоположение иеродиакона Алексия в сан иеромонаха. Вокруг престола новопоставленного обводил казначей Лавры архимандрит Никон (Рождественский), который десять лет спустя участвовал в сонме епископов при архиерейской хиротонии будущего Патриарха.

Первое иерейское служение отца Алексия состоялось в Чудовом монастыре (в Московском Кремле) у мощей другого великого святого, имя которого он носил, – митрополита Алексия. Ставленник Преосвященного Арсения прибыл тогда из Лавры в Москву провожать Владыку, который при выездах туда имел местопребыванием Чудов монастырь.

Иеромонах Алексий сопровождал затем епископа в Петербург. В петербургском подворье Троице-Сергиевой Лавры, на Фонтанке, где остановился епископ Арсений, последний встретился со своим предшественником по Псковской кафедре архиепископом Сергием (Ланиным)[14], получившим тогда в управление одну из главных русских епархий – Ярославскую. Таким образом, у епископа Арсения оказалась ценная возможность получить исчерпывающую информацию о своей первой епархии, в которую он направлялся, и полезные братские советы от только что покинувшего ее архипастыря.

Отец Алексий был представлен архиепископу Сергию, который пригласил его сразу после выпуска из Академии посетить его в Ярославле. Пока шло обсуждение дел Псковской епархии между обоими Владыками, иеромонах Алексий, пользуясь свободными днями во время рождественско-крещенских святок, поехал в Псков, чтобы там участвовать во встрече нового правящего епископа.

Встреча Преосвященного Арсения была весьма торжественной, со всем духовенством и городскими властями, на вокзале, откуда многотысячный крестный ход направился к кремлевской возвышенности, с которой лился над городом радостный трезвон и хоровое пение приветствовало вступление нового псковского архипастыря в древнее Довмонтово городище и восхождение его по знаменитым лестницам под своды исторического Троицкого кафедрального собора.

Эта встреча осталась на многие десятилетия одним из ярких впечатлений молодого иеромонаха, которому суждено было и самому два года нести послушание и службу в этой славянской русской твердыне, некогда независимой, между реками Великой и Псковой, могучие приземистые стены соборов, башен и монастырей которой остаются по сей день чудеснейшими памятниками неповторимого северного, именно «псковского» стиля.

Сорок три года спустя отцу Алексию суждено было уже в сане Патриарха вступить под те же старинные своды псковской Троицы, окруженной огромными толпами, для освящения заминированного гитлеровцами при бегстве из Пскова и сильно

покалеченного мощного храма. Тогда еще был заложен досками местный ряд знаменитого многоярусного иконостаса, превращенный в прах миной, разрыв которой был механически тщательно приурочен к моменту отверзания царских врат. Это посещение Патриархом Алексием Пскова в июле 1946 года было последним.

Но в 1903 году отец Алексий имел возможность, как потомок псковичей, несколько дней знакомить своего епископа и наставника с его епархиальным городом и церковной жизнью, самому иеромонаху уже достаточно знакомыми по прежним посещениям Пскова и родного для всех Симанских Екатерининского.

По возвращении в Академию иеромонах Алексий нашел там обстановку несколько изменившейся с назначением нового ректора в лице прежнего инспектора архимандрита Евдокима (Мещерского), который в январе 1904 года был хиротонисан во епископа Волоколамского. Инспектором академии был назначен с возведением в сан архимандрита иеромонах Иосиф (Петровых), присутствовавший в свое время при постриге отца Алексия в Гефсиманском скиту Лавры.

Отсутствие авторитетного Владыки Арсения давало себя знать, правда в степени, в первое время почти неуловимой. Во всяком случае, характерно, что двум вышеупомянутым церковным деятелям пришлось сыграть впоследствии значительную роль в двух противоположных послереволюционных расколах: архиепископ Евдоким после Собора 1917–1918 годов, занимая Нижегородскую кафедру, примкнул к обновленческому расколу, был даже председателем обновленческого синода и, не имея мужества покаяться, отпал совсем от Церкви; митрополит Иосиф, назначенный было в 1926 году на Ленинградскую кафедру, возглавил названный по его имени «иосифлянский» раскол.

В сан иеромонаха отец Алексий был рукоположен, когда ему оставалось пробыть в Академии менее полугода. В эти месяцы он усердно работал над окончанием своей курсовой кандидатской работы. В учебном отношении годы, проведенные в Академии, были чрезвычайно полезны для завершения его образования. В научном отношении старая Московская Духовная академия переживала последний период своего расцвета, когда студентом ее был Сергей Симанский, в ней же ставший монахом Алексием.

В годы его обучения в Академии преподавали выдающиеся профессора, ученые труды и педагогический опыт которых снискали им известность и в русской, и в международной науке. Приведем имена тех из них, которых с особым уважением и благодарностью вспоминал впоследствии Патриарх Алексий: Иван Дмитриевич Андреев (история Византии и Константинопольской Церкви), автор биографических работ о вселенских патриархах; Алексей Иванович Введенский (философия и гомилетика), бывший научным руководителем отца Алексия при писании им кандидатского сочинения; Сергей Сергеевич Глаголев (кафедра введения в круг богословских наук), ученый широчайшего диапазона, автор целого ряда оригинальных по мысли трудов о происхождении жизни, космогонии, естествоведения, антропологии, астрономии, о Божественном Откровении и богопознании, по истории религий, религии в Китае и Японии; Александр Петрович Голубцов (литургика, церковная археология, иконография); Николай Гаврилович Городенский (теория словесности, история иностранных литератур), специалист и автор трудов по нравственному богословию и теории познания; Илья Михайлович Громогласов (история, в частности история Раскола); Николай Александрович Заозерский (церковное право), авторитетный канонист; Василий Осипович Ключевский (русская история), знаменитый историк, был избран в Академию наук через месяц после поступления Сергея Симанского на первый курс Московской Духовной академии, в которой продолжал преподавание до 1906 года (в годы учения иеромонаха Алексия (Симанского) Ключевский уже носил титул заслуженного

ординарного профессора Московской Духовной академии и Московского университета); Митрофан Дмитриевич Муретов (Священное Писание Нового Завета), один из крупнейших представителей русской экзегетики, широко известный трудами по православной герменевтике, в частности своими исследованиями учения о Логосе в древних источниках; Василий Никанорович Мышцын (Священное Писание Ветхого Завета); Василий Александрович Соколов (история западных исповеданий), слушатель первого курса Ключевского, увлекательно о нем рассказывавший студентам в первые годы столетия; Анатолий Алексеевич Спасский (общая церковная история), автор трудов по истории Византии и по эпохе Вселенских Соборов; Михаил Михайлович Тареев (нравственное богословие и гомилетика); Павел Васильевич Тихомиров (философия); Александр Павлович Шостьин (догматическое и пастырское богословие, педагогика).

Перед окончанием Академии иеромонах Алексий был в числе пяти кончавших курс в 1904 году, подавших докладные записки о своем желании работать по духовно-учебному ведомству. Митрополит Московский Владимир[15], видимо, имел в виду назначить его надзирателем в Заиконоспасское Духовное училище в Москве, но отец Алексий просил послать его на педагогическую работу в провинциальный город.

Кандидатская работа его о митрополите Филарете была оценена как отличная[16]. 21 июня 1904 года иеромонах Алексий был выпущен из Московской Духовной академии с дипломом кандидата богословия. Через несколько дней он выехал в Ярославль к архиепископу Сергию, начинавшему в тот момент канонический объезд своей епархии. Вместе с архиепископом он по Волге доехал до Рыбинска. В селе под Рыбинском находился стяжавший всероссийскую известность отец Иоанн Кронштадтский (Сергиев). Простившись с архиепископом Сергием, отец Алексий на лодке отправился к отцу Иоанну, которого сопровождал после этого на пароходе до Рыбинска. В этот день был сделан групповой снимок, которым Патриарх Алексий очень дорожил.

В конце июня 1904 года отец Алексий после краткого пребывания на берегах Волги отправился из Рыбинска поездом в Псков. В это время он побывал в родовом имении Симанских Екатерининском и в Спасо-Казанской обители, основанной там в 1897 году[17].

Затем, когда он гостил на архиерейской даче на Снятной горе у епископа Арсения, Преосвященный сообщил ему, что он представил его Святейшему Синоду для назначения на место инспектора Псковской Духовной семинарии, освободившееся после перевода прежнего инспектора Ф.Л.Царевского в Нижний Новгород. Вскоре пришло сообщение об утверждении Синодом иеромонаха Алексия на этом первом его педагогическом посту.

2. Иеромонах Алексий (Симанский) – инспектор Псковской Духовной семинарии (1904–1906). Возведение в сан архимандрита (18 сентября 1906 года, в Неделю по Воздвижении Животворящего Креста Господня)

В августе отец Алексий вступил в свою должность. Для описания псковского периода его жизни мы прибегнем к записи его собственных слов из рассказа об этом периоде, сделанного во время его морского путешествия на Кавказ в 1955 году – полвека спустя. Святейший вспоминал, что, начав работу в Псковской семинарии, он поселился в прекрасной, только что отделанной квартире инспектора. С начала учебного года ему пришлось исполнять и должность ректора семинарии, так как назначенный ректором инспектор Курской Духовной семинарии архимандрит Борис (Шипулин)[18], впоследствии архиепископ Ташкентский, еще не успел приехать.

«Должность инспектора семинарии довольно сложная и беспокойная, – говорил Патриарх, – в сущности говоря, на нем лежит вся хозяйственная и воспитательная сторона. Ему приходится ежедневно с самого раннего утра (утренняя молитва воспитанников, совершаемая в церкви, бывает около 8 часов утра) и до позднего вечера, когда семинаристы отправляются на ночлег, быть на ногах. Кроме того, он являлся преподавателем Священного Писания Нового Завета в V классе, так что приходилось по вечерам, когда семинаристы уже отходили ко сну, заниматься подготовкой к урокам.

Несмотря на то, что Семинария только что пережила волнения, из-за которых и ректор протоиерей Лебедев, и инспектор Ф.Л. Царевский были переведены на другие места, и то, что наступил 1905 год, время моего инспекторства в Псковской Духовной семинарии было более или менее спокойно, так что я об этом времени вспоминаю с добрым чувством.

Семинария была небольшая, всего около 300 человек; семинаристы вообще были народ благовоспитанный, корпорация семинарии состояла из опытных преподавателей. С ними у меня сложились лучшие отношения, хотя среди них при моем 26–27-летнем возрасте я был самым младшим, причем в V и VI классах было два-три воспитанника, оказавшихся каким-то образом старше меня.<...>

Ректор архимандрит Борис был мне хорошо знаком по Академии, он в мое время был там помощником инспектора и постриг принимал почти в то же время, как и я. Таким образом, у нас с ним было много общего, много общих воспоминаний; мы оба были постриженниками Преосвященного Арсения и пользовались его вниманием к нам и покровительством. Однако отец Борис пробыл ректором Псковской семинарии недолго. Через полтора года он был назначен в Москву синодальным ризничим, а затем настоятелем Новоспасского монастыря, потом ректором Московской Духовной семинарии и, наконец, епископом Чебоксарским, викарием Казанской епархии. Затем мы с ним довольно продолжительное время почти не встречались. Встретились в 1933–1934 годах, когда он приезжал ко мне в Ленинград, где я был тогда митрополитом, перед своим назначением в Петрозаводск.[19] <...>

Кроме ректора и меня, монашествующих в семинарии был только преподаватель церковного устава иеромонах Ювеналий (Масловский), переведенный с должности члена Урмийской миссии, молодой кандидат богословия, окончивший курс Казанской Духовной академии в 1903 году. Через полтора года он был назначен настоятелем Елеазаровой пустыни Псковской епархии, которую он, любитель и знаток монашеской жизни, поднял на большую духовную высоту. С этой должности он был переведен настоятелем Юрьева монастыря в Новгороде, а оттуда в 1914 году назначен епископом Каширским, викарием Тульской епархии. Он поселился в моей квартире, и мы с ним жили весьма дружно»[20].

Сказанное Святейшим Патриархом отражает внешние факты его педагогической деятельности в самом ее начале и, как у него это бывало всегда, с типичной для него немногословной скромностью. Между тем хорошо известно, что молодой инспектор сразу завоевал доверие и симпатию как сослуживцев-педагогов, так и учащихся. Два года, проведенных им в Пскове, оставили в его памяти, по его же словам, «доброе чувство». Но то же чувство сохранили о нем и все, так или иначе соприкасавшиеся с ним за этот короткий период.

По своему характеру период этот мог быть, однако, весьма беспокойным. С осени 1904 года по осень 1906-го вся Россия пережила кризис, какого по объему и глубине страна ранее не знала. Духовная школа была, можно сказать, в авангарде общественного возбуждения именно в период инспекторства иеромонаха Алексия в Пскове, а,

как отметил сам Святейший, его предшественника и прежнего ректора сместили как раз перед его назначением. И сместили из-за эксцессов, имевших место в Псковской семинарии. Начинать педагогическую работу, всегда трудную, он вынужден был в исключительно нервной обстановке. Ему пришлось сразу же проявить на новом для него поприще исключительный такт. Это качество как одно из наиболее характерных своих качеств он являл в самых различных ситуациях.

И в Пскове, как и во всех местах, куда его впоследствии направлял Промысл Божий, он проявлял этот свойственный ему такт в обращении с вверенными его попечению людьми, вызывая их к себе доверие тем доверием, которое он первым сам им оказывал. Умение вызвать самых беспокойных на откровенную и искреннюю беседу сразу успокаивало горячие головы, привыкшие лишь к взысканиям, наказаниям, суровости, часто унижающей или, во всяком случае, казавшейся унизительной.

Еще одно качество иеромонаха Алексия осталось в нем на всю жизнь – это терпение. В то же время и учащиеся, и учащие видели со стороны молодого инспектора симпатию и доброжелательство к себе и к своим товарищам и коллегам. И они очень быстро поняли самую высокую черту его: покорность воле Божией.

Все это с первых шагов иеромонаха Алексия на педагогическом поприще показало, что он обладает набором таких качеств, которые делали его образцом педагога, и особенно в духовной школе.

Инспектором Семинарии в Пскове иеромонах Алексий оставался два года. Определением Святейшего Синода от 16 сентября 1906 года за 5180 он был назначен на должность ректора Тульской Духовной семинарии с возведением в сан архимандрита.

18 сентября епископ Псковский и Порховский Арсений совершил в силу этого определения чин возведения иеромонаха Алексия в сан архимандрита в Троицком кафедральном соборе. В Пскове за короткий срок успели привыкнуть к инспектору своей семинарии, обаяние которого привлекло к нему симпатию и уважение не только в церковных кругах. Связанность всего рода Симанских с Псковской землей сразу расположила псковичей признать его своим, и они искренно сокрушались при столь быстром расставании с отцом Алексием.

Покидая Псков, новопоставленный архимандрит Алексий, которому тогда было 28 лет, вступал уже в возраст зрелой самостоятельности, будучи убежденным, сознательным монахом и ответственным педагогом, с очевидным успехом справившимся с пусть и кратковременной, но напряженной работой. И он впервые покидал знакомую обстановку, где веяло еще связью с семейным прошлым и родней. До тех пор он знал Москву, Сергиев Посад с его Лаврой и Псков.

Выезжая в Тулу из родного ему Пскова, молодой архимандрит начинал долгое – длившееся две трети века – паломничество на поприще апостольском. На этом поприще Промысл Божий судил ему сперва жребий учительства, на котором ему пришлось отдать всю меру своих воспитательных способностей в среде юных, а через пять лет – начало особенно трудного епископства, духовное бремя которого он будет призван ощущать на раменах своих без малого – без нескольких дней – 57 долгих лет. И через четыре десятилетия увенчание этого пути – патриаршество.

Весьма характерно для будущего Патриарха всея Руси публичное исповедание готовности нести «собственный жизненный крест» при расставании с Псковом, с его семинарией после двухлетней напряженной и всепоглощающей воспитательной работы и на пороге еще неведомого шествования на раз и навсегда избранном поприще. Поприще это рисовалось ему как его крестный путь. И никогда в дальнейшей жизни он не говорил об этом с такой конкретной отчетливостью, как в этот для него перелом-

ный момент в Пскове, откуда он в духе сознательной и самостоятельной готовности выходил навстречу великим ветрам XX столетия.

20 сентября 1906 года, через четыре дня после назначения ректором в Тулу, отец Алексий в прощальном слове сказал: «Я не знаю, что меня ожидает в будущем, как я понесу возложенное на меня Промыслом Божиим новое трудное послушание. Но я хорошо знаю, что путь, на котором стою я, есть путь нарочито крестный.<...>

Знаменательными для меня представляются обстоятельства, при которых я на самых первых порах призван был к служению церковному. Ровно пять лет назад, когда я был светским студентом Духовной академии и только мечтал о монашестве, как о чем-то отдаленном и лишь возможном в будущем, я в первый раз благословлен был Владыкою облачиться в одежду клирика – в канун праздника Воздвижения Честного Креста. И тогда я понял, что это не есть случай, а есть особое указание Промысла Божия на то, что путь, к которому я стремлюсь, есть путь нарочито крестный.

В следующем году, когда я был уже облечен в сан инока, рукоположение мое во диакона должно было совершаться в начале Великого поста, но маловажное, по видимости, обстоятельство побудило отложить посвящение, и оно совершилось в Неделю Крестопоклонную. Тогда и Владыка отметил мне в своем ко мне поучении, что это не есть случайность, а есть вторичное напоминание мне о том, что путь, на который я решительно вступил, есть путь нарочито крестный. <...>

Наконец, теперь, когда милостивым изволением Божиим я возношусь на степень чести в чине церковном и вместе с тем расширяется область моего служения Святой Церкви, все сие совершается именно в те дни, когда Святой Церковью износится Святой Животворящий Крест для напоминания каждому о собственном жизненном кресте. А для меня это снова не есть случайное совпадение, а есть еще новое указание Промысла на то, что и путь чести, и путь широкого действования есть путь нарочито крестный. Так я смотрю на свое служение. Так я смотрю на свое назначение»[21].

3. Архимандрит Алексий – ректор Тульской Духовной семинарии (1906–1911)

Вновь посвященный архимандрит прибыл на место своей новой работы и жительства в Тулу 1 октября, в воскресный день. Поэтому с вокзала он проехал прямо в семинарский храм, где после молебна вышел в мантии на солею и обратился к преподавателям и ученикам семинарии со Словом, которое мы и воспроизводим в бо́льшей его части:

«Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа (Рим. 1, 7). Ничем лучшим, как сим апостольским призыванием благодати и мира, не могу я приветствовать вас, честнейшие братья сослужители, и вас, возлюбленные, Богом врученные мне чада! Ибо что может быть драгоценнее благодати Христовой и вожделеннее мира, который подается от Бога Отца? И обилие этих именно благодатных даров я вам усердно от Господа призываю и сим призыванием предначинаю мое общение с вами, к которому отныне неисповедимые судьбы Божии привязали меня благими и священными узами. Со смущением внял я званию моему, со страхом принял я жребий своего служения, ибо не видел и не знаю в себе ни знания достаточного, ни опыта, ни разумения, ни сил духовных. Но по званию христианина, по званию инока, я не дерзаю входить в рассуждение судеб небесных. В сознании своей немощи я смиренно предаю себя в водительство Божие и молитвенно уповаю, что Господь совершит силу Свою в немощи нашей к назиданию и пользе врученных нам чад. <...>

Призываю Божие благословение на обновившееся лето учебное, да будет оно для нас мирным, да будет оно светлым. Божественная мудрость, от Ипостасной Премудрости Божией истекающая, обитающая в этом святом храме[22] и простирающаяся от него на весь вертоград наш духовный, да изливается обильным током на вас. Слово Христово, которое есть основание премудрости, да вселяется в вас богатно (Кол. 3, 16). Обращу на мгновение внимание ваше на сие пожелание апостольское, ибо в нем вы можете узреть для себя правило к доброму прохождению пути учебного, на коем ныне стоите. Приметьте: святый апостол требует, чтобы Слово Христово вселилось в нас. Это значит, что мы должны Слово Христово иметь постоянной мыслью в уме, господствующим желанием в сердце, руководящим началом в воле. Внемлите же сему, возлюбленные чада, достойно ходите звания вашего, внимайте со всем усердием Слову Христову, приложите к изучению его весь ум, все сердце, всю волю вашу; и тогда оно, это Божественное, премудрое Слово, не умедлит вселиться в вас богатно, по мере усердия вашего, и процвести в плод сторичный. Потщитесь на великой ниве Церкви собирать семя жизни хотя бы малыми зернами, и их довольно будет, чтобы засеять малую духовную ниву каждого. Храните страх Божий, который есть «начало премудрости». Не забывайте молитвы, которая есть дыхание благодатной жизни. Вы увидите – она отдаст вам более, нежели молвящий о мнозе разум со своими мудрованиями и внешним неглубоким знанием. Земное учение не может быть успешным, если не будет помощи от Небесного Учителя, ибо «Господь дает премудрость, и от лица Его познание и разум» (Притч. 11, 6). К Нему возводите взор ума вашего; к Нему простирайте воздыхания сердца, когда приступаете к учению, когда вас постигают скорби, столь нередкие в течение жизни учебной; к Нему, наконец, обращайте благодарное сердце, когда разумеваете учение, когда обретаете успех. Наипаче же храните чистоту и непорочность сердца, дабы в него без препятствия мог проторгнуться свет Слова Божия. <...>

Радуюсь, что первое мое общение с вами происходит в святом храме нашем, который есть сердце духовное школы нашей; утешаюсь, что оно происходит в день Пкрова Пресвятыя Богородицы. Верую, что это есть не случай, а есть милостивое указание Божие на то, что Матерь Божия будет нашей Небесной Покровительницей. Да освящает и просвещает нас это снисхождение благодати! Премудрость Божия да наставляет нас на всякое благое дело, да укрепляет вас в разумении мудрости церковной, Божественной. Покров Царицы Небесной да покрывает вас и нас выну, и все мы – и начальствующие, и учащие, и учащиеся – да совершаем вкупе каждый дело свое со тщанием и страхом Божиим; да разумеваем, по слову святого апостола, друг друга в поощрении любве и добрых дел, – друг друга тяготы носяще, друг друга подвизающе (Евр. 10, 24–25)».

В Туле архимандриту Алексию суждено было пробыть пять лет. За эти пять лет ректорства он приобрел значительный опыт, руководя самостоятельно одним из крупных учебных заведений дореволюционной России со многими сотнями учащихся (Тульская семинария была вдвое больше Псковской). За время этой продолжительной работы, в условиях далеко не простых, архимандрит Алексий не только возмужал, но и развил редкие способности, которыми он был богато одарен с юности как человек, как монах, как педагог, как администратор.

Сам Патриарх Алексий говорил впоследствии, что после скромного опыта в Псковской семинарии, несмотря на объем и интенсивность инспекторской работы, продолжительный период ректорства в Туле вооружил его неизмеримо большим знанием человеческой души и человеческих отношений, руководства людьми и подхода

к ним. И то, что мы отмечали, говоря о псковском периоде в жизни и деятельности будущего Патриарха, еще более относится к периоду тульскому: время с 1906 года до 1911-го было чрезвычайно сложным в истории дореволюционной русской педагогики.

В стране только что отгремели события революции 1905 года, как мы уже сказали, сильно отразившиеся на русской школе того времени и на духовной школе в частности. Можно даже уточнить: в особенности на духовной школе. И в этом не было никакого парадокса. Сыновья русских православных священников в силу социально-юридического положения духовенства как «духовного сословия» были принуждаемы старыми законами учиться в существовавших для этого сословия училищах, какими и были семинарии. Но ниоткуда не следовало, чтобы у сыновей священников непременно возникало или вырабатывалось призвание к священству. Из этого несоответствия между множеством семинаристов и «профилем» их школы, для них юридически обязательной, возникало недовольство получаемым образованием, в пропорции и процентном отношении значительно превосходившее все, что могло наблюдаться в любой светской школе.

В семинариях особенно возникало немало крайних нигилистов и анархических течений, и в революционное время семинарская среда естественно переживала брожение, часто в весьма острых формах. Дело доходило в некоторых местах до террористических актов, вплоть до убийства ректоров.

Об этой стороне прежней семинарской действительности более трех десятилетий спустя говорил сам Патриарх Алексий[23]: «Прежняя духовная школа была школой серьезной, глубокой, строгой, а в иных случаях и суровой школой. Добрая ей память, честь и слава! Из нее вышел целый сонм святителей, пастырей, ученых богословов, скромных, но трудолюбивейших работников на всех поприщах церковной, государственной и общественной деятельности.

Ее прошел святитель Тихон Задонский, святитель Филарет, митрополит Московский, преосвященные Иннокентий и Никанор Херсонские, приснопамятный отец Иоанн Кронштадтский; такие светила богословского знания, как ректор Московской Духовной академии протоиерей Александр Горский, профессор-протоиерей Голубинский, профессор Болотов, профессор Н.Н. Глубоковский и многие, очень многие труженики богословской науки, и такой выдающийся государственный деятель, как граф Сперанский. Наконец, из духовной школы вышел и наш Святейший Патриарх Сергий, крупная величина как богословский мыслитель и духовный писатель...

Но, как и все в этом земном мире, и духовная школа при всех своих огромных достоинствах имела и слабые стороны. Слабой стороной прежней духовной школы было то, что она имела двойственную задачу. Это была школа сословная; она имела задачей дать возможность духовенству – сословно в общем бедному, на льготных началах давать воспитание и образование своим детям; другой ее задачей было создавать кадры будущих священнослужителей. Понятно, что не каждый сын священника или диакона или псаломщика имел склонность к пастырскому служению, к тому, чтобы следовать по стопам своих отцов и предков; и от этого получалось, что такие подневольные питомцы духовных учебных заведений вносили в них дух, чуждый церковности, дух мирской, снижали тон их церковного настроения».

Приведенные слова Святейшего Патриарха Алексия, сказанные через треть столетия – срок во всякое время большой, но в то время, когда они были сказаны, поистине огромный в связи с происшедшими историческими и психологическими изменениями – после его собственной работы в русских духовных школах заслуживают особого внимания современников. И они, слова эти, проливают значительно более

яркий свет на трудности, с которыми самому Патриарху в бытность его профессиональным, если можно так выразиться, работником духовной педагогики, приходилось постоянно, годами сталкиваться.

На втором году своего ректорства в Туле архимандрит Алексий получил ценную для него поддержку от нового тульского архиерея – епископа Парфения (Левицкого)[24], впоследствии архиепископа Переяславского и Полтавского, бывшего вторым викарием Московской епархии в годы пребывания отца Алексия в Московской Духовной академии.

В бытность свою викарным епископом в Московской епархии Преосвященный Парфений много и интенсивно занимался духовно-педагогической работой и способствовал подъему церковных училищ на более высокий уровень в общеепархиальном масштабе.

Сотрудничеству с таким признанным специалистом в области духовного просвещения архимандрит-ректор искренно радовался. Ему выпала честь приветствовать по прибытии епископа Арсения в тульском кафедральном соборе от имени его новой епархии. В своей речи архимандрит Алексий вспоминал родную Москву: «Нам дорого то, что начатком архиерейского служения твоего Церкви Божией судил Бог быть в самом сердце Православной Руси, в близкой и дорогой сердцу каждого русского христианина святой Москве, где созидалась, росла и крепла духовная мощь наша, где нетленно почивают великие собиратели и печальники земли Русской – святители Петр, Алексий, Иона, Филипп, Преподобный Сергий, преподобный Савва и другие святые угодники Божии, которые, изливая окрест себя благоухание святыни, как будто особенно простирают благословение на тех, кто является продолжателями их подвига и нуждаются в родной для них и близкой Московской земле».

За время, проведенное отцом Алексием в Туле, его прежний руководитель епископ Арсений был возведен в сан архиепископа, затем переведен в Новгород и привлечен к делам центрального церковного управления – работе Святейшего Синода и его административных органов. Ему пришлось возглавить Учебный комитет Синода, но главное, архиепископ Арсений сотрудничал с архиепископом Финляндским Сергием (Страгородским), будущим Патриархом, в подготовке материалов по преобразованию высшего церковного управления Русской Церкви (в целях востановления патриаршества) и правового положения ее в государстве (в целях упразднения зависимого, «служебного» положения, создавшегося в синодальный период вынужденного состояния Церкви в качестве государственного ведомства).

В конце 1911 года митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию (Вадковскому), до самой кончины бывшему Первоприсутствующим членом Святейшего Синода, при энергичном содействии обоих архиепископов, удалось добиться разрешения государственной власти на возобновление подготовительной к созыву собора работы[25].

Предвидя значительную поглощенность свою этой работой, архиепископ Арсений спешил привлечь к руководящему участию в жизни своей Новгородской епархии архимандрита Алексия Симанского. Это и привело к определению Синода от 6 октября 1911 года за №7611, которым ректор Тульской Духовной семинарии архимандрит Алексий перемещался на «таковую же должность в Новгородскую Духовную семинарию и вместе с сим назначался настоятелем монастыря преподобного Антония Римлянина».

Мы имеем счастливую возможность привести тут в ряде документов оценку, данную в свое время преподавателями и воспитанниками Тульской семинарии педагогической деятельности своего ректора после важного для него пятилетнего этапа в его жизни в ставшей для него родной Туле.

Перед отъездом архимандрит Алексий был приглашен на собрание, устроенное для его проводов учащимися Семинарии. По поручению старшего класса первым выступил с речью семинарист Владимир Петропавловский (которого мы уже процитировали выше), обратившийся к уходящему ректору со словами: «В сей печальный для нас день разлуки с Вами позвольте нам выразить те мысли и чувства, которые невольно просятся наружу. И прежде всего позвольте от всей души и сердца поблагодарить Вас за пятилетнее служение делу воспитания юного поколения нашей Семинарии. Позвольте поблагодарить Вас за те чувства и особую настроенность, которые Вы неизменно сохраняли в своем обращении с нами. Все воспитывавшиеся и воспитывающиеся при Вас и особенно мы, воспитанники теперешнего VI класса, современники и свидетели Вашей деятельности в родной нашей Семинарии, глубоко скорбим о Вашем уходе... Мы так привыкли, так искренно привязались к Вам, так полюбили Вас за Ваши необычайно-прекрасные отношения к молодой нашей чувствующей душе!<...>

Вы поступили к нам в 1906 году, именно тогда, когда в духовной школе особенно чувствовалась нужда в хороших начальниках, наставниках и руководителях. И настоятельная нужда нашей Семинарии была удовлетворена. Благое Провидение снизошло к нам: Вы были назначены начальником и прямым воспитателем в нашу Семинарию. Я помню, что взоры наши с нетерпением были обращены на Вас, нам хотелось знать, каков Вы? Как придется жить с Вами в это тягостное, неспокойное время?

С первых же дней Вашей жизни у нас в Семинарии Вы разрешили наши ожидания и томления в положительном смысле. В Вас мы сразу нашли приветливого, отзывчивого на все наши юношеские запросы начальника и доброго воспитателя – человека. Все почувствовали себя облегченными и начали трудовую сознательную жизнь под Вашей молодой и легкой рукой. И тишина и спокойствие этой жизни очень редко нарушались какими-либо выступлениями отрицательного характера: молодежь стыдилась злоупотреблять Вашим доверием и сердечным расположением к ней. А если когда и были известного рода неприятности, то Вы, зная свойственную молодому возрасту пылкость и нерассудительность и заботясь о добром имени нашей Семинарии, относились к таким явлениям как к случайным и поступали всегда мягко, с уступчивостью и осторожностью, убеждая нас в сохранении престижа Семинарии, не употребляя суровых мер наказания, но вразумляя непокорных отеческим словом увещания, обнаруживая тем самым свою снисходительность и любовь к нам. Такое отношение обезоруживало нашу горячность, самая Ваша молодость приятно и успокаивающе действовала на нас. <...>

В нашей частной жизни Вы постоянно шли навстречу нашим желаниям, неизменно сохраняя все то же отношение к нам... Отличительной чертой Вашего характера была простота обращения с каждым из воспитанников, и это-то Ваше качество запечатлеется в нашей памяти на всю жизнь. Вы так бережно обращались с душой каждого, боясь излишней суровостью запугать ее, оттолкнуть от себя.

В продолжение Вашей пятилетней службы в родной нашей Семинарии Ваше внимание и деятельность всецело были направлены к выработке добрых навыков, высоких чувств и взглядов в ее среде.

Глубоко и сердечно благодарим Вас за ту теплоту, которую Вы внесли в нашу жизнь, и сохраним навсегда воспоминание о проведенных годах в этой Семинарии под Вашим исполненным радушия, простоты, отеческой любви и заботливости руководством...»

Жизнь Святейшего Патриарха Алексия была продолжительна. Текстов, которые иллюстрируют эту долгую жизнь, посвященную служению Русской Православной

Церкви, к сожалению, не так много. Но и из имеющегося материала недостаток места не позволяет нам приводить слишком длинные цитаты.

Однако, как мы уже отметили, тексты, относящиеся к тульскому периоду жизни и деятельности Святейшего, особенно интересны тем, что в них сохранились характеристики его и отзывы о его духовных и нравственных качествах, дававшиеся людьми, долго и близко с ним соприкасавшимися. Поэтому на этом пятилетнем периоде – сложном и по создавшейся общей обстановке напряженнейшем, требовавшем от молодого архимандрита Алексия особой чуткости и крепости духа, – мы останавливаемся по возможности подробнее.

Для пятилетнего тульского этапа на жизненном пути Патриарха (когда ему было от 29 до 34 лет) характерно то слово «человек», которым люди разного возраста и положения пользуются для оценки его душевных качеств. И особенно показательно для той эпохи – начала второго десятилетия нашего века, – что этим словом «человек» воздавали хвалу архимандриту Алексию юноши, кончавшие Семинарию, в самых ответственных классах которой они только что провели пять лет под его «легкой рукой».

Вот еще выдержка из речи семинариста Вениамина Глаголева, произнесенной на том же прощальном собрании в Туле: «Сказанное Вам моими товарищами просится и мне на уста: то, что вылилось из их сердец, не могу не подтвердить от всего сердца и я. Ваше отношение к нам было всегда только хорошим, добрым, сердечным. В своих отношениях к нам Вы были прежде всего человеком, а не начальником и учителем, почему между нами не чувствовалось той преграды, которая так часто разделяет учащихся и учащих и создает атмосферу взаимного недоверия, тормозящую – если не более – дело воспитания. Пусть же смолкнет голос, пусть заградятся уста каждого, кто дерзнул бы упрекнуть Вас в чем-либо, пусть никто не скажет, пусть никто не подумает, что Семинария не смогла оценить своего руководителя!

Мы, пять с лишком лет проучившиеся в стенах нашей родной Семинарии, мы – свидетели тому, что Ваше отношение к нам было простым и добрым, а потому и деятельность – плодотворною. За это человеческое отношение к нам мы и благодарим Вас здесь теперь, в прощальный час. Кланяемся уму, кланяемся сердцу, кланяемся человеку, прежде всего, и более всего – человеку.

Как знак нашего доброго отношения к Вам, как заверение нашей искренней любви и глубокого уважения к Вам, мы просим, Ваше Высокопреподобие, принять от нас сей образ Спасителя».

На следующий день, 17 октября, для прощания со своим ректором собралась в присутствии епархиальных архиереев – архиепископа Парфения и его викария епископа Евдокима – корпорация преподавателей Семинарии. Инспектор М.И.Павлушков в своей речи сказал: «Труд Ваш на новом месте Вашего служения для Вас должен быть легким. Да и не нов для Вас этот труд. Пять лет несли Вы его среди нас, для здешнего Тульского края, в условиях поначалу не совсем обычных, изобиловавших неожиданностями, подчас и немалыми трудностями. В управление Тульской семинарией Вы вступили в ту пору, когда Духовная наша школа повсюду едва только начинала оправляться от пронесшейся над ней бури, многое в ней возмутившей, потревожившей, сдвинувшей с места. Школу приходилось в те дни собирать почти сызнова. И для этого нужен был труд решительного и вместе осторожного, уверенного в себе, но и готового верить другим, твердо, но и мирно настроенного руководителя. Таким и был здесь Ваш труд за все эти годы. Не заносчивым, властным и жестоким распорядителем вошли Вы в обширную и сложную область врученного Вам педагогического дела. С полным и открытым доверием отнеслись Вы тогда к новым Вашим сотрудникам, с истинным доброжелательством – к новым Вашим питомцам.

С первых дней совместной с Вами службы все мы почувствовали себя вполне свободными членами нашей служилой семьи, каждый из нас мог вносить в общее дело свою долю разумения и строительства. Так понемногу налаживалась соединенными силами внутренняя жизнь растревоженной школы, и при счастливо объединявшейся Вами и потому дружной работе здесь не могло быть места грубым промахам, непоправимым ошибкам. <...>

Ваше простое, сердечное, чуждое и тени суровости обращение с учащейся у нас молодежью уже нашло себе оценку и отклик. Не далее как вчера многим из нас пришлось быть непосредственными свидетелями живого и светлого подъема добрых чувств в наших юношах, их хорошего одушевления. И крепла мысль, что на возделывавшейся Вами ниве духовной такие настроения залегли глубоким пластом, а при этом не страшны школе никакие испытания».

Один из преподавателей Тульской семинарии, П.И.Малицкий, подчеркнул со своей стороны «поразительную простоту», которой отличалось отношение ректора архимандрита Алексия к подчиненным. Он сказал, что корень и основа воспоминаний, которые оставит архимандрит, «заключаются в личных, индивидуальных свойствах его духа». «Вы не подходили под категорию тех начальников, которые слишком ярко подчеркивают свой начальнический авторитет, – говорил он, – тех начальников, которые слишком резко проводят демаркационную линию между собой и подчиненным элементом, слишком властно, наконец, предъявляют свои требования к учебному заведению, не считаясь ни с условиями данного момента, ни с настроением учащейся молодежи, способной иногда, по увлечению, выступать за рамки дисциплинарных требований. Ваши отношения к подчиненным отличались поразительною простотою. Прибыв в Тулу в качестве начальника Семинарии, ступив на семинарскую почву, Вы вытолкнули из-под своего подножия начальнический пьедестал и явились в нашу корпорацию как старший ее товарищ-сослуживец. У Вас установились самые близкие, самые дружественные отношения к корпорации. На всех Ваших отношениях лежал отпечаток высокого благородства. Свои распоряжения Вы выражали в форме пожеланий ради пользы общего дела. Поверьте, Ваше Высокопреподобие, что мы высоко ценили эти отношения; поверьте и тому, что такими отношениями Вы легче и скорее достигали цели... Дело делалось не за страх, а за совесть. Стыдно было бы кому-нибудь из Ваших сослуживцев не ответить встречным желанием на Ваше желание, когда оно выражалось в такой мягкой, деликатной форме».

«Эти качества Вашего духа настолько в Вас естественны, – восклицал сослуживец архимандрита Алексия по Тульской семинарии, – настолько Вам присущи, настолько составляют специфические свойства Вашего духовного склада, что они подмечены не нами только: они подмечены и по достоинству оценены учениками. Вчера мне пришлось прослушать речи трех юных ораторов, сказанные Вам при прощании с Вами. В них они выражали обычные в этих случаях благопожелания, но замечательно, точно сговорившись, они оттеняли, подчеркивали в своих речах именно то, на чем остановил свое внимание и я. Они горячо благодарили Вас за простоту, искренность и сердечность в отношениях к ним. Они, выражусь словами одного из ораторов, «кланялись Вашему доброму сердцу, кланялись Вам как ректору – человеку, и прежде всего человеку».

Ваше Высокопреподобие! Такие отношения к учащейся молодежи в смысле воспитательном имели громадное значение... И я смело могу сказать, что многие из Ваших учеников, по выходе из семинарии, когда им придется устанавливать свои отношения с другими и создавать себе положение в обществе, вспомнят своего доброго,

благородного отца ректора и постараются обосновать свой авторитет и уважение к себе не на ходульных устоях дутого самолюбия, не на подчеркивании своих личных достоинств, хотя бы таковые действительно и были налицо, а на тех свойствах Вашего духа, которые они видели и оценили и за которые так горячо, сердечно Вас благодарили».

Эту свою речь П. И. Малицкий окончил пожеланием, чтобы Тульская Семинария вскоре могла послать архимандриту Алексию приветствие и выразить ему пожелание «многих лет здравия» в форме греческого многолетия «исполла эти, деспота!»

Это желание осуществилось меньше чем через полтора года.

На прощальном собрании корпорации говорилось еще много речей. Все они были в том же духе. Выступали преподаватели Д. И. Скворцов, С. И. Покровский, Г. В. Любомудров, М. Н. Руднев, М. И. Владимирский, А. И. Краснопевцев, Н. С. Глаголев, М. М. Чубаров.

Г.В.Любомудров напомнил, что за годы пребывания в Туле ректор выполнил наставления, данные ему епископом Арсением Псковским, возводившим его в сан. При вручении ему архимандритского жезла Преосвященный Арсений напоминал, что в этом жезле ему надлежит видеть не только знак власти, но и знак пастырского попечения о своей пастве – о всех ее нуждах, духовных и вещественных. Архимандрит Алексий и заботился всегда не только о духовной жизни своих тульских пасомых, но и о материальном благосостоянии их всех – учащих, учащихся, служащих.

Представитель от тульского духовенства отец М.М.Зверев, также работавший при семинарии, выразил восхищение неизменной учтивостью и деликатностью архимандрита Алексия, по рождению и воспитанию принадлежащего к той светской среде, «где слова и поступки человека должны сообразовываться с требованиями эстетики» и «где привычка к этому прививается с раннего детства», «с первых проблесков самосознания». Но это же требование должно быть свойственно и христианской этике, «и не потому только, что всякое проявление неблагообразия, всякое нарушение чина коробят наше эстетическое чувство, но еще более потому, что служат явным признаком нравственной неуравновешенности, неустойчивости и незрелости тех, кем это допускается. Наши дети в Вас, Ваше Высокопреподобие, видели живой образец строго выдержанной корректности, располагающей обходительности и чарующего изящества, которые естественно обнаруживались у Вас всегда и во всем: и в домашнем Вашем быту, и во внеклассном общении с воспитанниками, и в занятиях с ними на уроках, и в отправлении церковного богослужения, и в произнесении Вами речей как с церковного амвона, так и в общественных собраниях.

На впечатлительную юношескую душу добрый пример действует неотразимее слова, и мы верим и надеемся, что Ваше ректорское служение в нашей Семинарии не пройдет бесследно, что Ваши питомцы усвоят себе в жизни те черты Вашего внешнего облика, которые так влекли к Вам не только епархиальное духовенство, но и все интеллигентное тульское общество».

Еще один преподаватель Семинарии А.И.Краснопевцев, выступавший от корпорации Тульского епархиального женского училища, говорил, что «посещение отцом ректором всегда оставляло в училище самые светлые воспоминания, чему много способствовали присущие его личности простота и естественность, деликатность и благородство в обращении со всеми без исключения... За Вашу гуманность, за уважение к личности другого, за то, что «на чреде высокой Вы не забыли святейшего из званий – человек,» – за все это сердечное спасибо Вам не только как ректору, но и как человеку».

После приведенных обильных выдержек из высказываний многочисленных людей, постоянно соприкасавшихся и сотрудничавших с архимандритом Алексием в

годы его пребывания в Туле, обратимся еще раз к нему самому и к его духовному настроению, в котором он покидал этот старинный среднерусский город.

16 октября 1911 года архимандрит совершил в семинарском храме последнюю Божественную литургию, после чего обратился к своим сослуживцам и питомцам с прощальным словом, из которого надо также воспроизвести несколько выдержек. Эти цитаты покажут, при сравнении со сказанным им за пять лет до того при приезде в Тулу, характерное для него единство линии на избранном им церковно-педагогическом поприще и в то же время позволят судить о степени понимания им своей пастырской и наставнической ответственности за вверенные его попечению и руководству души.

«В последний раз совершил я во святом храме нашем божественную службу, – сказал он, – и принес здесь Господу Богу Бескровную Священную Жертву о вас, возлюбленные братие, о всех живущих и труждающихся в честнем доме сем, о спасении и помощи со тщанием и страхом Божиим и верою несущих подвиг под небесным благословением Ипостасной Софии, Премудрости Божией, осеняющей храм сей, и дом сей, и всех вас, моих возлюбленных о Господе братий и чад.

Изволением Премудрого и Преблагого, но неведомого для земнородных Промысла Божия мне указан новый путь и новое место служения: и прерывается ныне союз, соединявший меня с вами; и наступает время разлуки. Время разлуки, когда нарушается союз, укрепленный многими годами общей работы, взаимной помощи, взаимного служения, общими молитвами, почти постоянным совместным пребыванием, – бывает обычно на земле самым тяжелым и трудным временем. Это есть как бы смерть для данного места, для данных людей. И я теперь как бы преждевременно умираю для вас, с которыми до сего дня у меня было так много общего, так много для обеих сторон дорогого и святого. Это есть поистине тяжелая и скорбная минута.<...>

Но особенно тяжело и вызывает на многие размышления сознание, что перед Богом «в день он» надо будет воздать ответ за всех вас, вверенных моему духовному водительству чад. Как исполнялся и довершен ли до конца подвиг, на меня возложенный? Могу ли я тогда сказать Всеведущему Судии: «Егда бех с ними в мире, аз соблюдах их во имя Твое; ихже дал еси мне, сохраних...» (Ин. 17, 12)? Могу ли быть уверенным, что чада моя ходят в вере и что служат Истине? Могу ли я тогда дать ответ непостыдный о вверенном мне стаде?

Эти мысли и многие другие подобные думы стоят предо мною ныне, когда пришел конец моему деланию здесь, среди вас. Подобные же мысли, быть может, и ваши сердца теперь волнуют; и вы теперь, может быть, спрашиваете свою совесть, делали ли вы все, что надо было делать, были ли ваши сердца открыты, были ли они чисты?

Господь, не только внешние дела видящий, но зрящий и на сердца и ведающий самые сокровенные помыслы, намерения и желания наши, да воззрит милостиво на наш союз, который Ему угодно было сотворить и который Он ныне волей Своей прерывает; и да будет Он нам милостивым Мздовоздаятелем по делам нашим!

Но не для того Господь здесь, на земле, соединяет людей крепкими узами, чтобы внешние обстоятельства, или расстояние, или видимое разлучение могли их порвать или ослабить, а для того, чтобы любовь о Христе была вечно живою силою, духовно объединяющей и связующей не только в жизни сей, но и в будущей. И наш союз мира и любви не должен быть разрушен».

«Моя любовь к этому святому храму, – продолжал архимандрит-ректор, – где столько принесено мною смиренных молитв, к сему месту, в котором благословлено мне было Господом трудиться, и к вам, моим братьям и другам, я понесу в сердце к подножию алтарей Церкви Новгородской, ко гробу преподобного и богоносного отца

нашего Антония, в святой обители которого указан мне жребий; и где бы я ни был, и сколько бы времени ни прошло, я не забуду вас и сохраню ту истинную Христову любовь, которая, по словеси апостола, «николиже отпадает».

Пять лет назад с этого самого священного места, в первый день моего вступления в вашу среду, в день Покрова Пресвятыя Богородицы, я призывал помощь и Покров Владычицы этому духовному вертограду, и себе, и вам, и нашему общему служению. И теперь свидетельствую, что Матерь Божия не оставляла нас без Своей Небесной помощи.

И ныне, отходя от вас, я вручаю Вас Ее благому водительству и прошу вас отпустить меня с миром. Простите меня, если я кого чем обидел, или о ком пренебрег, или кому невольно досадил. Призываю Божие благословение на ваш подвиг учебный, да сотворит Господь вас добрыми и верными Своими слугами. Любите вашу школу и ваше учебное дело; неленостно подвизайтесь и с любовию «со страхом и трепетом свое спасение содевайте» (Флп. 2, 12). Прилежите молитве и святому храму. С усердием, со страхом, и верою, и благоговением творите в нем великое дело службы Божией. Пойте Богу разумно, от всего сердца. Поминайте наставников ваших; помяните и меня, единого от них, в ваших молитвах. Помолитесь и ныне со мною, да благоуправлен будет путь мой, да в мире теку на новое, указанное мне Промыслом Божиим место, да будет благословенно и мое вхождение, и мое исхождение.

«Бог же мира... да совершит вы во всяком деле блазе, сотворити волю Его, творя в вас благоугодное пред Ним Иисус Христом: Ему же слава во веки веков. Аминь» (Евр. 13, 20–21)».

Так закончился тульский период в жизни и деятельности будущего Патриарха Алексия.

4. Архимандрит Алексий – ректор Новгородской Духовной семинарии, настоятель монастыря преподобного Антония Римлянина (1911–1913)

Когда архимандрит Алексий обосновался в Новгороде, где он впоследствии прожил около десяти лет (и куда через десятилетие возвращался еще на семь лет), Новгородская епархия занимала обширное пространство в приозерном крае дореволюционной России. Новгородская губерния по своей площади превосходила более чем в два раза площадь нынешней Новгородской области. Ныне крупнейшие уезды старой губернии – Устюжский, Череповецкий, Кирилловский и Белозерский отошли к Вологодской области, Тихвинский – к Ленинградской. А в древности, до падения новгородской вольницы, пределом Новгородской епархии на северо-востоке была Печора, да и после подчинения Новгорода Москве границей ее все еще оставалась Северная Двина. На севере пределом ее был Ледовитый океан – Белое и Баренцево моря. На северо-западе – река Печенга, почти у Нордкапа, и от нее прямая линия до восточного угла Ладожского озера к устью Невы.

Но и в начале второго десятилетия нашего века Новгородская губерния (а следовательно, и епархия) простиралась еще к востоку на тысячу километров бывших владений «Господина Великого Новгорода». Граница ее упиралась в северный угол Кубенского озера, включала в себя все Белое озеро и соседние крупные озера, на севере почти достигая берегов озер Ладожского и Онежского, и охватывала, таким образом, большую часть «Северной Фиваиды» – края русского отшельничества и древних монастырей.

Около двух третей территории Новгородской епархии в начале столетия были покрыты лесами, часто дремучими, а одна четверть – озерами (их было до трех тысяч)

и громадными пространствами болот, на Русском Севере называвшихся «мхами», и непроходимых топей. В XVIII же и XIX веках много небольших обителей и скитов позакрывалось, но в епархии Новгородской ко времени переселения в Новгород будущего русского Патриарха было еще 46 монастырей (29 мужских и 17 женских), а число монашествующих превосходило две тысячи (в самом Новгороде – знаменитые Юрьев, Антониев и Хутынский монастыри, из которых последние два заняли значительное место в первой половине жизни Патриарха Алексия).

По числу приходов Новгородская епархия, в которой Патриарху суждено было жить архимандритом, епископом, архиепископом и митрополитом, в своих тогдашних пределах занимала среди епархий России третье место (после Волынской и Московской), но по числу храмов и особенно часовен (в которых могли совершаться богослужения), разбросанных по всему обширному краю, – первое.

Среди святых, в Православной Руси просиявших, земля Новгородская занимает после Киева второе место с пятью благоверными князьями, пятнадцатью святителями, сорока двумя преподобными и двенадцатью различными подвигами подвизавшихся святых.

Прибыв из Тулы в Новгород, архимандрит Алексий вновь оказался под омофором своего почитаемого «аввы», архиепископа Арсения, которого за пять лет до того он оставил в Пскове. Выше уже говорилось, что и самый перевод его в Новгород был результатом ходатайства архиепископа перед Святейшим Синодом, членом которого он к этому времени уже был. Своего любимого ученика он готовил себе в викарии, так что возглавление Новгородской семинарии, в сочетании с настоятельством в прославленном древнем монастыре преподобного Антония Римлянина, не должно было быть продолжительным.

22 октября 1911 года архимандрит Алексий совершил свое первое богослужение у мощей Преподобного в соборе Рождества Богородицы в одной из старейших русских обителей, основанной преподобным Антонием в 1106 году.

Из Слова – одновременно игуменского и ректорского, – которым архимандрит приветствовал братию монастыря, своих новых питомцев и их наставников, мы вновь позаимствуем несколько характерных выдержек, выражающих заботу оратора-педагога о мире, о монашеских подвигах и о воспитании духовной молодежи в духе благочестия, любви и страха Божия.

«Словом мира и любви о Христе приветствую вас, возлюбленные братие, при первом моем молитвенном общении с вами, по заповеди Христовой: «...входяще же в дом целуйте его, глаголюще: мир дому сему» (Мф.10,12). С благоговением вступил я в святую и славную обитель преподобного Антония, с сердечным умилением совершил я здесь первую Божественную службу, и ныне смиренно призываю Божие благословение на предстоящие нам общие труды во славу Имени Божия, к пользе и созиданию Святой Церкви», – так начал архимандрит свое приветствие.

«Мир вам, возлюбленные братие и сослужители; мир и любовь Христова да будет силою, объединяющею вас у гроба Преподобного, который от вышних селений небесных зрит на труды ваши и на подвиги ваши в его святой обители, в которой некогда и он трудился, которую он создал слезами и молитвами и которую обогатил великим даром – честными и многоцелебными мощами своими. Молю вас, будьте достойны сего дара. Не допускайте врага приражаться вам соблазном мирских утех: ведь все, что мир может дать вам, не стоит того внутреннего, духовного блага, какое даст одна слеза, один молитвенный вздох, от сердца идущий к Богу и низводящий обилие благословений. Будьте тверды в подвиге иноческом, имея постоянно перед мыслен-

ным и сердечным вашим взором Подвигоположника Господа Иисуса и преподобного Антония, верного раба Господня. Помните, что на жизнь иноков взирает не один только грешный мир дольний, готовый всегда осудить монаха, но и вся Церковь торжествующая, и мир ангельский, и Сама Честнейшая херувим и Славнейшая без сравнения серафим. К сему миру горнему обращайте сердца ваши и помышления и оттуда просите и ожидайте помощи в несении вашего иноческого подвига. «Сам же Бог мира да освятит вас всесовершенных (во всем): и всесовершен ваш дух и душа и тело непорочно в пришествие Господа нашего Иисуса Христа да сохранится» (1 Сол. 5, 23)».

После этого обращения к монашествующим архимандрит Алексий говорил уже как ректор, сначала к учащим, потом и к учащимся.

«Мир вам и благословение вашему труду, возлюбленные братие, сотрудники мои в учении и назидании отроков сих, нам вверенных. Служение ваше есть тоже подвиг трудный, но он есть вместе и подвиг святый, ибо вам вверяются не телеса только, но и души. И для вас будет высоким примером и помощником Преподобный, великий учитель и воспитатель народного духа. Возгревайте в сердцах ваших питомцев любовь и преданность святому Православию, любовь к пастырскому и учительному деланию, поучайте их примером собственной жизни, упорству в труде, любви к истинной науке, которая зиждется на вере в Бога, на смиренном преклонении пред неисповедимыми путями Божественного Промышления о людях и о мире. Образ давайте им здравых словес «в познание тайны Бога и Отца и Христа, в Нем же суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна» (Кол. 2, 2-3).<...>

Мир и вам, возлюбленные юноши, будущие делатели на ниве Божией. Вы имеете великое благо и великое счастье проводить вашу юность и годы учения в святом месте; вы находитесь в особенно благоприятных условиях для созидания в себе духа благочестия, любви к святому храму, к доброму деланию в Церкви Божией. Вы обвеяны здесь Духом Святым, вы учитесь в той самой школе, которая возрастила благий плод – великого подвижника и святителя Христова Тихона[26]; вы имеете в нем присного молитвенника и помощника в ваших нуждах. Внимайте же сему, возлюбленные; более углубляйтесь в себя, чем рассеивайтесь; не упускайте единственного времени в вашей жизни, когда вы можете приобресть все потребное для вашей будущей деятельности; возлюбите пастырское делание; готовьтесь к нему усердною молитвою, чистою жизнию; возрастайте "во благодати и разуме Господа нашего и Спаса Иисуса Христа" (2 Пет. 3, 18). Не забывайте, что «начало премудрости» есть «страх Господень», и помните всегда, какое святое место дано вам от Господа в обиталище. Союзом любви связуеми и молитвенно, духовно объединяясь около драгоценной святыни нашей – честного гроба преподобного Антония, духом нам соприсутствующего, будем все – и начальствующие, и учащие, и учащиеся – творить дело Божие со страхом, и Покров Матери Божией да будет выну над нами и над трудами нашими»*.

Когда архимандрит Алексий в 1911 году принял настоятельство в новгородском Антониевом монастыре и ректорство в Новгородской Духовной семинарии, епископат Новгородской епархии состоял из правящего архиерея – архиепископа Новгородского и Старорусского Арсения (Стадницкого), первого викария – епископа Тихвинского Андроника (Никольского) и второго викария– епископа Кирилловского Иоанникия (Дьякова). В начале 1913 года епископ Тихвинский Андроник получил назначение на Омскую архиерейскую кафедру и в марте отбыл из Новгорода на место своего нового служения[27].

*Здесь и далее сноска на труды Патриарха Алексия "Слова, речи, послания, обращения". М.: Изд. Московской Патриархии. – Т. 1–4: Т.1: М., 1948; Т.2: М., 1954; Т.3: М., 1957; Т.4: М., 1963.

5. Архиерейская хиротония архимандрита Алексия во епископа Тихвинского с участием Блаженнейшего Григория IV (Ходдая), Патриарха Антиохийского (28 апреля 1913 года, в Неделю Жен-Мироносиц)

Указом от 28 марта определялось «бытие ректора Новгородской Духовной семинарии архимандрита Алексия епископом Тихвинским, вторым викарием Новгородской епархии». Тем же указом прежний второй викарий, епископ Кирилловский Иоанникий,[28] переименовывался в первого викария. Указ определял также, что наречение и архиерейская хиротония архимандрита Алексия должны были быть совершены в Новгороде. Хиротония была назначена на 28 апреля, в Неделю Жен-Мироносиц. Когда было принято решение о возведении архимандрита Алексия в архиерейский сан, ему шел тридцать шестой год.

По желанию архиепископа Арсения архиерейская хиротония его ученика должна была проходить с редкой торжественностью. На это церковное торжество новгородский святитель пригласил прибывшего в тот год в Россию Блаженнейшего Григория IV, Патриарха Антиохийского, у которого сам он гостил в 1900 году, будучи епископом Волоколамским и ректором Московской Духовной академии. Патриарх Григорий IV (Ходдай) тогда был митрополитом Триполийским (на севере Ливана), и епископ Арсений во время своего паломничества в Святую Землю дважды навещал его.

Патриарх Григорий IV прибыл в Новгород 25 апреля, в четверг, на Фоминой неделе. При въезде в пределы Новгородской епархии он был встречен всем городским духовенством на вокзале Старой Руссы. Вся местность, прилегающая к вокзалу, была запружена огромной толпой народа. На пути к старорусскому собору, где Патриарха ожидали запрестольные образа и хоругви всех храмов города, были шпалерами выстроены войска с военными оркестрами.

Между Старой Руссой и Новгородом Патриарх служил вечерню в своем салон-вагоне. Народ встречал поезд на всех станциях между Старой Руссой и Новгородом. Патриарх всюду выходил из вагона, приветствовал толпы восклицанием по-русски: «Христос воскресе!» и благословлял людей, пока поезд стоял.

На новгородском вокзале ему был преподнесен образ Знамения Божией Матери с надписью на золотой дощечке: «Его Блаженству Блаженнейшему Григорию IV Патриарху Великого града Антиохии и всего Востока от Великого Новгорода, 25 апреля 1913 г.».

Позаимствуем патетические строки у современника-очевидца, описавшего появление в Новгороде высокого гостя из древнего Дамаска, приглашенного участвовать в причислении к сонму архиереев Церкви Христовой нового молодого епископа, которому Провидение Божие судило омофором своим прикрыть со временем всю русскую паству[29].

«Что-то пасхальное чувствовалось в этих торжествах под торжественный звон древней Софийской звонницы, звон, мелодия которого является единственной во всем православном мире, – подобного перебора колоколов и в такой музыкальной последовательности вы больше нигде не услышите. Старина наша богата творческой силой. Чуть не при каждой святительской кафедре, чуть не при всяком более или менее крупном монастыре создавались свои, самобытные, как теперь называют, школы иконописи, церковного пения, храмостроительства, даже колокольного звона. К разряду творений древненовгородского церковного духа, особо оригинальных, стильных, следует отнести и звон Софийской звонницы. Сколько святителей он встречал и провожал своими мягкими и нежными переливами малых колоколов, торжественно-красными раскатами средних и величавыми, глубокими и потрясающими вздохами стариков-великанов...

В эти дни они со всею силою прежней мощи и славы Господина Великого Новгорода встречают дорогого гостя православной России, Патриарха Григория, давнишнего друга новгородского святителя архиепископа Арсения. В эти дни они звонят привет приезжающим в Новгород другим дорогим гостям: члену Святейшего Синода епископу Никону, сотруднику архиепископа Арсения по Государственному совету, епископам – Евсевию Псковскому, Иоанникию Кирилловскому, Вениамину Гдовскому – и оповещают Церковь Новгородскую о вступлении на чреду епископства и принятии священной благодати хиротонии бывшим архимандритом Антония Римлянина монастыря и ректором Новгородской семинарии архимандритом Алексием, теперь епископом Тихвинским, викарием Новгородским.

И величаво гудят колокола святой Софии, Премудрости Божией, и радостно, молитвенно празднует Новгород свой богатый «пир веры», при той строго церковной и на редкость торжественной обстановке в выполнении всяких церковных торжеств в Новгороде, которые заведены при нынешнем его Владыке.

Один из приезжих архимандритов сказал по этому поводу: «Более уставного и более торжественного ничего не создашь». С вечера 25-го числа в Новгороде началось по улицам усиленное движение... Кремль, как муравейник, был усеян самым разнообразным людом. Веяло тихим весенним теплом. Сверху смотрело ясное темно-голубое небо. В начале двенадцатого, ко времени прихода на вокзал старорусского поезда, заблаговестили на Софийской звоннице в «набольшой» колокол. Все громадные покои владычные, дивно построенный архиепископом замечательный епархиальный дом и, наконец, величественная святая София сразу были освещены электрическими огнями. Народ запрудил всю площадь собора.

В это время в святой Софии с напряженнейшим вниманием ожидали великого Святителя. Глаза всех были прикованы к западным, так называемым Корсунским воротам, коими должен был вступить в храм Патриарх. В их раскрытые двери виднелся двор архиерейский с распускающейся зеленью многочисленных деревьев в темно-синей дымке апрельской ночи, нежно пронизываемой лившимися сверху голубыми световыми полосами электричества... Стало тихо... Было слышно, как горели свечи, как теплились лампады у темных ликов древних икон Софии. Только великан-колокол время от времени сотрясал высокие своды...

Вдруг грянули все колокола. Все закрестились, на минуту зашумели, потом сразу смолкли до абсолютной тишины. Вот против Корсунских ворот на темно-голубом фоне ночи ярко заблестел высоко поднятый предносный золотой крест Патриарха. Поспешно входит в собор бывшее на вокзале духовенство, патриарший архидиакон. Плавно и медленно подвигается вперед крест. Вот, наконец, сам он – желанный и святейший гость... Народ и длинные ряды духовенства благоговейно и низко склонились перед ним».

Епископы встречали Патриарха со всеми гражданскими и военными властями на вокзале. В соборе во главе сонма городского духовенства – архимандрит Алексий. Два-три дня отделяли его тогда от епископства, в котором служение его Церкви должно было по воле Божией продлиться более полувека – почти 57 лет.

Под тихое пение владычным хором тропаря храма «В рождестве девство сохранила еси...» Патриарха Григория ввели в алтарь и облачили в мантию и омофор. Архиепископ Арсений приветствовал его речью, которая начиналась словами:

«Блаженнейший и Всесвятейший Патриарх! Подобно приточному евангельскому Жениху прибыл ты к нам в полунощный час и обрел нас бдящими, исшедшими в сретение тебе. Великий Новгород с радостью приветствует тебя как преемника

апостольского престола – «великого града Божия Антиохии» и Патриарха всего Востока в этом многовековом храме святой Софии – Премудрости Божией, который является драгоценнейшим сокровищем и святыней не только Новгорода, но и всей земли Русской».

Чтобы понять ход жизненной эволюции Святейшего Патриарха Алексия, важно остановиться на главных этапах его пути. Мы останавливались на сложном первом этапе его биографии: возрастании – физическом и духовном; на следующем этапе – призвании, связанном с Лаврой и образом Преподобного Сергия, «игумена всея Руси». Новгород – это третий и большой этап жизни тринадцатого Патриарха Московского – его епископское служение. В описании торжеств по случаю приезда в Новгород Патриарха Григория IV, непосредственно предшествовавших архиерейской хиротонии архимандрита Алексия (Симанского), можно уже почувствовать атмосферу, в которой она совершалась.

Наречение архимандрита Алексия во епископа Тихвинского происходило во Входо-Иерусалимском соборе Новгорода, куда при «красном» звоне в 12 часов дня 27 апреля прибыли Патриарх Григорий IV (Ходдай), архиепископ Арсений (Стадницкий), епископ (бывший Вологодский) член Святейшего Синода Никон (Рождественский)[30], уже сослуживший Преосвященному Арсению при рукоположении отца Алексия во иерея, епископ Псковский и Порховский Евсевий (Гроздов)[31], епископ Кирилловский Иоанникий (Дьяков) и епископ Гдовский Вениамин (Казанский)[32], викарий Санкт-Петербургской епархии.

Когда Владыки воссели в мантиях на кафедре, два архимандрита северными вратами извели нарекаемого из алтаря. После пения епископами «Христос воскресе» и тропарей архиепископ Арсений произнес сугубую ектению. Возгласы по-славянски произносил Патриарх Антиохийский.

После отпуста архимандрит Алексий сказал речь, взволновавшую многих присутствующих до слез. Приводим из нее места, показывающие духовную настроенность, с которой вступал на путь епископского служения наш будущий Патриарх.

«Со смятенным сердцем предстою я вашему Освященному Собору в настоящий священнейший, знаменательный час моей жизни, когда Промышлением Божиим вручается мне жребий высочайшего в мире служения – служения апостольского. Глас Владыки и Господа моего слышится мне в этом призыве Святой Церкви Христовой стать на чреду епископского служения. И я повинуюсь сему Владычественному гласу, и с благоговением, со смирением, со страхом Божиим и верою в чудодейственную, благодатную силу Таинства, приступаю к приятию в скудельный сосуд души моей святыни архиерейства.

Мне ведомо, и я сие ныне пред вами исповедую, что служение епископа есть путь великого подвига по святейшему образу Спасителя, Который пришел «Сам обнищавшему Адаму послужити» (стихира вечерни Великого Понедельника), и Который рек, что «Пастырь добрый душу свою полагает за овцы» (Ин. 10, 11).<...>

Служение епископа есть путь страданий и креста, потому что оно есть последование за Пастыреначальником – Христом, потому что оно есть продолжение того дела спасения людей, на которое послал Спаситель наш святых Своих учеников и апостолов, кровию и смертию запечатлевших свое посланничество. Тяжесть епископского омофора, этого видимого знамения овцы, подъятой на рамо ради спасения, носителями его всегда исповедовалась. И ныне, как прежде, она велика, ибо «двор овчий» – Церковь Христова – и теперь обуревается тяжкими бедствиями и напастями. «Вопль злобы», то есть умножение пороков, неправды, беззаконий, по выражению пророка,

«взыде ко Господу, и над миром, тлеющим в похотях, тяготеет близость грозного суда Божия, который видим уже для неослепивших еще духовных очей своих». Обратим наше внимание на то, что слова эти были произнесены 27 апреля 1913 года, то есть за год и два месяца до начала первой из трагических войн нашего столетия. < ...>

Всем существом моим я переживаю ныне сознание подвига архипастырского и того великого ответа, какой воздаст каждый епископ пред Господом за Церковь, «юже стяжа Христос Спаситель честною Своею Кровию». И я восхожу на епископскую кафедру, которую святитель Григорий Богослов называл «завидною и опасною высотою» (Слово 42), исповедуя свое недостоинство, свою немощь, свою духовную нищету. Но Господь, из камени источивый воду в пустыни людем и Божественную силу Свою в немощи человека совершающий, верую и уповаю, благодатию Своею укрепит немощь, восполнит нищету, очистит недостоинство. И в этой светлой вере и неложном уповании я исповедую и великую свою духовную радость, что Господь по Своему бесконечному милосердию прививает меня к Божественной лозе Своей и, приобщая к сонму святительскому, изливает на меня благодать Свою, которой Он является Источником и которая почивала на святых апостолах и на епископах православных и преемственно почивает на них доныне».

Архимандрит Алексий говорил о значении русских святынь, под сенью которых он обретает архиерейскую благодать: «Я утешаюсь тем, что Господь судил мне воспринять благодать епископства здесь, среди священных останков минувших времен, где самый воздух обвеян благоуханием святыни, где благочестие народное и до сих пор сияет ярким немеркнущим светом; где многочисленные храмы и обители иноческие являются твердынями и памятниками тысячелетней веры народной; где множество святых угодников Божиих, здесь подвизавшихся и здесь просиявших, как воинство небесное, охраняет народ православный. Они во гробех лежат среди нас, «яко спят», но безмолвием своим красноречивее слова неумолчно благовествуют о Боге и учат благочестию, и влекут нас от суетных прелестей дольнего мира к красотам нетленным Горнего царства. Дерзаю уповать, что они, угодники Божии, и о мне, недостойном, призываемом ныне по преемству на высшую степень служения церковного, сотворят согласную молитву, да предочистится душа моя к приятию великого дара, и, вместе с преемством благодати, да будет во мне и преемство Духа, каким ознаменован был подвиг их служения Богу.<...>

Да осенит меня духом своего благословения и Преподобный отец наш Сергий, от дня моего рождения благодатною помощию своею ограждавший меня от бурь и волн житейского моря и на ранней заре моей укрывший меня в благодатную пристань боголюбезного и благодатного иночества; и святитель Христов Алексий, присный друг Преподобного Сергия и мой Небесный покровитель; и преподобный Антоний Римлянин, сподобивший меня послужить ему в его святой обители; и преподобный Варлаам, которому я иду служить».

Архимандрит Алексий имел в виду свое поселение и настоятельство после хиротонии в Варлаамовом Хутынском монастыре, где находилась резиденция викарных епископов Новгородской епархии (Хутынским монастырем ранее управляли епископы Кирилловские). Обитель, основанная в конце XII века на правом высоком берегу Волхова, была украшением всей местности, но, к несчастью, во время Великой Отечественной войны была разбита огнем неприятельской артиллерии.

В другом месте своей речи архимандрит Алексий остановился на руководстве, которое он с юности получал от архиепископа Арсения. Он начал с того, что хиротония его возглавлена столь высоким и редким гостем Русской Церкви.

«Я благодарю Бога за то, что Он дает мне редкое, исключительное счастье иметь во главе моих рукоположителей великого Предстоятеля древнейшей Антиохийской Церкви, Блаженнейшего Патриарха Григория. И я усматриваю в сем для себя «знамение во благо...» Твоих усердных молитв, святый Владыка Церкви Новгородской, архипастырь и благодетель мой, я с особым дерзновением прошу и молю.

Под твое мудрое и надежное руководство Всеблагий Промысл поставил меня еще тогда, когда из мира всей душой устремлялся я на путь святого иночества. Ты с любовию меня принял и любящей и твердой рукой безбедно провел меня к самому жертвеннику священных обетов; и с тех пор вся моя иноческая жизнь связана с тобою; ты возводил меня от таинства к таинству, как бы по огненным, освящающим ступеням, чтобы поставить ныне на высоту святительского служения.

Благодарю Бога, дарующего мне утешение принести начатки этого служения на пажитях той самой духовной нивы, которая вверена твоему богомудрому попечению, и тем еще более приближающего меня к твоей святыне. Научи меня твоей любви к пастве, твоей неоскудевающей архипастырской ревности, твоей твердости и мудрости, твоему неотступному стоянию за правду. «Веди и паси меня» – дозволь употребить слово великого святителя Григория Богослова, – «веди и паси меня, пастыря, потому что я готов следовать за тобою и быть водимым твоей пастырской высокою и божественною душей» (Слово девятое по рукоположении святителя Григория Богослова). Со страхом и радостью готовясь принять помазание небесное, я верую, что Дух Святый, поставляющий в Церкви Христовой епископа и из века в век низводящий преемственно от Великого Архиерея, прошедшего небеса, Божественную Свою благодать на архипастырей православных, и на мою недостойную главу снидет наитием Своим чрез ваши молитвы и вашу хиротонию, богомудрые архипастыри и отцы, и сообщит мне силу Свою, да непорочно будет служение мое и да почиет на мне «Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия» (Ис. 11, 2)»*.

На речь архимандрита Алексия с большим духовным подъемом ответил Блаженнейший Патриарх Григорий IV, отметивший, что чувства, о которых говорил нарекаемый архимандрит, не только понятны ему, но и знакомы по личному опыту: когда сам он принимал епископскую благодать через рукоположение от руки епископа Бейрутского Гавриила, он испытывал эти же чувства и сейчас их с умилением как бы вновь переживает. Патриарх наставлял нареченного оставаться в повиновении своему «авве», архиепископу Арсению, который питает к нему такую любовь, помнить, что он – любимый ученик своего владыки, который о нем заботился всю его сознательную церковную жизнь. Блаженнейший Григорий IV призывал будущего епископа быть, как и всегда, правой рукой своего архиепископа, но впредь обрести новую, еще более твердую крепость в архиерейском сослужении ему.

В тот же день наречения архимандрита Алексия во епископа Патриарх Антиохийский посетил монастырь преподобного Антония Римлянина, в котором в этот вечер кончилось настоятельство нареченного епископа.

После осмотра храмов и святынь обители, помещений Новгородской семинарии (с 1740 года находившейся в стенах Антониева монастыря), знакомства с братией, педагогами и семинаристами Патриарх Григорий IV оставил в Книге почетных посетителей надпись на арабском языке, составленную в образных выражениях, в которой было сказано: «Я посетил сей монастырь святого Антония Римлянина, который до меня посещал приснопамятный предшественник мой Патриарх Антиохии и всего Востока Макарий Алеппский во второй половине XVII века. И напротив его течет тихая

*См сноску на с. 50.

и многоводная река – Волхов. Этот монастырь находится теперь под управлением Высокопреосвященнейшего и высокочтимейшего возлюбленного друга моего архиепископа богоспасаемых градов Новгорода и Старой Руссы Кир-Арсения и при ректорстве в семинарии здесь высокопреподобного архимандрита Кир-Алексия, который будет, если благоволит Господь, хиротонисан завтра во епископа в воздаяние за труды его и в признание просвещенности и добрых качеств его. Я нашел здесь науку и добродетель, истекающими в изобилии из источника науки истинной, сохраняемой в сердце всечестным отцом ректором и инспектором и учительствующими, и живительной влагой питающими водохранилище пятисот умов учащихся здесь, дабы наукой напоить жизнь каждого, зрящего и внимающего проповеди и учению, преподаваемых ими для освящения жизни и деяний человеческих».

Святейший Патриарх Алексий по скромности был очень скуп на рассказы о торжественных событиях в своей жизни. О своей архиерейской хиротонии он говорил сдержанно, между тем как из церковной и светской печати того времени известны настроения присутствовавших на этом торжестве и широкий отклик на него не в одной только Новгородской епархии.

Святейший был склонен приписывать подъем, проявившийся в те дни, только присутствию и чествованию Патриарха Григория IV. «Ведь Саблер, например, приехал не на мою хиротонию, а для чествования Патриарха», – говорил Патриарх полвека спустя.

Патриарха Григория IV чествовали и в Москве, и в Киеве. Но обер-прокурор Синода В.К.Саблер приехал в Новгород на всенощную накануне хиротонии архимандрита Алексия и на следующий же день, по совершении ее, возвратился в столицу. Можно, конечно, полагать, что петербургский сановник желал присутствовать на единственной хиротонии, возглавленной гостем с православного Востока.

Небывалое множество людей всех сословий собралось 27 и 28 апреля 1913 года в Новгороде, стекаясь не только со всех концов Новгородской епархии, но и из Пскова, Твери, Москвы и Петербурга. Между приезжими был отец будущего епископа В.А.Симанский, сестра и брат архимандрита.

Архиепископ Арсений, сам будучи в очень приподнятом и умиленном настроении, не скрывал от прибывших русских архиереев, что эту хиротонию своего ученика он хотел превратить в «великое торжество Великого Новгорода».

Уже и всенощное бдение 27 апреля в Софийском соборе, кончившееся около полуночи, привлекло в новгородский Кремль небывалые толпы народа. На следующее утро повторяется то же самое. Божественную литургию совершают с Патриархом Григорием IV пять русских архиереев, двенадцать архимандритов, протоиереев и иереев. Архиерейская молитва «Призри с небесе, Боже» возглашается трижды: по-арабски, по-славянски и по-гречески.

После «Трисвятого» нареченный склоняет колена перед собором епископов, на голову ему возлагается Евангелие и простираются руки архиереев... Когда рукоположенный новый епископ Церкви встает, он залит слезами... В слезах стояли и многие из духовенства и верующих, переполнивших древний собор.

Вместо запричастного стиха в тот день торжественно читалось «Деяние Святейшего Синода», прославлявшее Святейшего Патриарха Гермогена и провозглашавшее причисление его к лику святых Православной Церкви. Присутствовавшим на богослужении не приходило в голову, что они уведомляются о канонизации третьего из Патриархов Московских сразу после того, как присутствовали при архиерейской хиротонии тринадцатого Патриарха...

После Божественной литургии Высокопреосвященнейший Арсений вручил новому епископу архиерейский жезл и произнес «по обычаю, от древних времен до нас дошедшему», наставление, которое, сказал он, «да будет вместе с тем и моим завещанием. < ...> Совершилась воля Божия о тебе. Возложением рук святительских снизошла на тебя благодать Всесвятого Духа, с восприятием которой получил ты власть архиерейского служения в Церкви Христовой. Все мы – братия твои, весь сонм архиереев Божиих, твоих рукоположителей, во главе с Блаженнейшим преемником святого Петра, приветствуем тебя ныне, собрата и сослужителя нашего, с сим великим даром милости Божией к тебе. Приветствие это особенно радостно для меня, введшего тебя в иноческий чин и послужившего орудием благодатного посвящения в первые две степени священства. А я теперь не юного монаха зрю пред собою, но зрелого мужа, не сына пред отцом, но брата и сослужителя, облеченного полнотою иерархической власти от рук епископских, в том числе и меня. Приветствуя тебя, молитвенно желаю, чтобы архипастырское служение твое было благоплодным для Церкви и спасительно для тебя».

«В своей речи, произнесенной вчера при наречении, – продолжал архиепископ Новгородский, – ты поведал нам о своих смятенных чувствах при мысли о высоте, величии и ответственности епископского служения и о сознании своих немощей. Оно и понятно, ибо высокие служения, – особенно «в дому Божии жити, яже есть Церковь Бога жива...» (1 Тим. 3, 15), – самых великих истинных избранников Божиих всегда больше устрашали и смущали своей трудностью и ответственностью, чем привлекали к себе своей высотой. И мы знаем, что иные избранники, в сознании величия и трудности пастырского служения в Церкви Христовой, нередко отказывались от «этой завидной, но опасной высоты» архипастырского служения. Конечно, было бы слишком дерзновенно сказать, что мы в настоящее время так же понимаем и чувствуем высоту и тяготу епископского сана, как это понимали святые отцы и учители Церкви. Тем не менее не нужно много внимания, много глубокомыслия, чтобы видеть, что и ныне святое дело Церкви – в таких условиях, что пастырство есть борьба и подвиг. < ...>

Настает необходимость сплотиться и теперь воедино пастырям и пасомым в единый благодатный союз веры, надежды и любви, которые пастырь должен проповедовать своим пасомым, чтобы руководить их на пути вечного спасения, духовно возрождать, обновлять, соделывать новыми храмами Святого Духа, а пасомые – усвоять себе эти спасительные истины и осуществлять их в своей жизни. Здесь все должно основываться на живом взаимодействии членов Церкви – пастырей и пасомых. При таком союзе пастырь Церкви является олицетворением и средоточием всех священных интересов своей паствы. Такой пастырь поистине является живым образом нашего Пастыреначальника, Который сказал о Себе: «Аз есмь пастырь добрый и знаю Моя, и знают Мя Моя» (Ин. 10, 14). Только при этом и возможно то внутреннее единение между членами Церкви, о даровании которого верующим молил Отца Небесного Христос пред Своими спасительными страданиями: «Да вси едино будут: якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе... да будут совершени во едино...» (Ин. 17, 21–23). Только такой союз пастырей и пасомых является непоколебимым оплотом против сил, враждебных Церкви. < ...>

О необходимости и значении этого внутреннего союза между пастырями и пасомыми напоминаю тебе, возлюбленный собрат, тоже в качестве завещания, в предостережение от той обособленности, какая ведет к бумажному управлению пасомыми, к одному только внешнему мирскому проявлению своей власти. Помни, что епископство прежде всего и более всего не мирская сила, почесть и власть, – как это представляется иному легкомыслию, обращающему внимание на одну показную, внешнюю

сторону этого служения, не отдых, успокоение, услада жизни, но труд, подвиг, забота, и часто тяжкое огорчение, напряженная борьба за святое дело, указанное Церкви Пастыреначальником Христом, за ее исключительное право управлять высшими духовными отправлениями жизни человеческой, вести людей к нравственному совершенству, за ее достоинство, свободу и самостоятельность».

Приняв после этой речи своего руководителя архиерейский жезл, Преосвященный Алексий долгие часы благословлял теснившийся вокруг него народ, как бы предвосхищая устремление к нему богомольцев из других поколений православных христиан, которые будут следовать по пути, указуемому этим жезлом, более полувека. С этого дня бесчисленны будут архиерейские богослужения его, исключительно велико будет число хиротоний других епископов, на которых он будет возлагать руки и которых впоследствии будет сам наставлять, вручая им архиерейские жезлы. Пятьдесят семь только последних архиерейских хиротоний, в которых был рукополагателем, он возглавлял с 1944 года уже как Предстоятель Русской Православной Церкви, и с 1945 года – как ее Патриарх.

Через неделю после принятия епископского сана Преосвященный Алексий совершил в субботу всенощную и в воскресенье Литургию в Антониевом монастыре. Он произнес там прощальную речь, обращенную к своим бывшим воспитанникам – семинаристам Новгородской Духовной семинарии,– выразив надежду, что «под покровом преподобного Антония они всегда, следуя примеру прославленного питомца Новгородской семинарии святителя Тихона Задонского, будут возгревать в себе уже присущий им в настоящее время дух церковности».

Когда Преосвященный Алексий приложился к мощам преподобного Антония, архимандрит Варсонофий (Лебедев)[33] от имени братии обители поднес ему икону Преподобного и выразил благодарность монашествующих за доброе и внимательное отношение к ним в бытность свою настоятелем Антониева монастыря. В тот же день инспектор семинарии М.А.Кедринский, когда ее преподавательская корпорация чествовала нового архиерея, поднес ему от ее имени икону святителя Тихона.

Отвечая на приветственные речи, епископ Алексий выразил надежду, что связь его с Семинарией не прекратится, когда он будет по милости Божией служить Церкви в той же Новгородской епархии в епископском сане, и что преподаватели, встречаясь и сотрудничая с ним в епархиальных учреждениях, останутся его друзьями.

Епископская жизнь будущего Патриарха началась с насыщенного и интенсивного богослужебного послушания. К описанию его архиерейской хиротонии добавим перечень богослужений, в которых он предстоятельствовал в первые же дни по возведении в сан епископа: 4 и 5 мая, как уже отмечено, всенощная и воскресная литургия в соборе Рождества Богородицы Антониева монастыря, 6 мая – Литургия в Софийском кафедральном соборе; 7 мая – там же литургия и панихида по архиепископе Воронежском Анастасии (Добрадине)[34], бывшем викарии Новгородской епархии, в тот же вечер – всенощное бдение в Спасо-Преображенском соборе Хутынского Варлаамова монастыря; 8 мая, в день Преполовения Пятидесятницы, – Литургия в Софийском соборе с выходом крестным ходом при огромном стечении народа на реку Волхов для малого водоосвящения, в тот же вечер, в канун празднования Святителя и Чудотворца Николая, – всенощная в новгородском Никольском соборе и 9 мая – там же Божественная литургия; 10 мая – всенощная в Софийском соборе и 11 мая – там же литургия и молебен первоучителям славянским Мефодию и Кириллу, и опять в тот же вечер в Софийском соборе – первая служба с особой торжественностью новопрославленному Патриарху Гермогену – всенощное бдение и 12 мая, в воскресенье, – Божественная литургия и молебен святому Патриарху с сонмом новгородского духовенства.

ГЛАВА IV

НОВГОРОДСКИЙ ПЕРИОД АРХИПАСТЫРСКОГО СЛУЖЕНИЯ ЕПИСКОПА ТИХВИНСКОГО АЛЕКСИЯ (1913 – 1921)

1. Епископ Тихвинский Алексий в годы Первой мировой войны

В первой части очерка мы с достаточной последовательностью придерживались хронологического изложения главных событий в первые четыре десятилетия жизни Патриарха Алексия. Все эти четыре десятилетия были связаны со старой, дореволюционной Россией.

Сорокалетний период этот, правда, ознаменовался кризисными явлениями, какими были несчастная для России Японская война, революционный взрыв 1905 года и ставший затяжным и хроническим кризис общественных отношений в государстве, в котором неограниченная верховная власть, по характеру и формам своим устаревшая, не находила себе поддержки ни в столице, ни во всей необъятной стране.

В этих условиях, будучи в силу своего идейно воспринятого монашества зрителем, а не участником развивающихся событий, принципиально отрешившийся от мирской жизни, викарный епископ Новгородской епархии Русской Православной Церкви не мог быть достаточно подготовлен к надвигавшемуся кризисному перелому, хотя смутное представление о несообразности многих общественных явлений или ощущение какого-то неблагополучия не покидало его. Его еще юношеское сознание волновалось от допущения «голодных годов» в стране с такими природными богатствами, как Россия.

Но все же достижение епископом Алексием сорокалетнего возраста не могло не ставить его в положение человека, привыкшего даже по собственному опыту, жизненному и, в частности, служебному, к действительности, в которой он созревал.

Между тем Бог судил ему стать иерархом Русской Церкви в такой исторический момент, когда вся эта действительность была обречена на скорое исчезновение. Уже через какой-нибудь год разразилась кровопролитная и судьбоносная мировая война. Епископу Тихвинскому сразу пришлось выступать, действовать и решать многие вопросы за своего правящего архиепископа, которого надвинувшиеся события удерживали в столице.

Синоду приходилось без промедления реагировать на проблемы, поставленные войной: призыв под знамена миллионов православных воинов, перемещение тысяч пастырей военного ведомства, предусмотренная мобилизационным планом эвакуация многих церковных учреждений из пограничных местностей, срочное разворачивание сети госпиталей, полевых лазаретов, приютов.

1 августа, через десять дней после объявления Германией войны России, епископ Алексий в отсутствие Преосвященного Арсения возглавлял проводы Новгородского гарнизона. В обстановке душевного смятения и горестно-патриотического подъема, охватившего население, тысячи и тысячи горожан заполнили новгородский Детинец (Кремль). Между древней Софией и памятником тысячелетия России лицом к собору были выстроены ряды войск. С сонмом новгородского духовенства Преосвященный Алексий вышел на площадь. Уходившему, как выражались тогда, «на позиции» пехотному полку суждено было почти целиком лечь на поле битвы.

Перед началом богослужения Владыка взволнованным голосом произнес напутствие, в котором беспрестанно проступавшая столь характерная для всех выступлений

его тема мира, сохранения мира, восстановления мира, борьбы за мир звучала и на этот раз, как цель воинского подвига уходящих на войну людей.

«Настал час воли Божией. Наступила грозная година испытания. Гордый и лукавый враг дерзновенно поднял меч свой на нас и угрожает нашему священному достоянию. Сам Бог велит нам восстановить нарушенный народами мир и для этого не щадить своих жизней. Быть может, Промысл Божий готовит нам великий жребий подавить ту вековую неправду и то беззаконие, которые тяготели над государствами Европы и которые во всякое время способны были возжечь пламя войны; быть может, Господу угодно через Свою Святую Русь даровать вечный мир народам Европы. Идите же с светлым упованием, что не оскудеет для вас дивная помощь Божия; с миром в душе выступайте на брань с дерзновенными нарушителями мира... Помните, что и вы, как древние подвижники за Отечество, можете «верою победить царствия» (Евр. 11, 33). С молитвою непрестанною в сердце и на устах, с смиренной верой в то, что в «Боге наше упование и слава» (Пс. 61, 8), идите и принесите миру победу миротворную и победоносный мир...

Мы отпускаем вас с радостной и непоколебимой надеждой на то, что скоро совершится правда Божия, что скоро, по словам пророка, «правда и мир облобызаются» (Пс. 84, 11) и вы возвратитесь домой с благородным сознанием, что грудью своей отразили грозу военную и подвигами своими стяжали Отечеству вожделенный мир. «Господи, воздвигни силу Твою и прииди, во еже спасти нас» (Пс. 79, 3). Аминь».

Военное время было в календарном отношении, казалось бы, непродолжительным до Февральской революции: его можно исчислить 30 месяцами. Но событий за эти 30 месяцев успело произойти множество.

Отступление русских армий, остановленное ценой огромных потерь. Обширные пространства нашей земли – в руках врага. Полное расстройство народного хозяйства. Трудности всякого рода. Недовольство всего необъятного «тыла», простиравшегося до Тихого океана.

В Новгороде с 1913 года – года архиерейской хиротонии Преосвященного Алексия – обстановка успела измениться коренным образом. Война грохотала все ближе: к 1917 году фронт проходил километрах в 350–400. Новгород, былое историческое значение давно утративший, был в то время небольшим провинциальным городом и не представлял собой перекрестка политических и общественных течений века.

Но обстоятельства сложились так, что епископ Алексий был, как он сам говорил, «задавлен» усложнившимися епархиальными делами в Новгородской епархии, как мы уже видели, весьма обширной по территории и с большим числом приходов и духовенства. Губерния считалась на военном положении.

В 1916 году (11 декабря) – незадолго до Февральского переворота – епископ Тихвинский был переименован (в связи с назначением прежнего первого викария – епископа Иоанникия – на Олонецкую кафедру) в первого викария епархии, которой и до этого ему приходилось фактически постоянно управлять из-за частых и продолжительных отлучек архиепископа Арсения. Как уже неоднократно упоминалось выше, последний был вынужден участвовать в Петрограде в работе Святейшего Синода, Государственного совета (в который он был выбран представителем от духовенства), Училищного комитета Синода (в котором он председательствовал) и еще ряда комиссий и предсоборных органов. В первый год войны епископ Иоанникий болел, и это обстоятельство составляло добавочный груз для епископа Алексия.

Военное время к административной стороне управления епархией прибавило значительную нагрузку по военно-санитарной части – по руководству и обслуживанию

многочисленных госпиталей, лазаретов, эвакуационных центров, продовольственных и снабженческих пунктов, складов всякого рода. Епархия взяла на себя попечение о теплой одежде для воинов и беженцев.

Деловые контакты, совместные заседания и повседневное сотрудничество с военными и гражданскими властями, земскими учреждениями стали нормой для правящего архиерея не только применительно к участию самой Новгородской епархии в общем военном усилии страны, но и в силу необходимости ведать еще призрением, размещением и всесторонней поддержкой и обслуживанием церковных учреждений – монастырей, школ, консисторий, архивов, а также клириков и их семей, эвакуированных из западных епархий, занятых неприятелем.

Не следует забывать, что и святыни Церкви – мощи, чтимые иконы, иногда и церковная утварь – с начала войны 1914 года перевозились в епархии ближнего тыла из прифронтовой зоны, отчасти оставались в ближних епархиях на хранении, когда было возможно, переносились вглубь страны.

В напряженной внешней деятельности, поглощающей и даже изнуряющей, проходило время, надвигались и другие события, которые потребовали от всего епископата Русской Православной Церкви и от епископа Алексия лично решительной перемены в навыках и даже коренного пересмотра представлений, привычных и нормальных для сменявшихся прежде поколений иерархов этой Церкви. В частности, от них вскоре потребовалась переоценка представлений о взаимоотношении Церкви, которой Преосвященный Алексий имел намерение посвятить себя с ранней молодости, и государства, подданным которого он был от рождения.

Крушение этого Русского государства – и для него самого, и вообще для его собратьев епископов внезапное – создаст необходимость совершенно нового подхода к новой исторической действительности, которая складываться будет постепенно и определится не сразу. Первоначально до сознания будет доходить элемент негативный – именно крушение и вызванное им брожение распадающегося старого общества и его обломков.

Иерархию Русской Церкви переломные события эти застигнут неподготовленной к ним тем в большей мере, что за два – два с половиной года до них она стремилась принимать деятельное участие в усилиях страны довести небывалую еще по размаху и напряженности войну до победного для русского оружия конца.

Вспоминая почти полвека спустя о своих переживаниях в эти решающие месяцы и годы, Святейший Патриарх Алексий говорил, что, несмотря на всю многостороннюю активность в области, для архиереев неожиданной, к которой их побуждали и даже принуждали обстоятельства военного времени в ближнем тылу, чисто церковная жизнь, этими обстоятельствами также сильно осложненная, требовала от епископов постоянной самоотдачи и самой пристальной бдительности.

«А наш Владыка архиепископ был еще вынужден то и дело отлучаться в Петроград для участия в центральной церковной работе, и часто на продолжительный срок», – добавлял Патриарх, воскрешая в памяти свои заботы предреволюционных дней.

Необычайно деятельный и энергичный, архиепископ Арсений, за годы своего управления Новгородской епархией поднявший ее церковно-богослужебную жизнь, как и духовно-нравственную жизнь ее пастырей, на исключительную высоту, проявлял все больше инициативы и в начинаниях, относившихся к церковной и общественной жизни во всероссийском масштабе. Для этого перед ним были открыты тем большие возможности, что он был вовлечен в постоянную работу центрального церковного управления и высшего законосовещательного органа страны.

Так, архиепископ Новгородский проявил в довоенные и военные годы кипучую деятельность в деле борьбы с пьянством, ставшим настоящим всенародным бедствием. Сначала он покрыл всю епархию братствами трезвости. Затем он объединил их в федерацию Новгородской епархии. Во всем этом он считал живой пример лучшим видом нравственной проповеди. Поэтому, когда в покоях Владыки или в Епархиальном доме[35] устраивались собрания, приемы и трапезы, в газетах неизменно сообщалось, что они прошли без алкогольных напитков и даже без столового вина и пива.

В конце января 1917 года это начинание приобрело всероссийский размах, когда совет Всероссийского Александро-Невского братства трезвости, собравшись в Петрограде под председательством архиепископа Арсения, постановил созвать не позднее августа того же года Всероссийский съезд представителей трезвенных организаций. В Государственном совете архиепископ Арсений был инициатором нового законодательства по борьбе с пьянством в России.

За несколько недель до Февральской революции – в начале января 1917 года – в церковной жизни Новгорода имели место события местного значения, которые мы все же отметим из-за самого момента, когда они происходили. Правящий архиепископ Арсений возвратился на короткий срок в свой епархиальный город в последний раз до революции. В этот приезд он многое обсуждал со своим первым викарием епископом Тихвинским Алексием.

В столице обстановка принимала все более критический характер. Прошло два месяца со времени убийства Распутина, Государственная дума пребывала в состоянии острого политического кризиса. Среди самых противоречивых и тревожных слухов атмосфера в Петрограде беспрерывно накалялась. И в Синоде, и в Государственном совете архиепископ Арсений мог ежедневно наблюдать признаки надвигавшегося государственного кризиса и полной неподготовленности к нему и растерянности правительственных кругов.

Причиной приезда архиепископа Арсения в Новгород в такой момент была назначенная на 8 января архиерейская хиротония новгородского епархиального миссионера архимандрита Варсонофия (Лебедева) в епископа Кирилловского.

В напутственной речи архиепископа новопоставленному архиерею отразились заботы и настроения переживавшегося исторического перелома. Приведем несколько характерных мест из его речи при вручении епископу Варсонофию архиерейского жезла.

«Переживаемые нами знаменательные события в государственной и церковной жизни выдвигают новые задачи для Церкви. Нет сомнения, что в настоящей мировой войне куется новая жизнь с ее запросами, которые будут направлены и к Церкви, и к ее пастырям. Сумеем ли мы должным образом ответить на них?»

Архиепископ Арсений сказал еще: «Не отрицаем недочетов в церковной жизни и мы. Существенным ее недостатком является слабая связь между пастырями и пасомыми и как следствие этого – недостаточное влияние Церкви на все стороны жизни человеческой, и личной, и общественной. Церковь есть союз любви. В силу такого союза пастыри должны руководить пасомых по пути к вечному спасению, духовно возрождать пасомых, обновлять их и соделывать храмами Святого Духа. Разобщенность между пастырями и пасомыми – причина равнодушия нашего общества к Церкви. Она же является удобной почвой для возникновения в ней враждебных сил в виде сектантства и неверия в многоразличных формах».

Патриарх, вспоминая эту хиротонию начала 1917 года, отмечал несколько десятилетий спустя, что она прошла в совершенно необычной для таких церковных

торжеств атмосфере. Прибывший из Петрограда архиепископ Арсений говорил с присутствовавшими в Новгороде собратьями архиереями новым языком. Тон его был сосредоточенно-серьезен, и собеседников он призывал к бдительности не только собственными глубокими суждениями, сбывшимися впоследствии, но и ссылками на Священное Писание.

Запомнилось напоминание Владыки архиепископа о словах Спасителя, которыми оканчивается 13-я глава Евангелия от Марка: «А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте». Бушующая война кончится, говорил с духовным волнением архиепископ Арсений, но люди, народы, все человечество уже будут не те: возврата к довоенным убеждениям и понятиям не может быть. И поскольку это не подлежит сомнению, нам нельзя не учитывать, что эта нынешняя война вызовет огромный и глубокий кризис в сознании современного человечества. Интересы народов и государств будут ставиться выше интересов личностей, и принцип обязанностей будет стоять выше прав».

Архиепископ добавил, что даже такой сдержанный и осмотрительный член Синода, как архиепископ Никон (Рождественский)[36], в конце 1916 года выступил на заседании Святейшего Синода с речью на эту тему и этой же теме посвятил ряд статей в синодальном органе – «Церковных ведомостях».

На епископа Алексия говорившееся в тот день произвело тем большее впечатление, что он слушал своего давнишнего наставника и что архиепископ Никон, на которого тот ссылался, также был в сонме хиротонисавших его иерархов.

В тот же вечер 8 января, после хиротонии епископа Варсонофия, архиепископ Арсений, крайне ограниченный во времени и спешивший возвратиться в Петроград, созвал годичное собрание своего детища – Новгородского церковноархеологического общества. Общество это после тщательной подготовки было учреждено архиепископом при активном содействии ученых Петербурга, Москвы и Киева в 1913 году. Епископ Алексий, заменявший своего архиепископа в возраставшем круге дел, играл все более деятельную роль в жизни этого общества, которое к 1917 году достигло большого и действительно всероссийского развития. В его «древлехранилище», быстро превратившееся в весьма значительное собрание ценных образцов новгородского искусства и древностей, со всей страны стекались новые экспонаты, объекты научного изучения, старинные документы и новейшие исследования.

Епископ Алексий был избран заместителем архиепископа, председателя общества. 8 января собрание общества было созвано в архиерейских покоях, так как Арсениевский епархиальный дом был отдан под военный госпиталь. Епископ Алексий выступил с сообщением о работе комиссии по реставрации знаменитого Спаса-Нередицы (к несчастью для всего русского и мирового искусства в сороковых годах уничтоженного немецкой артиллерией).

Архиепископ Арсений открыл собрание многозначительной и одушевленной речью, заостренной не только против внешнего врага, но и против немецкого засилья внутри самой России. Ее он накануне обсуждал с епископом Алексием.

Из этой речи для более полного понимания настроений новгородских архиереев в этот переломный исторический момент приводим наиболее показательные места37.

«Если мы вникнем в смысл совершающихся теперь событий, то, быть может, найдем, что наши занятия имеют свое оправдание и в переживаемые нами дни... Археология как раз имеет в виду пробудить национальное самосознание... Целых два века мы были в плену у Запада. Нас нимало не ужасало, что иноземные влияния наложили печать на все стороны нашей жизни, не исключая и религиозной. Запад научил нас отвергать предания священной старины, к православной богословской науке привил

свой рационализм. Только лет 15–20 тому назад мы, наконец, спохватились и задумались над утраченными нами под влиянием Запада ценностями... Мы поняли всю невозместимость утрат, понесенных нами благодаря тому, что предметы родной старины разными путями переселились в музеи Запада. В частности, мы, новгородцы, спохватились, что нашу старину не расхищал только тот, кто не хотел... Министерство народного просвещения ввиду народившихся национальных течений должно было позаботиться о воспитании любви к родному прошлому в обучающемся юношестве. Было наконец открыто, что прежде знания назубок разных «Саксен-Рудольфштадтов, Саксен-Мейнингенов» и прочих нам прилично ознакомиться и ознакомить учащихся с достопримечательностями Москвы, Киева, Новгорода.

Нужно ли, однако, говорить, что одно расширение книжной схоластики не могло и не может дать прочного знакомства со своим родным. Для этого необходимы личные впечатления... Доброму можно учиться и у врагов. И вот, если бы русские юноши последовали примеру немцев, которые предпринимают по своему фатерлянду длинные путешествия пешком, они научились бы понимать и любить свое Отечество».

Любопытно, что этими словами архиепископ Новгородский как бы предвосхищал широко распространившуюся в наши дни практику походов по стране туристов, преимущественно из послевоенного поколения.

«Наше церковно-археологическое общество, – продолжал архиепископ, – с одной стороны хочет возбудить интерес к родной старине среди местных жителей-новгородцев, с другой – оно желает быть одним из пунктов, знакомство с которым обязательно для всякого, кто интересуется прошлым нашей великой Родины.

Нынешним летом мы имели радость видеть в своем древлехранилище целое художественное училище, которое занималось там целое лето и не находило слов для выражения своего восхищения пред столетиями родной старины, собранными там. Полюбим и мы прошлое когда-то великого, буйного, а теперь тихо почившего Новгорода. Научимся понимать, что в Новгороде буквально каждая пядь земли говорит о том или ином событии.

Пусть же нам не будет стыдно пред тем, кто за сотни, за тысячи верст едет и едет в Новгород, чтобы видеть те дорогие для русского сердца места, где начиналась наша родная история, чтобы поклониться святыням нашим...

Наш годовой праздник ныне, как и в прошлом году, происходит не в обширном зале нашего Епархиального дома, который во время войны сделался домом милосердия... Но тем большая благодарность всем, кто имел усердие придти и разделить с нами нашу радость по поводу сделанного нашим обществом за четыре года его существования».

На том же годичном собрании церковноархеологического общества было и то обсуждение проекта реставрации Спаса-Нередицы, о котором говорил Патриарх Алексий. В журнале, в котором была приведена речь архиепископа Арсения, обсуждавшаяся обоими Владыками накануне, мы нашли следующую цитату, которая вызывает гневную скорбь при мысли, что между сегодняшним днем и вечером 8 января 1917 года пролегло кощунственное варварство – сокрушение неприятелем в ходе Второй мировой (Отечественной) войны этого уникального памятника XII века и его неповторимых фресок. Приведенные цитаты показывают заботы новгородских архиереев в последние дни перед сменой эпох в жизни страны и в их собственной жизни.

«Оказалось, – говорится в цитате, – что кроме изученных уже в Спасо-Нередицкой церкви трещин и отпучивания штукатурки с фресками на них замечены подобные же неприятные новообразования в отделении алтаря с жертвенником, на фигурах святых Кирика и Иулитты, на фресках с изображением Страшного Суда, расширяется

трещина на потолке алтаря над изображением Богоматери. Для временного укрепления угрожающих падением фресок найдено возможным употребить деревянные щиты с натянутыми на них лентами из холста и войлока.

В целях постоянного укрепления спасо-нередицких фресок предположено приступить к опытам сначала в других новгородских церквах, чтобы видеть действие употребляемых составов на штукатурку и фрески, и потом закончить эти опыты в Спасо-Нередицкой церкви в таких местах, возможная неудача опытов в которых не повредила бы драгоценной росписи Спасо-Нередицкой церкви. В тех же видах сохранения фресок предположено с западной стороны приделать к Спасо-Нередицкой церкви деревянную паперть и так или иначе заделать щели, образовавшиеся около рам в церкви».

2. Февральские события 1917 года в Новгороде. «Воззвание» епископа Алексия к новгородской пастве

Февральская революция началась в 1917 году в Петрограде с выхода на улицу народных масс, требовавших сначала хлеба. Но очень скоро раздалось требование мира. В это время интеллигенция требовала ответственного министерства. Думские партии после крушения самодержавия выдвигали программу войны до победного конца. Им ответила волна демонстраций по всем городам с лозунгами немедленного мира без аннексий и контрибуций.

Все происходившее не только на поверхности жизни в старой России, но и в более глубоких побуждениях социальных и политических групп, руководивших этой прежней жизнью, уже как-то не проникало в народную толпу. Невзгоды, лишения и жертвы, все виды несправедливости могли сноситься «в поте лица» во времена мирные. Но в военные годы все, даже обычные тяготы стали измеряться потерями в живой силе и крови.

Десятки, затем сотни тысяч, за неполных три года почти три миллиона трупов – скошенный цвет мужской мощи страны – полегли в бесчисленные и безымянные братские могилы в предгорьях Карпат, в лесных болотах Литвы и Полесья. И с этой поры все задуманное и проводимое «сверху» стало для народной стихии России не безразличным, а неприемлемым. Подсознательное у тогдашнего большинства, а у иных сознательное ощущение нестерпимости повело к прямому противодействию.

Старая власть рухнула сразу. Поначалу на ее развалинах оставалось лишь законодательное учреждение – Государственная дума, которой принадлежала инициатива создания временной центральной власти. Орган этой власти был и по названию провозглашен «временным правительством».

От имени Государственной думы недолго действовал особый комитет, фактически объявивший временными и законодательные прерогативы Думы, которой предстояло быть замененной Учредительным собранием для определения будущего государственного устройства страны.

В первые дни после переворота связь провинции со столицей почти не существовала. В Новгород, в частности, из Петербурга поступали лишь скудные и отрывочные сведения. Епископ Алексий, замещавший во главе епархии правящего архиепископа, не имел никакой связи ни с последним, ни со Святейшим Синодом. Известия о происшедших чрезвычайных событиях поступали к епископу первоначально лишь от военного коменданта города, в распоряжении которого находился «прямой провод», то есть телеграфная связь с Петроградом и Псковом (где находился штаб Северо-западного фронта).

Об отречении императора и его брата вся страна была уведомлена в срочном порядке. Относительно образования новой власти стали известны лишь главные факты. На месте губернатор был тотчас же отрешен от управления губернией. Губернский комиссар Временного правительства появился не сразу, и для поддержания порядка и снабжения в городе и губернии возник местный комитет общественного спокойствия.

К епископу поступали запросы от духовенства и приходов не только епархиального города, но и со всех концов епархии. Ему пришлось принять ряд ответственных решений, чтобы иметь возможность дать руководящие указания подчиненному ему на обширной территории весьма многочисленному духовенству и уведомить свою паству об отношении церковной власти к совершившимся историческим событиям.

В этот момент епископ Алексий не мог не вспомнить своих собственных ранних высказываний (в академической диссертации о митрополите Филарете) еще в 1904 году – то есть за тринадцать лет до Февральского переворота: «Все то, что мы переживаем, имеет несомненную, иногда самую непосредственную, тесную связь с событиями прошедшими, которые, таким образом, являются породителями современных событий, а потому, если мы захотим анализировать какое-нибудь явление наших дней и выяснить его значение и сущность, мы непременно должны восходить по исторической лестнице вглубь времени и искать в прежних годах те события, естественным следствием которых является исследуемый нами факт настоящей действительной жизни. Весьма часто причину данного явления следует искать в отдаленных временах...».

5 марта епископ Алексий выпустил воззвание, которое было оглашено во всех храмах епархии, расклеено на стенах городов и селений и воспроизведено во всей периодической печати, издававшейся в пределах Новгородской губернии.

Воззвание это гласило: «Твердо веруя, что за крестом внешних испытаний и внутренних нестроений дорогой Родины нашей наступит светлое воскресение и обновление великой России, православное духовенство города Новгорода призывает всех объединиться в общей горячей молитве к Милосердному Господу, да благословит Он в эти тяжкие минуты созидательную работу нового правительства, и просит православное население Новгорода во имя блага Родины пребывать в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, соблюдая во всех своих действиях полное единодушие и спокойно выполняя законные требования власти, которую в настоящее время в городе Новгороде представляет Комитет общественного спокойствия».

Воззвание было подписано: «Алексий, епископ Тихвинский, викарий Новгородский, и духовенство города Новгорода, 5 марта 1917 года, гор. Новгород».

В № 5 «Новгородских епархиальных ведомостей» (то есть в первом номере после Февральского переворота, вышедшем в свет 15 марта 1917 года) было напечатано несколько сообщений из церковной хроники. Приводим известие о том, что в воскресение 5 марта в Софийском соборе Преосвященный Алексий, совершив Божественную литургию в сослужении соборного духовенства, перед молебном о даровании победы российскому воинству вышел на амвон и, прочитав манифесты императора Николая II и великого князя Михаила Александровича об отречении от престола, «в разъяснение вышеуказанных государственных актов» произнес слово, в котором охарактеризовал яркими чертами положение государства за последнее время, когда, с одной стороны, шла беспримерная в истории народов тяжелая война, а с другой – внутри совершались неслыханные измены со стороны тех, кто был призван царем в качестве ближайших сотрудников в управлении государством.

Владыка подробно коснулся того, как постепенно воздвигалась между царем и народом все более и более плотная стена. Преосвященный, переходя к недавним событиям, указал на то значение, какое имеет для России новый строй правления и чего он требует от каждого русского гражданина.

В том же номере «Новгородских епархиальных ведомостей» была напечатана краткая редакционная статья. Статья эта, принадлежавшая перу епископа Алексия, была озаглавлена «К моменту». Приводим ее начало: «Государственный переворот совершился. Дни революции большинством духовенства были пережиты в большой тревоге и смущении. Духовенство не за страх, а за совесть, по заповеди апостола, учило «быть покорными всякому человеческому начальству» (1 Пет. 2, 13). Не ритуалом, а потребностью религиозного сердца были «молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих... (1 Тим. 2, 1–2)», возносившиеся пастырями за богослужением. В дни переворотов пред сознанием пастырей во всем объеме ставился вопрос о верности присяге. Далекое от политической жизни страны, духовенство в большинстве своем не знало, чтобы существовали обстоятельства, в силу которых оно обязывалось думать о представителях власти: «судите, справедливо ли перед Богом слушать вас более, нежели Бога?» Отречение бывшего государя от престола облегчило совесть пастырей».

Статья «К моменту» более не касалась происшедшего государственного переворота. Она была фактически первым откликом на одно из первых же мероприятий Временного правительства – провозглашение равенства религий. По этому поводу епископ Алексий высказывал мысли, как бы подготовлявшие экуменическую линию его будущего патриаршества.

Приводим заключение статьи: «В истории Церкви были времена, когда ревнителями ее выдвигалась против врагов ее сила. Но тогда же находились люди, которые нетерпимость к чужим верованиям и всякое насилие над людьми нецерковных воззрений объявляли чуждыми существу Церкви. Нужно оплакивать слабости и заблуждения нашего времени, говорит святой Иларий (IV век). Люди воображают, что Бог нуждается в их покровительстве. Церковь угрожает изгнанием и темницей и хочет силою заставить веровать в нее – та Церковь, которая сама утвердилась через изгнание и темницы».

В статье «К моменту» отмечалось, что для Православной Русской Церкви свобода совести – великий завет, данный ей святыми первоучителями славянскими Кириллом и Мефодием. «... Начала свободы совести провозглашались и лучшими сынами Православной Церкви». «Церковь, – говорит Иван Сергеевич Аксаков, – не может отвергнуть принцип религиозной свободы, или, правильнее, свободы совести, не отрекшись от самой себя, ибо все здание Церкви стоит на том свободном действии духа, которое называется верою». Так заканчивалась статья.

Мы уже говорили, что русское духовенство было подготовлено к революции менее всех других сословий старой России. От него власть веками ждала покорности и повиновения. Христианство издревле, со времен апостольских, учило повиновению установленной власти. В этом отношении наставления апостолов категоричны. Это имело значение тем большее, что в то время христиане были гонимы преследовавшей их языческой властью.

Участие во всякой политике в принципе было отвергнуто Церковью с момента основания ее Господом, указавшим ученикам Своим, что она есть Тело Его. Греховность человека по-разному проявлялась в Церкви исторической. На Западе христианство само посягало на государственную власть и овладевало ею мечом. На Востоке в покорности власти христианство позволяло ей злоупотреблять собой. Восточное

христианство издревле оказывалось в страдательном положении от нашествий, завоеваний, притеснений со стороны мирского владычества.

Все христианство некогда переняло древнейший обычай – обряд помазания носителя власти на царство, восходящий к прецеденту помазания Саула пророком Самуилом в Израиле за тысячу лет до Рождества Христова. Рим превратил помазание правителей феодальных монархий в их зависимость от себя, и так сложились предпосылки папоцезаризма. Но Византия постепенно превратила помазанничество в цезарепапизм, унаследованный от нее Россией.

В обоих случаях историческое христианство искажало учение Христово и посягало на сущность Церкви. Существуя в видимой части своей в мире, тем не менее она – не от мира сего. Независимо от религиозных или нравственных побуждений русских самодержцев, их покровительство шло поэтому не Церкви Христовой, а духовенству, именно как исторически сложившемуся «сословию». И в этом – объяснение стольких сторон нашей прошлой церковной жизни.

И в этом также объяснение значения революции для Русской Церкви, принесшей ей одновременно возможность и необходимость самостоятельного существования. Вполне понятно, что такая перемена повлекла за собой кризис перестройки, реорганизации, создания новых отношений с окружающим миром.

В первые же дни после крушения русской монархии, установившей систему цезарепапизма в нашей стране, совершилась весьма существенная перемена в судьбе и положении Русской Православной Церкви: как мы уже видели, она формально перестала быть «господствующей». Многие иерархи, клирики и миряне усмотрели в этом некую утрату. Этот взгляд нашел себе выражение в некоторых высказываниях на Всероссийском Церковном Соборе 1917–1918 годов, хотя тогда все-таки преобладало подлинно церковное понимание роли Православной Церкви в христианстве и мире.

Отклики укоренившихся представлений о «господстве» Церкви, принудительно осуществляемом государственной властью, впрочем, еще долго могли быть слышны среди русских иерархов старшего поколения, сходившего с исторической арены в двадцатых и тридцатых годах. От притязаний на «господствующее» положение Церкви и на обеспечение такого положения властью, обязательно вероисповедной, не сумели отрешиться расколы, возникшие в нашей Церкви после революции (как до сих пор существующий уже в полном отрыве от Русской и Вселенской Церкви зарубежный «карловацкий» раскол, о котором нам придется еще упомянуть ниже).

Что важно отметить, говоря не об «утрате» состояния «господствующей» Церкви, а о спасительном освобождении от подобного состояния, всегда и всюду искажавшего самое назначение Христовой Церкви как орудия вечного спасения людей, – так это мудрое и отчетливое понимание спасительной перемены, выраженное в печати сорокалетним епископом Тихвинским Алексием еще в марте 1917 года.

И до революции авторитетные голоса церковных иерархов и выдающихся православных писателей и мыслителей обличали всякое насилие над совестью человеческой и свободной волей людей в области религиозных верований. Но незамедлительное выступление церковной печати после совершившейся перемены – статья «К моменту» – остается одним из самых ранних официальных высказываний русской православной иерархии по вопросу равенства религий в России.

Уже в первые месяцы, последовавшие за Февральским переворотом, должно было стать ясным, что революция опрокинет все старые иерархические структуры в русской жизни. Как мы уже отметили, структуры административные и политические рухнули сразу. Быстро наметилось и крушение военной иерархической структуры.

Уже ход войны внешней обнаружил, что эта старая структура подорвана непоправимо, а опыт гражданской войны неопровержимо и окончательно подтвердил этот факт. Октябрь ниспроверг и структуры экономические и бытовые, сокрушив их социальные основы.

В эту переломную эпоху долгая внешняя связанность Церкви с прочими структурами страны не могла, конечно, не привести к тому, чтобы и существование церковной иерархической структуры ставилось под вопрос широкими кругами тогдашнего русского общества. Но основы церковных структур сложились на тысячу лет раньше возникновения в нашем Отечестве первичных форм государственности и за добрых полтора тысячелетия до петербургской империи, наложившей руку на управление церковной иерархией. Невозможность отождествлять внутренний строй Церкви, созданной не для отношений и целей «мира сего» с иерархиями социально-политическими, не была и не могла быть полвека тому назад понята всеми, кому приходилось жить в рамках официальной церковности.

Кроме того, теперь важно учесть, что видимая часть церковной жизни и ее земные структуры должны были доказать свою жизнеспособность в новых и изменяющихся условиях. И именно это доказательство не могло прийти сразу. Жизненность этих исторических структур Церкви могла стать очевидной только в развитии исторического же процесса, проявиться не в предпосылках, а в результате его.

Кажущаяся парализованность высшей иерархии Русской Православной Церкви после свержения старого государственного строя объяснялась прежде всего долгим ее пленением государственной властью. Несвобода церковной иерархии в дореволюционной России воспринималась святителями с просветленным и углубленным церковным сознанием как грех перед Церковью и как историческая трагедия. Но это состояние, став привычным, при видимости благополучного процветания русского Православия, далеко не всегда понималось во всей его духовной и нравственной несостоятельности очень многими иерархами Церкви и всей консервативной частью старого русского общества, к которой сами эти иерархи зачастую принадлежали.

Еще в начале XVIII столетия Русская Церковь была фактически как бы закрепощена государством, что явилось следствием постепенного сползания Московского царства к византийскому цезарепапизму, при котором царская власть постоянным вмешательством в дела Церкви систематически нарушала заповедь Христову о разделении Божиего и кесарева. Духовный авторитет церковной иерархии, страдавший от этого, был уже подорван настолько в период великих реформ, что в юном Петербурге в начале XVIII столетия Церковь сочли возможным попросту «преобразовать» в некое государственное ведомство.

И вот два века подряд нашу церковную иерархию и народ Божий приучали к всемогущей опеке государства. В продолжение двух столетий иерархов Церкви хиротонисали в епископский сан не иначе, как по указам носителей государственной власти – императоров. По таким же указам иерархов перемещали с одной епископской кафедры на другую, увольняли «за штат», удаляли «на покой», налагали всевозможные, подчас унизительные взыскания или, наоборот, награждали орденами – опять же государственными, а не церковными. Но и чисто церковные награды: панагии, кресты, митры, камилавки и т. д. возлагались на клириков лишь под контролем гражданского (а то и военного) государственного чиновника, иногда неправославного (даже «по паспорту») или неверующего, какими бывали некоторые из пресловутых обер-прокуроров Святейшего Синода.

К этому нелепейшему в приложении к Церкви званию множество верующих привыкло, как привыкло оно и к тому ненормальному положению, в которое на протяжении жизни многих поколений была поставлена Русская Церковь. И немудрено, что люди, даже вовсе против нее и не настроенные – как в самой России, так и заграницей, – часто смотрели на архиереев как на государственных сановников.

Когда же устои старой русской государственности развалились, самой Церкви стало необходимо возможно скорее вернуться к положению, отвечающему ее природе и назначению, то есть служению делу вечного спасения людей и исканию для этого Царства Божия и правды его в полной независимости от «мира сего» и его земных царств.

Достижение такого – для христианской Церкви естественного и обязательного – состояния после столь продолжительного вынужденного отклонения от него было бы непросто и нелегко и в самые мирные и спокойные времена. В обстановке же напряженности, вызванной истощившей силы и ресурсы страны мировой войной, какой прежде не бывало, и усугубленной политическим кризисом, необходимое освобождение Церкви от последствий вековой опеки со стороны государства, создавало огромные трудности. И эти трудности неминуемо должны были втянуть верующие массы России в продолжительный кризис.

3. Противостояние епископа Алексия новгородскому обновленчеству

Положение Русской Церкви в стране после крушения прежнего государственного строя и внутреннее состояние самой Церкви, не замедлившее выявиться в последующие же месяцы в период, в просторечьи прозванный тогда «керенщиной», теперь уже основательно позабыты. Это только естественно полстолетия спустя. Но тут нам представляется уместным отметить, что – как уже говорилось выше – наша задача состоит в ознакомлении читателя с главными событиями в жизни Святейшего Патриарха Алексия.

В жизни этой, волею Божией продлившейся более девяти десятилетий, как раз последнее полстолетие открылось цепью событий, к которым предшествовавшие сорок лет, как тоже уже говорилось, не могли подготовить первоиерарха, намеченного Господом в неисповедимых путях Своих последние свои четверть века стоять у кормила церковного корабля. И эти четверть века ему дано было вести вверенный ему корабль по глубоким водам после затихших уже бурь первой половины нашего XX столетия.

Исходя из никогда не покидавшей его покорности воле Божией и глубокой веры в то, что все совершающееся промыслительно, почивший Патриарх за все долгие годы своего архиерейства на ожидаемое и неожиданное реагировал в уверенности, что все – от Бога, и поэтому – как сразу после его блаженной кончины написал Экзарх в Западной Европе митрополит Сурожский Антоний – «все может быть, должно быть поводом, ниспосланным Господом для христианского делания, для дела Божия».

В первые дни после Февральского переворота епископ Алексий переживал тревогу за исход неоконченной войны. В этом отношении он разделял чувства всего русского епископата, возносившего молитвы о ниспослании победы русскому оружию за каждым богослужением с лета 1914 года.

Архиепископ Новгородский Арсений еще задерживался в Петрограде, когда епископу Алексию пришлось еще раз заменять его при служении (14 марта) молебна на площади перед Софийским кафедральным собором, где, как было и в начале войны, выстроены были резервные боевые части, составлявшие тогда Новгородский гарнизон.

И вновь, обращаясь к войскам, Владыка сказал: «Приветствую вас, православные христолюбивые воины, и радуюсь, что вы всей вашей военной семьей собрались здесь, чтобы перед лицом нашей многовековой новгородской и российской святыни, святой Софии, принести Господу усердную молитву о помощи Божией в борьбе со врагом.

Мой долг, как архипастыря и служителя Святой Церкви, напомнить вам, чтобы вы прониклись сознанием, что не внешняя сила, а помощь Божия является залогом успеха вашего во всяком деле. Молитва церковная, которую вы услышите сегодня, говорит: мы «не на лук уповаем, и не оружие наше спасет нас, но только Божественная сила и небесная помощь. <...>

Вера в эту Божественную силу и в эту небесную помощь укрепляла всегда русское воинство; она вдохновляла его на великие подвиги на полях брани; она же давала ему силы непоколебимо идти на самую смерть ради счастья Родины».

«И вам всем, братие, православные воины, – заканчивал свое слово епископ, – предстоит нести тяжелые подвиги в борьбе со врагом; многим из вас, быть может, суждено положить жизнь свою в этой борьбе. Пусть же вас укрепляет в ваших подвигах вера в Бога и надежда на Его помощь. Спаситель наш сказал, что «где два или три собраны во имя Мое, там и Я посреди их».

Мы веруем, что Он услышит нас всех, собравшихся во имя Его, и пошлет нам Свою Божественную помощь. Помолимся же Богу от всего сердца, чтобы Он помог нам в предстоящей трудной борьбе и чтобы Он благословил нашу Родину победою, славою, благоденствием и миром. Аминь».

Революционные сдвиги, между тем, во всей стране наращивали темпы. Такие явления, как парады войск с молебнами о даровании победы, становились редкостью в тыловых городах. В Новгороде во второй половине марта уже стали проявляться признаки брожения и в церковных кругах. Это брожение, которое Патриарх Алексий впоследствии назвал «керенщиной в ограде Церкви», было направлено против церковной дисциплины и канонической иерархичности.

Первоначально это выражалось во внесении мирских страстей в стены храмов: в них начались шумные собрания, митинги, голосования, часто не имевшие даже никакого отношения к церковным делам и к церковной жизни. Церковными зданиями пользовались для гражданских целей в небольших городках и селах из-за их размеров и просторных помещений.

Но стали учащаться случаи самоуправства и в области чисто церковных вопросов. Возникали группы, переносившие отголоски избирательных кампаний и политические лозунги всевозможных партийных группировок разных направлений во внутриприходские отношения.

Большинство верующих и духовенства было чуждо этим внешним непорядкам в их храмах, где инициаторами шумных выходок были единичные личности и собиравшиеся вокруг них небольшие группы прихожан. Такие явления были неизбежны в период распада основ прежней общественной жизни и всех ее проявлений. Но и сама церковная среда должна была пережить свои особые волнения.

Помимо застарелых искажений церковной жизни в России синодального периода в последнее десятилетие перед революцией эта жизнь была отмечена болезненными фактами, также вытекавшими из той же зависимости от государственной власти, каких раньше все же не наблюдалось. Поэтому в церковной жизни возникли и определились контрастные явления. С одной стороны, в русском епископате и в православной общественности нарастало и углублялось церковное самосознание. В прямой

связи с этим крепли надежды на возможность оздоровить внутреннюю жизнь Русской Православной Церкви возрождением в ней соборного начала.

Мертвящему воздействию казенного чиновничьего бюрократизма на религиозную жизнь верующих христиан противостояла сначала мечта о Поместном Соборе нашей Церкви, которая, принимая все более реальные очертания, выливалась в формы общественной борьбы за созыв такого собора[38]. Это – повторяем – с одной стороны.

С другой – наблюдалось вящее искажение и без того ненормальных и застарелых в своей несообразности взаимоотношений между зависимой от государства Церковью со светской правительственной властью, обреченной на скорое и – как показала история XX века – неминуемое исчезновение. Власть эта, деятельность которой принимала характер какой-то припадочной безответственности и непоследовательности, металась из стороны в сторону под действием обострявшегося внутреннего кризиса.

Эта болезненная заключительная стадия старой русской государственности и отражение конвульсий ее на положении Русской Церкви составили недоброй памяти, пусть и краткий, период, который успел в русской общественной жизни быть прозван «распутинщиной».

Врожденная болезнь единственного сына царской четы – гемофилия, главной и опасной чертой которой является возрастающая трудность сворачивания крови, – с начала века наметила угрозу существованию династии Романовых и обусловила в военные годы нарастание истеричности в царском дворце, перешедшей в настоящий психоз. На этой почве создалась возможность появления за кулисами русского самодержавия предприимчивых и корыстных авантюристов, знахарей и кликуш. Так могло возникнуть в последние годы старой русской власти ни с чем не сообразное влияние на правительственную среду малограмотного и алчного человека порочной жизни. Прикидываясь молитвенником и целителем, человек этот – сибирский крестьянин Григорий Новых, в родном селе уже стяжавший кличку Распутин – играл одновременно на религиозных чувствах и на становившейся все более встревоженной и суеверной озабоченности царицы и влиянии ее на царя.

В итоге произошло нечто почти невероятное: он сумел стать одним из главных факторов безостановочной смены высших представителей правительственной власти – пресловутой «министерской чехарды».

В эту неустойчивость высших постов и должностей в те годы втягивали по проискам того же Распутина членов русского епископата. Распутину было нужно показать, что он имеет возможность воздействовать на архиереев, которые открыто выступали против него. Ему было особенно важно преодолеть распространявшееся все шире мнение, что он неправославный, что он примыкал к изуверской секте «хлыстов».

Добиваясь признания за собой свойств и добродетелей православного старчества, он был вынужден прикрывать некоторые из своих становившихся известными дебошей, как бы «Христа ради юродством». Так или иначе, он воображал, что ему удастся закрепить за собой в глазах царской семьи репутацию чуть ли не «специалиста» по церковным делам.

По мере того, как проходили годы, его все более разоблачавшие, главной заботой Распутина становилось стремление обезвредить наиболее решительных своих противников из современных ему иерархов Церкви или удалить их с архиерейских кафедр.

Появление Распутина в Петербурге и его «восхождение» относится к первому десятилетию века. Но в это десятилетие он сумел еще только снискать себе известность, как якобы «богомольный странник», а затем и «целитель». Политического влияния он

тогда еще не мог добиваться и старался держать себя осмотрительно. Но близко наблюдавшим его привычки и склонности, кутежи и безобразные выходки уже раскрыли глаза.

До Патриарха Алексия слухи о нашумевшей на всю Россию истории о разоблачении авантюриста епископом Феофаном (Быстровым) дошли, когда он был еще ректором семинарии в Туле. Тогда (в 1909 году) архимандрит Феофан, бывший на три года старше епископа Алексия, только что был хиротонисан в епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии.

В 1905 году, будучи магистром богословия и инспектором Петербургской Ду :овной академии, он познакомился с Григорием Новых, добравшимся до столицы из Тобольской губернии, уроженцем которой был, и поверил его набожности и благочестию. Архимандрит Феофан имел неосторожность представить «странника» обеим великим княгиням «черногоркам» (сестрам, бывшим в замужестве за двумя братьями великими князьями Николаем и Петром Николаевичами, дядями царя). Таким образом Распутин попал «ко двору».

Вскоре епископ убедился в полном недостоинстве проходимца, которому он оказал свое покровительство и, осознав свою ответственность, горячо и решительно осудил собственную оплошность, с 1910 года предостерегая и собратьев епископов, и членов царского дома против лицемерия и притязаний Распутина. Епископ Феофан неустанно разоблачал его, и благодаря ему члены Святейшего Синода смогли занять единственно правильную позицию еще при жизни первоприсутствовавшего в Синоде почитаемого митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского)[39].

С епископом Феофаном Патриарху Алексию не приходилось встречаться до революции. Но архиепископ Новгородский Арсений хорошо его знал и своему будущему викарию Преосвященному Алексию, когда последний был еще ректором Новгородской семинарии, много о нем рассказывал. В то время епископ Феофан из-за своего энергичного противостояния Распутину приобрел большую известность в церковных кругах. Характеристика его, данная архиепископом Арсением, произвела сильное впечатление на Владыку Алексия.

Будучи ректором столичной академии, епископ Феофан уже стал популярным в Петербурге проповедником, «обжигая сердца слушателей своим пламенным глаголом», как выразился архиепископ Арсений. По описаниям архиепископа получалось, что епископ Феофан пылким характером и решительностью был несколько похож на него самого.

Синод сумел добиться назначения Преосвященного Феофана епископом Таврическим и Симферопольским в конце 1910 года. Но осенью 1912 года царское семейство уезжало в Ливадию и стало известно, что императрица не желает встречаться в Крыму с правящим епископом. Во избежание нежелательного инцидента Синоду пришлось найти выход из положения в переводе епископа Феофана на Астраханскую архиерейскую кафедру. В 1913 году он был назначен епископом Полтавским и Переяславским.

В период перед кончиной митрополита Антония члены Синода и руководящие деятели русского епископата отдавали себе ясный отчет в губительной для Церкви и страны роли Распутина, который со своей стороны также учитывал, что ему не под силу бороться с сонмом крупнейших иерархов, представлявших различные течения православной мысли в России, среди которых выделялись тогда все три митрополита – Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский), Московский Владимир (Богоявленский), и Киевский Флавиан (Городецкий), архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон (Беллавин) – будущий Патриарх, архиепископ Житомирский и Волынский

Антоний (Храповицкий), архиепископ Финляндский и Выборгский Сергий (Страгородский) – тоже будущий Патриарх, архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений (Стадницкий). Антираспутинская позиция перечисленных архиереев была хороша известна.

Низкая авантюра Распутина нашла, однако, единичных и достаточно податливых архиереев, которые пошли было на компромисс.

Жизнь Распутина, как известно, окончилась кровавой драмой: он был убит 18 декабря 1916 года – за два месяца до февральских событий и падения династии Романовых. Влияние его достигло своего зенита примерно за год до его конца.

И вот в ноябре 1915 года он имел возможность добиться перевода митрополита Петроградского и Ладожского Владимира (Богоявленского)[40] в Киев, чтобы не только избавиться в лице митрополита Владимира от неугодного и в столице для него опасного иерарха, но и продвинуть на его пост своего собственного доброжелателя.

Таковым оказался тогдашний Экзарх Грузии архиепископ Питирим (Окнов)[41]. Надо сказать, что раньше в епархиях, которыми он управлял, он завоевывал уважение и симпатии паствы отзывчивостью, заботой о беднейшей части населения, усердием в богослужении и храмостроительством. Перед войной в Синоде стали выдвигаться планы реформы приходов, и архиепископ Питирим прослыл даже передовым иерархом, отстаивая идею о введении выборного начала и избрания настоятелей пасомыми.

Бедой его оказался соблазн, в который ввел его Распутин, в конечном счете погубивший его, как и всех, кто с Распутиным сближался.

Осенью 1915 года ожидалось периодическое обновление состава Святейшего Синода. Из Тифлиса был вызван архиепископ Питирим. Возник вопрос и о замещении Киевской митрополичьей кафедры, вдовствовавшей после кончины в тот же год митрополита Флавиана.

Воспользовавшись своими упрочившимися связями с министрами, Распутин сумел осуществить свой план и перевести митрополита Владимира на Киевскую кафедру, а на Петроградскую возвести архиепископа Питирима. Это случилось 23 ноября 1915 года. Чего Распутину все же не удалось, это назначения митрополита Питирима первенствующим членом Синода: им остался переведенный в Киев митрополит Владимир.

Но назначение митрополита Питирима в Петроград вызвало возбуждение и недовольство не только в церковных, но и в широких общественных кругах. Как только осуществился Февральский переворот, Святейший Синод приступил к смещению с епископских кафедр архиереев, особенно скомпрометированных близостью к Распутину. Первым из них был митрополит Питирим, который 6 марта 1917 года был уволен на покой с поселением во Второ-Афонском Успенском монастыре на горе Бештау (над Железноводском), где жил до своей смерти в 1919 году.

Через две недели та же судьба постигла и митрополита Московского Макария (Невского)[42], который на Московскую кафедру был назначен в 77-летнем возрасте после более чем полувековой изнурительной службы на Алтае, где он отличался аскетическим образом жизни, трудолюбием и приобрел навыки суровой монашеской дисциплины. Эти черты он внедрял и в Москве, а кроме того, оказывал поддержку самым консервативным, даже реакционным представителям духовенства, чем восстановил против себя влиятельную часть клира.

20 марта по настоянию московского духовенства, поддержанному обер-прокурором Временного правительства В. Н. Львовым, митрополит Макарий был устранен Святейшим Синодом с назначением ему пребывания в Николо-Угрешском монастыре

(около Люберец в Московской губернии), где он и скончался в 1926 году на 91-м году жизни. Так, в первый же месяц после начала революции обе столичные митрополичьи кафедры оказались незанятыми.

7 и 8 марта последовали определения Синода, относившиеся к двум архиереям, которые считались столпами распутинцев. Был удален со своей кафедры архиепископ Тобольский и Сибирский Варнава (Накропин), в епархии которого находилось село Покровское – родина Григория Новых. Был поселен в монастыре города Свияжска епископ, бывший Михайловский (викарий Рязанской епархии) Исидор (Колоколов), по стараниям Распутина получивший настоятельство в Троицком монастыре в Тюмени.

Епископ Исидор, хиротонисанный в 1902 году, был викарием в разных епархиях, пока не был обвинен в безнравственном поведении в 1911 году в Михайлове, откуда был уволен в распоряжение епископа Омского и помещен в Омский Успенский монастырь. Распутин извлек его оттуда, выхлопотав ему настоятельство в тюменском монастыре в Тобольской епархии епископа Варнавы. Находясь в Петрограде в декабре 1916 года, епископ Исидор совершил отпевание Распутина. 8 марта Святейший Синод определил, чтобы Исидор был переведен на жительство в один из монастырей Казанской епархии.

После опубликования актов об отречении Николая II и его брата Михаила Святейшим Синодом было издано обращение к пастве Русской Православной Церкви, гласившее: «Совершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ее новом пути». Текст обращения был подписан первенствующим членом Святейшего Синода митрополитом Киевским Владимиром и членами Синода: митрополитом Московским Макарием, архиепископами – Финляндским Сергием, Литовским Тихоном, Новгородским Арсением, Гродненским Михаилом[43], Нижегородским Иоакимом[44], Черниговским Василием[45] и протопресвитером петроградского Петропавловского собора Александром Дерновым.

На первом же после переворота собрании Святейшего Синода из зала заседаний было вынесено обер-прокурорское кресло, прежде всегда стоявшее во главе стола. При этом архиепископ Новгородский Арсений испустил свое, ставшее тогда достоянием всероссийской известности восклицание: «Вот, выносят символ цезарепапизма!»

Одним из первых и важнейших мероприятий Синода было решение о том, что все занимавшие архиерейские кафедры епископы Русской Церкви, в разное время возведенные на них в прежнем порядке указами государственной власти, должны быть утверждены на своих должностях во главе епархий или заменены другими иерархами путем избрания на созванных в кратчайший срок епархиальных съездах духовенства и мирян.

Епархиальные съезды сами по себе не являлись нововведением. Они созывались и раньше по определению Святейшего Синода (в XX столетии даже часто) и по представлению об этом докладов верховной власти, от которой исходило разрешение на созыв такого съезда. Но избрание правящих епископов и их викариев прежде не входило в компетенцию епархиальных съездов.

Во исполнение постановления Синода все епархии стали готовиться к епархиальным съездам. Они большей частью состоялись в первых числах мая. Но еще до съездов всюду выявились расхождения между двумя толками рядового духовенства. Везде большинство, местами весьма значительное, держалось за неукоснительное соблюдение догматической чистоты Православия и канонического строя Церкви, богослужебного Устава, церковных правил и дисциплины.

Но во всех епархиях стало заявлять о себе меньшинство, расположенное к различным реформам, из которого постепенно сложилась настоящая оппозиция каноническому церковному устройству. Эта оппозиция была как бы эмбрионом будущего «обновленчества» – раскола, крайности которого омрачали жизнь Русской Православной Церкви в двадцатых годах.

В Новгородской епархии до созыва епархиального съезда возникло два очага брожения. Сначала в первом Тихвинском благочинническом округе произошло нарушение церковной дисциплины из-за непопулярности местного благочинного. На собрании духовенства была образована комиссия из двух священников, двух диаконов и двух псаломщиков, которая произвела выборы нового благочинного.

Этот инцидент был с тактом и терпением улажен епископом Алексием.

В самом Новгороде была совершена попытка, шедшая уже значительно дальше. Инициатором оказался один из иереев новгородского Знаменского собора Николай Бабкин, который и в дальнейшем был до конца обновленческого раскола его глашатаем в Новгороде, окружив себя численно ничтожной, но упорной и шумной кучкой единомышленников (Знаменский собор был за все время церковной смуты единственным храмом, захваченным в Новгороде обновленцами).

26 марта 1917 года священник-обновленец Николай Бабкин основал Братство ревнителей церковного обновления, в которое записалось в качестве членов-учредителей два протоиерея, два диакона, десять священников, один псаломщик и три мирянина. Два пункта устава братства гласили, что члены его оказывают друг другу моральную помощь и обсуждают все мероприятия церковной власти, оказывая им содействие, «если они не противоречат Христовой правде и целесообразности».

В конце апреля возвратился в свой епархиальный город архиепископ Арсений. Ко времени его приезда уже образовалась другая группа, имевшая целью сплотить новгородское духовенство на предстоящем епархиальном съезде. Его инициативная группа из 1 архимандрита, 11 протоиереев, 8 священников, 6 диаконов и 1 псаломщика положила начало Союзу объединения новгородского духовенства и мирян, в который вступило еще до съезда несколько сот клириков. На выборах делегатов съезда повсеместно прошли члены и последователи этого союза. Сторонникам обновленческого иерея Николая Бабкина удалось провести лишь несколько человек, тщетно пытавшихся своими речами создать на съезде нервную атмосферу.

На открытии епархиального съезда архиепископ Арсений поделился с аудиторией церковными новостями и изложил и объяснил ряд решений и мероприятий Святейшего Синода. Он остановился на подготовке Всероссийского Поместного Собора и на уже проведенных Синодом реформах. Он сообщил, что Училищный комитет, в котором он председательствовал, принял решение передать в ведение Министерства народного просвещения и подготовляет передачу последнему 37 тысяч церковноприходских школ (около одной пятой их общего числа) в конце учебного года.

Архиепископ указал, что образованная под его же председательством специальная синодальная комиссия разработала положения о введении выборного начала в церковную жизнь на епархиальном и приходском уровне. Впредь под председательством епархиальных архиереев должны были действовать епархиальные советы из трех клириков и трех мирян, избранных духовенством и паствой. Ректорство духовных академий и семинарий становилось выборными должностями.

Съезд Новгородской епархии принял решение по организационным, административным, финансовым и школьным вопросам местного значения. Было отмечено, что немногочисленные сторонники «реформации» во время отсутствия Владыки Арсения

пытались распространять по Новгороду слухи, что в столице он в разгар событий «укрывался» от своей паствы. Это вызвало смех собрания.

На заключительном заседании съезда архиепископ произнес взволнованную речь, в которой говорил о своем тридцатипятилетнем служении Святой Церкви и народу Божиему и предоставил своим собратьям по священству, которых, как он сказал, он мог нередко обижать своей архиерейской взыскательностью и начальнической требовательностью, решать, может ли он и впредь править своей любимой паствой и епархией в стенах древнего Великого Новгорода.

«Вот мой ученик – Преосвященный Алексий! – воскликнул он. – Спросите и его».

Впоследствии Патриарх Алексий говорил о своей речи в тот день с присущей ему скромностью: «Ничего особенного сказать мне не пришлось. Я призывал к единству в Церкви Божией, чтобы всем было видно и ясно по заповеди Господа нашего Иисуса Христа, что мы Его ученики. О Преосвященном Владыке архиепископе я сказал, что всю мою сознательную монашескую жизнь я не переставал благодарить Бога за то, что по Промышлению Его я имел такого учителя и руководителя».

Во время речи епископа Алексия участники съезда поднялись с мест и по окончании ее раздался громкий голос: «Нашему умному, энергичному и достойному архиепископу Арсению и его ближайшему сотруднику епископу Алексию – благодарение и слава!» Единодушное громовое «Исполла эти, деспота» завершило этот избирательный съезд, может быть, имевший некоторое сходство с вечем Господина Великого Новгорода прежних веков, но во всяком случае по своей программе и повестке дня неизвестный петербургскому периоду нашей истории. Новгородский епархиальный съезд 1917 года для новгородских архиереев оказался триумфальным.

Вообще на съездах в 61 из русских епархий епископат в тот год успешно прошел через испытание выборного начала. Лишь в четырех епархиях – Харьковской, Тверской, Черниговской и Екатеринославской – правящие епископы не были переизбраны. Выборы новых предстоятелей в обеих столичных епархиях состоялись несколько позже, поскольку в них и духовенство и паства были весьма многочисленны, распределяясь по гораздо более значительному числу приходов, церковных учреждений и учебных заведений.

В Московской и Петроградской епархиях в мае и июне проходили приходские собрания, на которых избирались делегаты-члены епархиальных съездов. В Петрограде присутствие Синода, двести лет бывшего правящим центром Русской Церкви, и множества клириков и деятельных мирян, работавших в синодальных отделах, канцеляриях и комиссиях, осложнялось еще пестротой церковно-общественных течений и направлений.

Для Петроградской митрополии наследие митрополита Питирима было нелегким, так как уже при его управлении ею она стала рассадником всевозможных тенденций, иногда крайних. Элементы разных церковных уклонов, из которых в дальнейшем развились расколы, были уже вполне заметны в Петрограде, и не только в синодальных сферах или думских кулуарах. Политическая «керенщина» порождала брожение и в кругах, составлявших до революции клерикальную бюрократию, и в кругах профессуры, разбавлявшей политиканством собственные богословские теории.

На Петроградском Епархиальном съезде прения «сторон» вышли уже довольно бурные. Избран главой епархии был первый викарий епископ Гдовский Вениамин (Казанский), участвовавший в 1913 году в сонме иерархов, хиротонисавших архимандрита Алексия (Симанского) во епископа Тихвинского[46].

В Москве Епархиальный съезд собрался в выстроенном незадолго до этого Епархиальном доме (в Лиховом переулке у Садово-Каретной, где помещается теперь студия документальных и короткометражных фильмов). 20 июня после торжественной Литургии в Успенском соборе имели место выборы (на Кремлевской площади перед соборами, где была установлена избирательная урна). О результате выборов съезду сообщил архиепископ Ярославский и Ростовский Агафангел. Избранным большинством в 481 голос был объявлен архиепископ Литовский и Виленский Тихон.

Самым существенным из решения Синода в недели, последовавшие за Февральским переворотом, было постановление о созыве в самом близком будущем церковного Собора. Поместный Собор Российской Православной Церкви было решено открыть в день праздника Успения Божией Матери, по старому стилю (тогда имевшему законную силу в России) 15 августа 1917 года в Москве.

Последние приготовления к созыву Собора были поручены новоучрежденному Предсоборному Совету, образованному при Святейшем Синоде 29 апреля. В этот Предсоборный Совет вошло 62 человека, из которых 7 были в архиерейском сане. Эти семеро были избраны в июне правящими и викарными архиереями России, чтобы представлять епископат в Предсоборном Совете.

Показателен результат этих выборов. Наибольшее число голосов, отданных семи епископам, которые оказались избранными в состав Совета, распределилось так: архиепископ Новгородский Арсений – 83 голоса, архиепископ Литовский Тихон, будущий Патриарх – 59 голосов, митрополит Киевский Владимир – 47 голосов, архиепископ Тамбовский Кирилл, будущий митрополит Казанский, один из Патриарших местоблюстителей – 46 голосов, архиепископ Волынский Евлогий, будущий Патриарший Экзарх в Западной Европе – 29 голосов, архиепископ Пермский Андроник – 27 голосов, епископ Минский Георгий, будущий митрополит Варшавский и всея Польши – 27 голосов.

Архиепископ Арсений председательствовал в Предсоборном совете. В день учреждения Предсоборного совета было изложено сжато, но ясно новое положение Церкви: «Давно уже, – говорилось в послании, – в умах православных русских людей жила мысль о необходимости созыва Всероссийского Поместного Собора для коренных изменений в порядке управления Российской Православной Церкви и вообще для устроения нашей церковной жизни на незыблемых началах, данных Божественным Основателем и Главою Церкви в Священном Писании и в правилах святых Апостолов, святых Вселенских и Поместных Соборов и святых отцов.

Происшедший у нас государственный переворот, в корне изменивший нашу общественную и государственную жизнь, обеспечил в Церкви возможность и право свободного управления. Заветная мечта русских православных людей стала осуществимой, и созыв Поместного Собора в возможно ближайшее время сделался настоятельно необходимым».

Весь 1917 год епископ Тихвинский Алексий вновь провел в управлении Новгородской епархией, так как сам правящий архиерей, архиепископ Арсений, был более чем когда-либо занят в Петрограде и Москве, будучи полностью вовлеченным в подготовку и в труды Поместного Собора. Как викарный епископ, управляющий епархией, Преосвященный Алексий не должен был принимать участие в Соборе, и все лето и осень оставался в Новгороде.

2 августа Синод принял постановление, что все 62 члена Предсоборного Совета (в том числе 47 мирян) будут участвовать в Соборе. Всего в Поместный Собор входило 564 члена (с 12 заместителями – 576 человек), от каждой епархии – трое (правящий

архиерей, один клирик и один мирянин), по три представителя зарубежных епархий – Американской и Японской, наместники лавр: Киево-Печерской, Троице-Сергиевой, Почаевской и Александро-Невской, настоятели монастырей Соловецкого, Валаамского, Саровской пустыни и Оптиной пустыни, протопресвитеры Большого московского Успенского собора и военно-морского духовенства, 10 представителей единоверцев (избранных в июле на Единоверческом съезде мужских монастырей 16–23 июля в Троице-Сергиевой Лавре), по 3 представителя от четырех Духовных академий, 46 человек, приглашенных Синодом по поименному списку, представители Российской Академии Наук, университетов: Петроградского, Московского, Киевского, Харьковского, Казанского, Новороссийского, Саратовского, Юрьевского, Томского, Донского и Пермского, Государственной думы и Государственного совета.

В последнюю сессию Святейшего Синода перед открытием Поместного Собора Русской Православной Церкви входили: архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии Платон, будущий митрополит Херсонский и Одесский, впоследствии – митрополит всея Америки и Канады; архиепископ Финляндский и Выборгский Сергий, будущий митрополит Нижегородский, заместитель Патриаршего Местоблюстителя, впоследствии Патриарх; архиепископ Ярославский и Ростовский Агафангел, будущий митрополит, один из Патриарших Местоблюстителей; епископ Самарский и Ставропольский Михаил; епископ Уфимский и Мензелинский Андрей: протопресвитер московского Успенского собора Н. А. Любимов; протоиереи А. В. Смирнов и А.В. Рождественский и мирянин Ф. Д. Филоненко.

4. Поместный Собор Русской Православной Церкви (1917–1918). Избрание Патриарха Тихона (5 ноября 1917 года). Интронизация (21 ноября 1917 года, на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы)

Поместный Собор Русской Православной Церкви был открыт очень торжественно. 14 августа в канун Успения Пресвятой Богородицы всенощное бдение в московском Успенском соборе служил архиепископ Московский и Коломенский Тихон. После крестного хода вокруг собора с плащаницей был пропет Акафист Божией Матери.

В день праздника и открытия Поместного Собора Литургию совершали митрополит Киевский Владимир, Экзарх Грузии Платон, архиепископ Ленинградский Вениамин, протопресвитеры Николай Любимов и Александр Дернов, четыре протоиерея – члена Собора и два протоиерея из клира Успенского собора. Во время запричастного стиха все члены Собора прикладывались к мощам святителей Московских Петра, Ионы, Филиппа и Гермогена, а затем процессией направились в Чудов монастырь к раке святителя Алексия.

На Красной площади, куда стеклись крестные ходы московских храмов, митрополит Владимир огласил грамоту, обнародованную о созыве Собора Святейшим Синодом, который с этого момента прекратил свое двухвековое существование.

На следующий день 16 августа начались заседания Собора. Архиепископы Московский и Петроградский были возведены в митрополичий сан. При выборах председателя Собора митрополит Тихон собрал 407 голосов. Подсчитывались и голоса «против»: их оказалось 33. Товарищами председателя были избраны архиепископ Новгородский Арсений (404 голоса «за» и 31 «против») и архиепископ Харьковский Антоний (285 «за» и 150 «против»).

Председательствовавший митрополит Тихон предложил избрать почетным председателем Собора митрополита Киевского Владимира. Все участники Собора стоя засвидетельствовали единогласное избрание его.

Голоса (около 30), выступавшие против избрания митрополита Тихона и архиепископа Арсения, дают довольно точное представление о меньшинстве, которое в дальнейшем ходе работ Собора систематически и упорно противилось восстановлению в Русской Православной Церкви патриаршества. После Собора из этого же меньшинства выдвинулись кадры «обновленческой» и «живоцерковной» оппозиции Патриарху и канонической иерархии Русской Церкви (которую в двадцатых годах в кругах раскольников стали называть «тихоновской»).

На самом Соборе в роли ведущих представителей будущего раскола выступали против идеи восстановления патриаршества столпы обновленческой мысли – профессор Петроградской Духовной академии Б. В. Титлинов, протоиереи Н. П. Добронравов и Н. В. Цветков (настоятель московского Георгиевского храма, что на Варварке, у нынешней гостиницы «Россия»).

Постепенно прения на Соборе стали интенсивными и жаркими, наконец, даже ожесточенными. Но общая атмосфера на Соборе была деловой и серьезной. Православная Русь собралась для решения важнейших церковных проблем. Для верующих Русской Церкви время Собора 1917 года было временем редкого религиозного подъема. Самый церемониал, отметивший открытие Собора, возобновлявший в столь необычных условиях церковные традиции древней Московской Руси, придал деяниям и начинаниям Собора благоговейный и волнующий облик.

Епископ Тихвинский Алексий созерцал этот Собор издалека, трудясь среди святынь земли Новгородской над тем же делом утверждения Православия и его духовных ценностей в своей, тогда уже многочисленной пастве. Изо дня в день он переживал этот важный спор о том, каким должен быть корабль нашей Церкви и как должен он быть оснащен для плавания в неведомых еще водах новой исторической действительности.

Как и весь русский епископат в огромном большинстве своем, Преосвященный Алексий с самого начала революционной эпохи и преодоления в нашей Церкви цезарепапизма, а особенно со времени возникновения публичных дебатов в Поместном Соборе, убежденно отстаивал идею патриаршества. Он ощущал духовную поддержку и единомыслие своего новгородского клира, своей паствы – всей родной уже для него епархии. Он понимал, что во многом было бы право то крыло Собора, составленное из клириков и мирян, которые пришли на него с программой широких и смелых реформ, но он видел слабость некоторых из них в том, что они устрашены сосредоточенностью духовной власти и церковного авторитета в лице Первосвятителя – Патриарха.

К епископу Тихвинскому примыкало большинство новгородского церковного народа, как примыкало большинство православных русских людей и к большинству, сразу выявившемуся на Соборе 1917 года. Преосвященный Алексий, как всегда в своей жизни и, быть может, с особой уверенностью именно в этот ответственный момент, всецело полагался на волю Божию, твердо веря, что Божественный Промысл укажет Церкви и ее Собору верные пути.

Большинство на Соборе было уже очевидным, но все же в деяниях его был период, когда чаши весов могли склониться в любую сторону. Столпами идеи о необходимости восстановления патриаршего возглавления были оба архиепископа, которые дольше и глубже всех разрабатывали эту идею: Финляндский Сергий (более десяти лет занимавшийся вопросом о преобразовании церковной власти), которому при подготовке Собора был поручен именно раздел о высшем церковном управлении, и Новгородский Арсений, также целое десятилетие единомысленно сотрудничавший с Преосвященным Сергием и ведавший разделом о правовом положении Русской Православной Церкви.

Мы уже отмечали, что епископат в большинстве своем сочувствовал идее патриаршества. Очень многие из епископов видели в патриаршем возглавлении Церкви гарантию против притязаний со стороны единоличной государственной власти, но русская монархия пала, и это соображение утратило в какой-то мере свою острую срочность.

Все же для епископата было ясно, что Церковь, вышедшая из-под ослабившей ее двухвековой опеки, нуждалась в прочном внутреннем строе. Как бы то ни было, вопрос о патриаршестве сразу стал на Соборе главным вопросом. И хотя по первоначальным признакам он и мог казаться наиболее трудно разрешимым, в конечном итоге Собору, созванному в такой исключительный и чрезвычайный момент истории, удалось разрешить по существу именно и как будто только этот вопрос.

Так или иначе, за два первых месяца деяний Собора участникам его стало ясно, что спор о патриаршестве нельзя не разрешить в положительном смысле, поскольку Церкви не только необходимо было опереться на собственную иерархическую природу свою, но и укрепить это иерархическое построение церковной власти, точно определить ответственность ее носителей.

В решающие дни сильное действие оказали на Соборе мудрые и обоснованные, яркие по форме выступления тридцатилетнего архимандрита Илариона (Троицкого), ставшего впоследствии епископом Верейским, викарием Московской епархии (в соборных кругах его прозвали «Златоустом патриаршества»).

Вся историческая обстановка способствовала осознанию участниками Собора основных и насущных нужд Церкви. Единодушие и согласие между ними постепенно возрастало, и, когда вопрос о восстановлении патриаршества в Русской Православной Церкви решался, до конца непримиримых его противников оставалось лишь семь человек.

11 октября председательствовавшим в этот день архиепископом Астраханским Митрофаном был поставлен на обсуждение вопрос об устройстве церковной власти. После двухнедельного обсуждения Поместный Собор принял 28 октября 1917 года постановление по этому важнейшему вопросу, состоявшее из четырех пунктов.

Первый пункт устанавливал, что высшая власть – законодательная, судебная и контролирующая – в Русской Православной Церкви принадлежит ее Поместному Собору.

Второй пункт определял, что в Русской Церкви восстанавливается патриаршество и что управление ею возглавляется Патриархом.

Третий пункт повторял каноническое положение, что Патриарх является первым между равными ему епископами.

Четвертый – что Патриарх вместе с органами церковного управления подотчетен Собору.

Теперь следует вспомнить, что решение Поместного Собора Русской Церкви о восстановлении патриаршества имело место уже при советской власти. Постановление Собора о патриаршестве было вынесено через три дня после провозглашения Лениным Советской республики. И если обратиться к этому прошлому от нынешней действительности, бросится в глаза параллельность событий в истории церковной и государственной. Коренным переменам в социально-политическом строе нашего Отечества соответствуют обновление и преобразование внутреннего устройства и Церкви нашей.

Знаменательна даже хронологическая сторона событий. Избрание Патриарха Тихона состоялось 5 ноября 1917 года, через одиннадцать дней после того, как прогремела Октябрьская революция и было основано Советское государство. Всероссийскому

Церковному Собору особую значимость сообщала вся историческая обстановка – великие события и в отечественной, и в международной жизни, небывалый переворот в социальных и человеческих отношениях, грохот еще не затихшей мировой войны. Вся совокупность этих событий не только служила фоном деяниям Собора, но и во многом определяла пути, по которым Промысл Божий судил устремиться церковной жизни.

И все русское Православие сознавало необходимость, важность и значение обсуждавшегося на Соборе. Пусть почти вся работа, проведенная Собором с середины августа 1917 года до Октябрьских дней и далее в первые недели 1918 года отошла в область исторических воспоминаний, даже как-то изгладилась в памяти современников. Пусть даже эта работа осталась собранием множества неосуществившихся проектов и пожеланий. Соборный разум проявлялся в переходный момент и, в конечном счете, учитывал исторический перелом и ему соответствовал.

Но соборный разум именно потому был необходимым, что через него на Церковь явственно снизошла благодатная мудрость свыше. Для исторических судеб Русской Церкви чрезвычайно важным оказался тот факт, что торжество Октябрьской революции совершилось во время ее Собора. Обрушились последние обломки старой жизни. И Собор, после которого осталось восстановленное патриаршество, принял свой подлинный смысл не только в совершенно новой обстановке, но уже и по сю сторону водораздела, как мы отметили – уже при советской власти.

А в такой исторический момент Церковь нуждалась в ответственной и устойчивой власти, увенчанной именно патриаршим возглавлением. Без соборной же полноты патриаршество осталось бы таким же несбыточным пожеланием, таким же невыполнимым мечтанием, как и все столь подробно разработанные схемы проблематических деталей земного церковного устроения, казавшихся столь важными, но оказавшихся столь несущественными в своей исторической неприменимости.

Но соборная полнота не могла возникнуть без долгих упражнений соборного разума, водимого Святым Духом, и месяцы размышлений и обсуждений отнюдь не были затрачены втуне. И в их итоге могло быть продумано и осуществлено главное, когда по изволению Промышления Божия было отведено второстепенное. Верующий ум уже тогда постигал танственное всемогущество неисповедимых путей этого Всеблагого Промысла, «неизменно все устрояющего к нашему спасению и различными проявлениями к ее небесному назначению».

И именно этими словами грамоты, обращенной Святейшим Синодом к полноте Православия через автокефальные Православные Церкви по случаю созыва нашего Поместного Собора, повторенными перед новгородской паствой, епископ Тихвинский возвестил ей «радость неизреченную» – полученную из Москвы весть об избрании митрополита Тихона Патриархом Московским и всея России, как гласила формула поминания, утвержденная тогда Собором. И впервые прозвучало по этой формуле многолетствование Патриарха в Новгороде.

Перед этим Преосвященный Алексий обратился с посланием, выражающим свою и новгородской паствы верность избраннику Русской Церкви. Епископ приветствовал пасомых выражением своей радостной уверенности, что «Бог ниспослал Церкви Российской утешение вновь иметь на челе своем Патриарха, дабы был у нее кормчий, молитвенник и светильник среди всех обстояний, могущих одерживать ее».

И еще поведал пастве Владыка Алексий, что при выборах Патриарха ее архипастырь Арсений, ставший митрополитом Новгородским, занял второе место, собрав 317 голосов.

По окончании Собора митрополит Арсений возвратился в начале 1918 года в свою епархию, жившую до тех пор в общем безмятежной жизнью под спокойным и ровным управлением благожелательного епископа Алексия. Но к этому времени должны были произойти существенные перемены в жизни и самом положении всей Русской Православной Церкви и вообще религии в России.

5. Декрет об отделении Церкви от государства (1918). Объединение новгородской паствы вокруг епископа Алексия в годы церковных нестроений (1918–1921)

5 февраля 1918 года был издан декрет об отделении Церкви от государства (и школы от Церкви). Для Православной Церкви в нашей стране этот декрет создавал совсем новые условия существования. Ей предстояло незамедлительно принимать решения по всем вопросам, связанным с ее будущим служением делу вечного спасения людей на Русской земле.

От только что законченного Собора у нее оставался обновленный, вернее возобновленный патриаршей властью, древний канонический строй ее. Это последнее обстоятельство было особенно ценно и важно. Как бы внезапно ни произошло отделение от государства, само по себе оно было равносильно промыслительному избавлению Церкви от греховного попрания великой Христовой заповеди о разделении Божия от кесарева.

Но подлинные потрясения для Русской Церкви, как и для всей России, были вызваны кровопролитной гражданской войной и сопровождавшими ее бедствиями – хозяйственной разрухой, эпидемиями, перемещениями значительных масс населения и временной географической разобщенностью обширных частей государственной территории.

Все это не могло не отразиться, и весьма болезненно, на Церкви. Распад церковных соединений, епархий и приходов обострял разделение в деятельности церковной иерархии, в психологической направленности ее руководителей и деятелей, нарушал нормальные отношения между ее составными элементами.

По этим же причинам усугублялись разногласия в церковной среде как на «местах», в отдельных пунктах, так и в масштабах всей необъятной страны. Возникшие соблазны, усугубляясь, становились раздорами. Отдельные самочиния и застаревшие случаи самоуправства превращались в очаги смут. Разноголосица постепенно порождала расколы и взаимную вражду. Греховность человеческая приносила свои обычные плоды. Множились взаимные обвинения, наветы, доносительство.

Представители новой государственной власти, идеологически принципиально отвергавшей религию, испытывали затруднения, первоначально в особенности, при выяснении противоречий церковной мысли и понимании возникавших религиозных расхождений.

Более всех других подозрения вызывали те элементы Русской Православной Церкви, которые представлялись наиболее связанными с прошлым. Возможность отождествить такие группы церковных деятелей с контрреволюционным брожением в отдельных группах населения влекла за собой принятие по отношению к ним мер репрессивного порядка.

К двадцатым годам состояние церковной жизни становилось хаотическим. Гражданская война только что закончилась и последствия ее, конечно, еще не могли быть изжиты. Процесс становления нового государственного строя был еще в самом начале. Новая советская законность еще только устанавливалась.

Декрет об отделении от государства оставлял Русскую Православную Церковь как бы в легальном вакууме. Она оказывалась без всякого правового положения. Всего за каких-нибудь три-четыре года перед тем она по старым законам признавалась «господствующей». Прежнее юридическое положение было «господствующим» не только по сравнению со всеми прочими религиозными группами страны. Надо помнить, что в старой России все акты гражданского состояния о рождении и смерти составлялись при храмах в отношении считавшихся православными подданных Российской империи и выдавались лишь в виде метрических выписей из регистрации в церковных книгах. А подданные, считавшиеся православными, если были рождены от православных родителей (или хотя бы одного из родителей православного вероисповедания), должны были по закону быть крещены в православную веру и сами могли впоследствии вступать лишь в церковные браки. Что касается смешанных браков, то и они должны были совершаться православным духовенством с тем, чтобы родившиеся от таких браков (как уже сказано) также были крещены в православную веру. Таковы были требования государственных законов, бывших в силе до революции. Именно эти законы и определяли юридическое преобладание Православной Церкви.

Установленное таким образом государством положение «господствующей» Церкви, тяготило, конечно, последователей всех других религий ограничениями их религиозной свободы, не имевшими к Православию и вообще к христианству никакого отношения. Принадлежность к Православной Церкви определялась не велением свободной совести, а становилась чем-то обязательным в силу государственных законов.

Но не только. Подобное положение вещей не могло не озлоблять неверующих или просто равнодушных – «православных по паспорту».

Один тот факт (для примера), что государственные суды имели право приговаривать таких российских подданных к «церковному покаянию», располагал судившихся, не принадлежавших в душе и совести ни к какой вере, к отождествлению православных священников чуть ли не с жандармами. В кругах, враждебных Православной Церкви, ее привыкли считать составной частью старого государства, как бы привеском его или надстройкой на нем.

Из гражданской войны победительницей вышла идеология материалистическая. Установилась государственная власть, как мы только что отметили, отрицавшая религию как таковую. Русская Церковь, как мы тоже отметили, оказалась в юридическом небытии. Декрет о разделении предоставлял Церковь самой себе, но без какой-либо легализации новой властью. Это означало лишенность всякого признания самого ее существования новым государством. А без такого признания Церковь, окормлявшая многомиллионную массу православных граждан, не смогла бы, да и в действительности не могла существовать в масштабах величайшей в мире страны и сохранять собственные установленные церковными канонами организационные формы. Даже пользование храмами в социалистическом государстве после национализации земли и недвижимости требовало какой-то договоренности с государственной властью.

Все это, разумеется, предполагало легализацию Русской Православной Церкви со стороны нового, Советского государства. Первым из иерархов Церкви с предельной ясностью отдал себе в этом отчет митрополит Нижегородский Сергий (Страгородский). Главное, он осознал всемирно-историческое значение Октябрьской революции и понял, что она внесла окончательные перемены в жизнь русского народа и в историю его государственности.

Остановиться далее на исторической роли митрополита Сергия, которому Промысл Божий судил стать в конце его замечательной жизни двенадцатым Патриархом

Русской Церкви, нам необходимо не только потому, что он был непосредственным предшественником Патриарха Алексия на Московском патриаршем престоле.

В начале нашего повествования о жизни Святейшего Патриарха Алексия мы вкратце говорили от отдельных людях, оказывавших заметное влияние на него в ранние периоды его жизни. И мы отмечали, что последним по времени человеком (и воистину великаном духа, мысли и прозрения), которого сам покойный Патриарх признавал своим вождем и руководителем, был митрополит, впоследствии – Патриарх Сергий. А с его именем связаны решения и действия, позволившие Русской Церкви благополучно выйти из бурь эпохи кризиса ее, о котором на предшествующих страницах мы пытались дать хотя бы поверхностное представление сегодняшним читателям.

Продолжая некоторое подобие летописи важных для настоящего очерка церковных событий двадцатых годов, мы не можем не остановиться на том, что клеветническая кампания «обновленцев» в нашей стране, с одной стороны, и международная шумиха беженцев-архиереев, укрывшихся на чужбине (которую иначе, как провокационной невозможно назвать) – с другой, не могла не возыметь последствий.

Представители утверждавшейся советской власти стали принимать на местах меры, чтобы обезопасить создавшийся общественный строй от выглядевших неблагонадежными «церковников», как называли деятелей Церкви в ту пору. К церковным кругам в тот период начало складываться довольно определенное отношение: церковная иерархия многими рассматривалась как элемент, новому строю не только чуждый, но и опасный.

Самим церковным людям нельзя было не учитывать, что только что закончилась на юге, на востоке и на севере России жестокая гражданская война, что на западе возникшему на территории старой Российской империи молодому Советскому Союзу была навязана нелепая и несправедливая граница силами враждебными, использовавшими затруднения государства, еще только отстраивавшегося и возводившего структуры своего внутреннего устройства.

Эти самые трудные для советской власти годы оказались самыми сложными и болезненными и для Русской Православной Церкви. Она находилась, так сказать, между двух огней: между поносившими ее активными внутренними раскольниками и компрометировавшими ее зарубежными мятежниками. От внешнего самоуправства можно было отмежеваться и защититься мерами прещения и осуждения (что и было предпринято всеми тремя патриархами послереволюционной эпохи). Но внутренний раскол способствовал разладу, при его же помощи возникшему в лоне самой Церкви. Обновленцы избрали к тому же путь систематического оговаривания епископов и религиозных деятелей, верных канонам Церкви, пытаясь представить церковную иерархию каким-то контрреволюционным сборищем.

ГЛАВА V

ПЕТРОГРАДСКИЙ ПЕРИОД СЛУЖЕНИЯ И ССЫЛКА (1921–1926)

1. Назначение Преосвященного Алексия епископом Ямбургским, первым викарием Петроградской епархии (21 февраля 1921 года)

В самое трудное время долголетнее безупречное и рассудительное управление епископом Тихвинским Новгородской епархией получило признание со стороны высшей иерархии Русской Церкви. Посоветовавшись с митрополитом Арсением, Патриарх Тихон принял 21 февраля 1921 года решение удовлетворить просьбу митрополита

Петроградского Вениамина и назначить ему в помощники первым викарием Петроградской епархии Преосвященного Алексия с титулом епископа Ямбургского. Епископу Алексию был предоставлен для постоянного богослужения Казанский собор.

2. Схизма «Живой Церкви» и обновленческое движение в Петрограде

Церковный Петроград тогда бурлил, объятый смятением из-за нестроений, вызывавшихся «обновленческим» и «живоцерковным» расколом, принимавшим в тот момент самые бурные формы. Соревнующиеся между собой раскольники доходили до отрицания всех непререкаемых религиозно-нравственных положений православной церковности.

Верующий народ с изумлением наблюдал архиерейские хиротонии женатых священников или повторные браки уже рукоположенных клириков, противился, как мог, постоянным и явным нарушениям канонических норм, неприкосновенных церковных традиций. В храмах завелись споры, на папертях дело доходило до свалок, в больших залах города чередовались шумные диспуты между духовенством, верным законному священноначалию, и мятежными реформаторами. Страсти разгорались. Церковный народ покидал приходы и храмы, в которых пробовали закрепиться раскольники.

В такой момент епископ Алексий был призван в беспокойный Петроград из своего тихого Новгорода. На провинциальном новгородском вокзале в уходящем поезде его с плачем осаждали привыкшие за семь лет к его всегда незлобивому и мягкому, мудрому окормлению прихожане новгородских храмов.

В Петрограде Преосвященному Алексию сразу пришлось окунуться в атмосферу борьбы, склок и неразберихи. И обновленцы, и живоцерковники, восстававшие против патриаршей власти, но неспособные договориться между собой, сначала добивались, чтобы епископ Алексий сам присоединился к расколу, чтобы он сам согласился возглавить его в Петроградской епархии!

3. Мученическая смерть митрополита Петроградского Вениамина. Епископ Алексий во главе Петроградской епархии (с 30 мая 1922 года)

Преосвященный епископ Ямбургский, непреклонно отстаивая непререкаемость церковных канонов и верность Патриарху, как всегда, проявлял свое великодушие и готовность прощать, принимать человеческое раскаяние. 29 мая 1922 года епископу Алексию пришлось, после смерти митрополита Вениамина, принять управление Петроградской епархией.

На следующий день, 30 мая, он сообщил митрополиту Ярославскому Агафангелу, временно замещавшему Патриарха Тихона, что встал во главе епархии впредь «до последующих распоряжений» и писал ему, что считает «для себя обязательным лояльное отношение к правительственной власти и подчинение ее законам».

Обновленческие вожаки со своей стороны учредили в Петрограде свое «высшее церковное управление», захватывая храмы, стараясь внести разброд в ряды петроградского духовенства и усиливая клевету против «тихоновской иерархии». Но особенно губительной в такой обстановке была роль других отщепенцев – «архиереев-беженцев», укрывшихся в разных странах после поражения белых армий в гражданскую войну. Они положили начало другому злу – церковному дезертирству.

Возникшее было при Колчаке «Сибирское церковное управление» исчезло сравнительно бесшумно, и члены его нашли себе убежище в далекой Манчжурии, где в так называемой полосе отчуждения восточно-китайской железной дороги с дореволюционных времен проживало несколько сот тысяч русских.

Эвакуированные в 1920 году с волной эмиграции с юга России иерархи (ранее в 1919 г. пытавшиеся образовать «временное церковное управление» в Ставрополе Кавказском) повели себя более демонстративно и безответственно. Увезя с родной земли русскую святыню – чтимую чудотворную икону Божией Матери Курскую-Коренную (теперь она в Америке), оставив на произвол судьбы свою паству в нескольких обширных епархиях, эта группа архиереев после ряда пробных попыток осела в Югославии. Сохраняя за собой титулование по названию брошенных на Родине епархий, эта группа, объявив себя «временным церковным управлением», издала (25 июля 1921 г.) «указ» о созыве в Сремских Карловцах (в северной Югославии) церковного съезда, который сначала было решено назвать «общецерковным заграничным собранием».

Но собрание это, открывшееся 20 ноября 1921 года, поспешило вынести ряд чисто политических резолюций, не имевших отношения к церковным делам (как обращение к Генуэзской международной конференции с предложением организовать и финансировать новую гражданскую войну в России или как призыв к восстановлению династии Романовых), и 1 декабря провозгласило себя «заграничным церковным собором».

Хотя в то время сообщения между разными странами были затруднены, решительное осуждение, вынесенное Патриархом Тихоном всем этим начинаниям в ряде патриарших указов и актов, было тогда прекрасно известно участникам зарубежного своеволия, которое быстро превратилось в «карловацкий раскол».

Надо только добавить, что «карловчане» уже тогда – в двадцатых годах – никоим образом не могли считаться выразителями церковной эмиграции, поскольку вся Западная Европа и Америка были вне того, что они считали своей «юрисдикцией». И не следует упускать из вида, что все вообще архиереи Русской Церкви, уехавшие в те годы в разные страны, не представляли собой и десяти процентов русского епископата, каким он был по завершении Поместного Собора 1917–1918 гг. В 1921 и 1922 годах обновленцы сумели соблазнить и на время оттянуть значительно большее число епископов, нежели эмиграция. Церкви необходимо было защищать свою паству, ограждая народ Божий от всех соблазнов, искушений, отпадений и шатаний.

Иерархии, возглавленной Патриархом, надлежало сохранить свое единство, невзирая ни на травлю изнутри одними мятежниками, ни на порочащее вовне поведение других. В обстановке, создавшейся менее чем через два года по прекращении гражданской войны, это не могло быть простой задачей.

4. Ссылка в Каркаралинск (Казахстан) (1922–1926)

Положение не могло также быть ясно гражданским властям, когда они приступали к тем или иным мерам против церковных деятелей. В октябре 1922 года меры эти коснулись и епископа Алексия Ямбургского, который подвергся тогда административной высылке из Петрограда в Казахстан.

3 ноября Преосвященный выехал из Петрограда в Семипалатинск, куда он прибыл четыре дня спустя. В Семипалатинске он был радушно встречен епископом Семипалатинским Киприаном. После трехнедельной остановки в Семипалатинске 25 ноября Владыка Алексий направился в Каркаралинск – городок к западу от Семипалатинска, расположенный в горном массиве, носящем название Каркаралинского (в пределах Карагандинской области).

Местное православное население хотело убедиться, что епископ не принадлежит к числу обновленческих архиереев и, убедившись, радостно просило его постоянно

служить в городском храме. Тут же ему изготовили митру, поскольку он не привез с собой архиерейских облачений.

Сначала Преосвященный жил у местных жителей Туголесовых, но летом 1923 года его пригласил переехать в просторный дом церковный староста Чемоданов.

Епископ Алексий вспоминал три года, проведенные в Каркаралинске, как период физического спокойствия в живописной местности и живительном воздухе, когда он совершал самые долгие прогулки в своей жизни. Кроме регулярного отправления богослужений, он посвящал много времени чтению, главным образом Священного Писания (всю жизнь сохранял он том Библии, поля которого испещрены его пометками в Каркаралинске). Преосвященный Алексий вел также обширную переписку, в частности с митрополитом Арсением, который также был подвергнут высылке из Новгорода в Среднюю Азию, и с митрополитом Сергием, назначенным после Владимирской на Нижегородскую кафедру.

За три года административного и общественного бездействия будущий Патриарх обменялся с митрополитом Сергием (тоже – надо помнить – будущим Патриархом, преемником которого ему суждено было по воле Божией стать) многими суждениями о нуждах Церкви и о текущем моменте, что позволило обоим иерархам убедиться в своем единомыслии и духовном созвучии.

5. Возвращение в Ленинград (1926). Усилия по легализации церковной власти Русской Православной Церкви

В марте 1926 года епископу Алексию была предоставлена возможность возвратиться в Петроград, ставший уже Ленинградом. В качестве иерарха Церкви он возобновляет, опираясь на значительное большинство верующих, борьбу с ленинградскими обновленцами, в руках которых остается много храмов города.

Внутрицерковное состояние канонической православной иерархии в этот период оставалось еще в состоянии кризиса, ставшего затяжным. Как уже отмечалось в самом начале настоящего очерка, 7 апреля 1925 года, в день Благовещения Пресвятой Богородицы, преставился Патриарх Тихон. Последние годы его были омрачены расколами – зарубежными и обновленческими. Свирепствовавший обновленческий раскол сумел добиться легализации своего существования. Пользуясь этим, обновленцы выставляли себя перед гражданскими властями, как единственно лояльную ветвь Православия. Легализация обновленческого высшего церковного управления давала последнему возможность вести деловую связь с епархиями и приходами, оказавшимися у него в подчинении, административное руководство ими и даже созывать свои соборы (как в 1923 и 1925 гг.).

Положение же Православной Церкви, еще при жизни и после кончины Патриарха не легализированной с точки зрения нового законодательства, оставляло центральную церковную власть лишенной правового положения. Такое состояние вело к расстройству церковной жизни и на местах, где епархиальные архиереи, часто оставаясь без центрального руководства, бывали предоставлены самим себе. Многие епархии вдовствовали без наличия правящих епископов или возможности их канонического замещения.

Когда весной 1925 года Местоблюстителем патриаршего престола по завещанию Патриарха Тихона стал митрополит Крутицкий Петр (Полянский), отсутствие всякого легального статуса у Русской Православной Церкви не могло не отразиться на ее

положении самым болезненным и пагубным образом. Без легализации своего управления Местоблюститель не имел возможности править Церковью, даже созывать сессий Патриаршего Синода.

Последнее собрание епископов имело место во время погребения Патриарха Тихона. Тогда 37 архиереев соборно и единогласно утвердили волю почившего и признали митрополита Петра носителем высшей церковной власти в качестве Местоблюстителя.

Для избрания нового Патриарха был необходим созыв Поместного Собора Русской Православной Церкви. Такой важный вопрос, конечно, опять упирался в проблему той же легализации Церкви и ее канонической власти. Этой проблемы митрополит Петр не успел и не сумел разрешить.

Руководители обновленческого раскола после смерти Патриарха сосредоточили свои наиболее яростные нападки на личности Местоблюстителя, что повлекло за собой удаление последнего из Москвы (10 декабря 1925 года).

Заместителем Патриаршего Местоблюстителя по указанию митрополита Петра, отбывшего в Пермь, а позднее в Екатеринбург (многие годы назывался Свердловск), стал митрополит Нижегородский Сергий, который не сразу получил возможность приступить к отправлению высшего церковного руководства, переданного ему Местоблюстителем. Осуществлять эту власть полностью он смог постепенно, как бы по ступеням.

Несколько забегая вперед, приведем короткую выдержку из новогоднего послания митрополита Сергия от 31 декабря 1927 года, подписанного членами образованного к 1927 году Временного Патриаршего Синода и в том числе Преосвященным Алексием (тогда уже в сане архиепископа).

«Господь возложил на нас великое и чрезвычайно ответственное дело править кораблем нашей Церкви в такое время, когда расстройство церковных дел дошло, казалось, до последнего предела, и церковный корабль почти не имел управления. Центр был мало осведомлен о жизни епархий, а епархии часто лишь по слухам знали о центре. Были епархии и даже приходы, которые, блуждая, как ощупью, среди неосведомленности, жили отдельной жизнью и часто не знали, за кем идти, чтобы сохранить Православие. Какая благоприятная почва для распространения всяких басен, намеренных обманов и всяких пагубных заблуждений. Какое обширное поле для всякого самочиния».

Эта цитата из обращения иерархов нашей Церкви, с именами которых было связано ее возрождение, среди которых были два ее будущих Патриарха, говорит с предельной ясностью о трудностях, теперь почти невообразимых, пережитых ею в начале двадцатых годов.

Отсутствие административного руководства, достаточной связи и исчерпывающей, достоверной осведомленности объясняет множество нестроений, заблуждений и недоразумений, нарушавших в то время нормальное течение церковной жизни и вызывавших расхождения, отделения и отпадения на местах, в разбросанных по стране епархиях Русской Церкви, – всех печальных явлений, из которых некоторые даже назывались в свое время расколами, забытыми теперь, как «григорианский», «иосифлянский», «викторианский» (по имени возглавлявших их архиереев) или как «ярославский» или «лубенский» (по месту допущенного самочиния).

Мы не имеем ни возможности, ни надобности останавливаться в жизнеописании Патриарха Алексия на отдельных проявлениях церковной разрухи в десятилетие между 1918 и 1928 годами. Цель наша состоит в изложении главных фактов в жизни

Святейшего, а история Русской Церкви до и после революции – дело историков. И если мы говорили о происходившем в нашей Церкви в целом, то лишь в той мере, поскольку это не могло не отразиться на жизни столь центральной церковной фигуры как ее будущий Патриарх.

Без этого многое в жизни тринадцатого Патриарха Русской Православной Церкви, правившего ею четверть века, могло бы остаться неосвещенным и даже не вполне понятным сегодняшним читателям.

В 1926 году в положении Церкви стали проявляться признаки оздоровления. Многие разногласия, правда, давали себя знать не только в 1926, но и в последующие годы. В частности, например, «григорианство» (прозванное так по имени епископа Екатеринбургского Григория, пытавшегося противопоставить обновленчеству и одновременно канонической иерархии возвращение к синодальному строю) пыталось внести свой вклад в церковную смуту именно в этот период.

Но обновленческий раскол начал увядать главным образом из-за отсутствия поддержки со стороны верующих мирян, церковное сознание которых в двадцатых годах было вообще достойно преклонения. Церковные массы определенно тяготели к «тихоновской Церкви».

Государственная власть тем временем перестала рассматривать обновленцев, как некое «лояльное» крыло Православной Церкви, убедившись в том, что им противостоит огромное большинство православного населения, а также и в том, что во главе все более разобщенных между собой толков раскола стоят честолюбцы и смутьяны.

В 1927 году с легализацией церковной власти Русской Православной Церкви все уклоны, нарушавшие ее единство, стали убывать, в то время как священноначалие ее не переставало укрепляться. В человеческом плане в этом прежде всего проявилась мудрость, твердость и духовная сила такого исключительного по дарованиям и церковной стойкости иерарха, как Патриарх Сергий. Но вся великая паства Русской Церкви – и никогда не выходившие за ее ограду, и временно заблудшие или смятенные, но вернувшиеся, – сознавала, что Промысл Божий уберег для нее этого великого пастыря и воздвиг его в трудный для нее час.

Вспоминая об этом времени, Патриарх Алексий говорил, что и сам он, и митрополит Сергий черпали ободрение в словах апостола, обращенных к коринфянам: «... и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести» (1 Кор. 10, 13).

Оба Патриарха – и Сергий, и Алексий – с большой суровостью отзывались о сущности обновленческого раскола. Патриарху Сергию принадлежит такое определение: «Основной грех обновленчества не в том, что не все его представители оказались безупречными в жизни, а в том, что обновленчество, как корпорация или, выражаясь языком канонов, как самочинное сборище, откололось от Святой Церкви и «иный олтарь водрузило» (31-е Апостольское правило). И не только водрузило олтарь для себя, но и всячески воевало против Святой Церкви, стараясь отторгнуть за собой церковных овец. Это грех, который не омывается, по учению Святых Отец, даже мученической кровью».

А Патриарх Алексий, вообще известный умеренностью своих суждений, высказался еще категоричнее: «Обновленчество, как таковое, по существу не ересь и даже не раскол, как мы понимаем этот термин во всем его объеме. Оно не более как рабское следование путем ветхозаветного Хама и новозаветного Иуды».

ГЛАВА VI

НА НОВГОРОДСКОЙ КАФЕДРЕ (1926–1933)

1. Архиепископ Хутынский Алексий – управляющий Новгородской епархией (2 сентября 1926 года)

По возвращении Преосвященного Алексия из Средней Азии в Ленинград, заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергий, пребывавший тогда в Крестовоздвиженском монастыре в Нижнем Новгороде, назначил его управлять Новгородской епархией с титулом архиепископа сначала Тихвинского, позднее – Хутынского (по названию Хутынского Варлаамова Спасо-Преображенского монастыря в Новгороде, бывшего резиденцией епископа Тихвинского и где он сам настоятельствовал). За митрополитом Новгородским Арсением, в то время еще отсутствовавшим, заместитель Местоблюстителя сохранял и епархию, и ее титул.

Архиепископ Алексий принял управление епархией 2 сентября 1926 года. В начале 1927 года митрополит Сергий вступил в переговоры с гражданскими властями в целях легализации высшего управления Русской Православной Церковью.

Над текстом церковной «декларации» по вопросу об отношениях с государственной властью, образованной в 1917 году, Заместитель Местоблюстителя работал уже много месяцев, и архиереи, находившиеся в его канонической юрисдикции, как архиепископ Алексий, об этом были осведомлены и мнения их им запрашивались.

Единодушно с другими епископами, признавшими Заместителя носителем высшей церковной власти преемственно от покойного Патриарха, Преосвященный Алексий был убежден, что возглавление Русской Православной Церкви, ответственное за будущую жизнь ее в рамках Советского государства, должно засвидетельствовать свое признание его правительства, как установленной и законной государственной власти.

27 марта 1927 года митрополит Сергий оказался в состоянии приступить к выполнению своих обязанностей заместителя Местоблюстителя в Москве в полном их объеме.

23 апреля он назначил на должность управляющего делами подготовляемого им Временного Патриаршего Синода хиротонисанного в том же году в епископа Серпуховского, викария Московской епархии, Преосвященного Сергия (Гришина)[47].

2. Декларация митрополита Сергия (Страгородского) 1927 года. Архиепископ Алексий – член Временного Патриаршего Синода

18 мая заместитель Местоблюстителя устроил в своей резиденции совещание архиереев из разных епархий, в котором принял участие и архиепископ Алексий. На совещании было решено образовать временный Синод, как вспомогательный орган при Заместителе, причем последний внес уточнение, что такой Синод обладал бы полномочиями лишь по делегации собственных его полномочий, полученных им от Патриаршего Местоблюстителя. Если бы его, Заместителя, полномочия пришли к концу, прекращались бы полномочия и Синода, образованного при нем.

Эта юридическая оговорка была в тот момент особенно важна, так как необходимо было избежать возможного существования канонически неузаконенного Синода, возникшего в «явочном» порядке, то есть именно того, что в то время распространилось в различных отколовшихся от Церкви группах, в которых возникали самозванные «центральные» органы.

Синод при Заместителе был назван «Временным Патриаршим Синодом». Отношение государственной власти к канонической власти Русской Церкви к этому времени, после обстоятельных и исчерпывающих переговоров с митрополитом Сергием, было уже положительным.

Впоследствии Патриарх Алексий вспоминал, как митрополит доказывал и в разговорах с представителями гражданских властей, и в беседах с церковными деятелями, что возглавление древней Церкви, которая на протяжении девяти с лишком веков разделяла с народом все его судьбы и которая готовится в недалеком уже будущем отметить тысячелетие своего существования, не может игнорировать установленной в России государственной власти.

Митрополит Сергий считал, что православные русские не вмешиваются ни в какую политику признанием власти, существующей в их стране, и наоборот, полагая, что могут игнорировать ее, погрязают в политической иллюзии. А такие очень уж специфические иллюзии уже выражают именно политическую линию, для русских христиан недопустимую,– говорил митрополит.

По этому поводу автор настоящего очерка о Патриархе Алексии должен привести слова, слышанные от самого Святейшего через тридцать лет после описываемого ответственного периода в истории русского православного священноначалия.

Патриарх сидел за своим письменным столом с лицом, слегка склоненным к груди. «Когда Преосвященный Сергий принял на себя управление Церковью, он подошел эмпирически к положению Церкви в окружающем мире и исходил тогда из существующей действительности, и я был совершенно согласен с ним», – тут Святейший вскинул глаза в типичном для него пристально испытующем взгляде. « Все мы, окружавшие его архиереи, были с ним согласны, – продолжал он, – мы всем Временным Синодом подписали с ним декларацию 27-го года в полном убеждении, что выполняем свой долг перед Церковью и ее паствой.

Уже тогда, задолго до войны, наступившей в 1941 году, мы сознавали, что наше государство готовит оборону Отечества, и это уже обязывало нас подчиниться ему и его законам. Когда мы на улицах видели воинов, мы видели в них наших солдатиков, защитников Родины», – и тут лицо его как-то прояснилось и приняло мягкое, ласковое выражение. «Линия Преосвященного Сергия с 1927 года возвратила нам внутренний мир, который позволил нам в войну сразу встать и призвать пасомых на путь выполнения долга перед Родиной».

Эти слова Святейшего Патриарха были произнесены во время разговора о том, как одни из русских, бывших за рубежом в конце двадцатых годов, поддержали декларацию митрополита Сергия, тогда как другие не поняли ее и заняли враждебную позицию.

20 июля 1927 года правительственный документ, адресованный заместителю Местоблюстителя, засвидетельствовал, что образование им Временного Патриаршего Синода принято к сведению и что против начала его деятельности не встречается препятствий. Это означало легализацию центральной церковной власти.

25 июля Заместитель разослал циркуляр по епархиям, предлагая правящим и викарным епископам озаботиться регистрацией перед областными гражданскими властями епархиального и приходского управления.

Нет, разумеется, нужды пояснять, что цель такой поместной регистрации заключалась в дополнении регистрации центральной и в легализации гражданскими властями на всех уровнях Православной Церкви и ее общин и учреждений в пределах Союза Советских Социалистических Республик.

Но можно все-таки добавить, что этим систематическим и планомерным подходом к преодолению церковных нестроений митрополит Сергий сумел в очень короткие сроки упорядочить и церковное управление на центральном, епархиальном и приходском уровнях. Но восстановление высшей церковной власти имело, конечно, главное и огромное значение для упорядочения всей жизни – внутренней и внешней – Русской Православной Церкви. Все расколы и нестроения, возникшие в переходное время, были в конечном счете вызваны утратой клириками и мирянами ясного представления о том, кто является носителем законной, то есть канонической власти в Церкви с иерархическим строем.

Временный Патриарший Синод с самого начала был составлен под председательством митрополита Сергия из членов: митрополита Новгородского Арсения (Стадницкого), митрополита Тверского Серафима (Александрова)[48], архиепископа Вологодского Сильвестра (Братановского)[49], архиепископа Хутынского Алексия (Симанского), архиепископа Самарского Анатолия (Грисюка)[50], архиепископа Вятского Павла (Борисовского)[51], архиепископа Костромского Севастиана (Вести)[52], архиепископа Звенигородского, управляющего Московской епархией Филиппа (Гумилевского)[53], епископа Сумского, управляющего Харьковской епархией Константина (Дьякова)[54], епископа Серпуховского Сергия (Гришина), управляющего делами Синода.

Этот состав Временного Патриаршего Священного Синода (за исключением не имевшего возможности прибыть к этому времени митрополита Арсения и отсутствовавшего по болезни архиепископа Севастиана) подписал 29 июля документ исторического значения – «Послание пастырям и пастве», разработанный митрополитом Сергием. В этом документе излагалось отношение Русской Православной Церкви к Советскому государству. Он получил известность под названием «Декларации 1927 года». 19 августа того же года текст документа был опубликован в газете «Известия ВЦИК».

Послание открывалось с указания на то, что «одной из забот почившего Святейшего отца нашего Патриарха Тихона перед его кончиной было поставить нашу Православную Русскую Церковь в правильные отношения к Советскому правительству и тем дать Церкви возможность вполне законного и мирного существования. Умирая, Святейший говорил: «Нужно бы пожить еще годика три». И, конечно, если бы неожиданная кончина не прекратила его святительских трудов, он довел бы дело до конца. К сожалению, разные обстоятельства, а главным образом выступления зарубежных врагов Советского государства, среди которых были не только рядовые верующие нашей Церкви, но и водители их, возбуждая справедливое недоверие Правительства к церковным деятелям вообще, мешали усилиям Святейшего, и ему не суждено было при жизни видеть своих усилий, увенчанных успехом. <...>

Ныне жребий быть заместителем Первосвятителя нашей Церкви опять пал на меня, недостойного митрополита Сергия, а вместе со жребием пал на меня и долг продолжать дело почившего и всемерно стремиться к мирному устроению наших церковных дел. Усилия мои в этом направлении, разделяемые со мною и православными архипастырями, как будто не остаются бесплодными: с учреждением при мне временного Патриаршего Священного Синода укрепляется надежда на приведение всего нашего церковного управления в должный строй и порядок, возрастает уверенность в возможности мирной жизни и деятельности нашей в пределах закона... Тем нужнее для нашей Церкви и тем обязательнее для нас всех, кому дороги ее интересы, кто желает вывести ее на путь легального и мирного существования, тем обязательнее теперь для нас показать, что мы, церковные деятели, не с врагами нашего Советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и правительством. Засвидетельствовать то и является первой целью настоящего нашего (моего и синодального) послания.

Засим извещаем вас, что в мае текущего года, по моему приглашению и с разрешения власти, организовался временный при Заместителе патриарший Священный Синод в составе нижеподписавшихся (отсутствуют Преосвященный Новгородский митрополит Арсений, еще не прибывший, и Костромской архиепископ Савастиан, по болезни). Ходатайство наше о разрешении Синоду начать деятельность по управлению Православной Всероссийской Церковью увенчалось успехом».

Послание подчеркивало далее значение и объем перемен, привнесенных в жизнь Русской Православной Церкви договоренностью с государственной властью, о которой оно – Послание – возвещало:

«Теперь наша Православная Церковь в Союзе имеет не только каноническое, но и по гражданским законам вполне легальное центральное управление; а мы надеемся, что легализация постепенно распространится и на низшее наше церковное управление: епархиальное, уездное и т. д. Едва ли нужно объяснять значение и все последствия перемены, совершающейся таким образом в положении нашей Православной Церкви, ее духовенства, всех церковных деятелей и учреждений. Вознесем же наши благодарственные молитвы ко Господу, тако благоволившему о Святой нашей Церкви. Выразим всенародно нашу благодарность и Советскому правительству за такое внимание к духовным нуждам православного населения, а вместе с тем заверим Правительство, что мы не употребим во зло оказанного нам доверия».

Центральная часть послания 1927 года являлась декларацией о гражданской и патриотической лояльности руководства Русской Православной Церкви. Воспроизвести тут эту декларативную часть послания, подписанного тогда двумя будущими Патриархами, необходимо для понимания линии, засвидетельствованной на весь мир, в частности, архиепископом Хутынским Алексием, которой он твердо держался всю свою последующую жизнь, то есть более четырех десятилетий (в эти сорок три года входила и четверть века самого длительного в истории Русской Церкви патриаршества).

Декларация заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного Патриаршего Синода была обнародована в год, когда исполнялось первое десятилетие Октябрьской революции, а для Святейшего Патриарха Алексия завершалось полвека его собственной жизни.

Когда Промысл Божий определил для него срок земного паломничества и оно пришло к концу, Святейший был уже последним из девяти православных русских иерархов, подписавших историческую декларацию: все другие преставились намного раньше.

Провозглашение гражданской лояльности православных русских Советскому государству выражалось в следующих словах: «Приступив, с благословения Божия, к нашей синодальной работе, мы ясно сознаем всю величину задачи, предстоящей как нам, так и всем вообще представителям Церкви. Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к советской власти могут быть не только равнодушные к Православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого, как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное варшавскому[55], сознается нами, как удар, направленный в нас. Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза «не только из страха наказания, но и по совести», как учил нас апостол (Рим. 13, 5). И мы надеемся, что с помощью Божией, при нашем общем содействии и поддержке, эта задача будет нами разрешена».

В 1927 году непонимание необходимости для Церкви, происходящей не от «мира сего», но в служении своем спасению людей, которые обитают в этом мире, долженствующей действовать в нем, создавало отчужденность многих христиан от окружающей человеческой среды и разобщенность их со своим временем.

Нашим современникам, не только более молодым по возрасту, но и их отцам, может показаться странным, почти нелепым, что их пережившие революцию и три года гражданской войны предшественники – деды могли еще во второй половине двадцатых годов сомневаться, что коренные перемены в русской жизни окончательны и что «возврата к прошлому» быть не может и не будет.

Между тем, в цитированном нами послании 1927 года приходилось писать именно об этих сомнениях, которые и ранее были, и еще тогда могли быть помехой усилиям построить мирную и нормальную жизнь Русской Церкви в условиях советской действительности и в рамках советских законов.

«Мешать нам может лишь то, что мешало и в первые годы советской власти устроению церковной жизни на началах лояльности. Это – недостаточное сознание всей серьезности совершившегося в нашей стране. Учреждение советской власти многим представлялось недоразумением, случайным и потому недолговечным» – говорилось в послании. – «Забывали люди, что случайностей для христианина нет, и что в совершившемся у нас, как везде и всегда, действует та же Десница Божия, неуклонно ведущая каждый народ к предназначенной ему цели. Таким людям, не желающим понять «знамений времени», и может казаться, что нельзя порвать с прежним режимом и даже с монархией, не порывая с Православием.

Такое настроение известных церковных кругов, выражавшееся, конечно, и в словах и в делах и навлекавшее подозрения советской власти, тормозило и усилия Святейшего Патриарха установить мирные отношения Церкви с Советским правительством. Недаром ведь апостол внушает нам, что «тихо и безмятежно» жить по своему благочестию мы можем, лишь повинуясь законной власти (1 Тим. 2, 2), или должно уйти из общества. Только кабинетные мечтатели могут думать, что такое огромное общество, как наша Православная Церковь, со всей ее организацией, может существовать в государстве спокойно, закрывшись от власти».

1927 год был поворотным для Русской Православной Церкви. Десятилетний кризис ее был изжит и перед ней открылись перспективы домостроительства в новом мире, в котором политические, социальные и международные отношения потребуют от нее и новых подходов к общечеловеческим и отечественным проблемам.

Эта новая эпоха была тесно связана с именем Патриарха Алексия, которому Промысл Божий судил с середины сороковых годов и в продолжение пятидесятых и шестидесятых годов века стоять у кормила нашей Церкви. Новая эпоха в жизни Русской Церкви, о которой мы говорим, открылась для Патриарха Алексия многолетним (почти семнадцатилетним) тесным и плодотворным сотрудничеством с митрополитом Сергием, который еще до восприятия патриаршего сана будет готовить себе в нем преемника. Почти все эти долгие годы работы с митрополитом Сергием будут постоянно возвращать архиепископа и затем митрополита Алексия в его родную Москву, ставшую вновь столицей, в которой уже имел свое местопребывание с его основания в 1927 году центр Русской Церкви – ее Синод.

Интенсивная синодальная деятельность требовала от архиепископа Алексия все более частых приездов в Москву. Большой радостью для него было пребывание в течение семи первых лет этого периода в Новгороде, со святынями и с паствой которого он свыкся за первое десятилетие своего служения там.

3. Возведение архиепископа Алексия в сан митрополита с титулом Старорусский (18 мая 1932 года)

9 апреля 1930 года Преосвященный Заместитель и Священный Синод присвоили архиепископу Хутынскому право ношения креста на клобуке. А в 1932 году, когда 18 мая отмечалось пятилетие с основания временного Патриаршего Синода, архиепископ Алексий был возведен в сан митрополита с титулом Старорусского.

В передовой статье «Журнала Московской Патриархии», озаглавленной «1927–1932 год»[56], говорилось: «... Опыт пяти лет показал правильность избранного пути благоустроения церковной жизни, и что задача, поставленная Преосвященным Заместителем и временным при нем Патриаршим Священным Синодом – отделить церковную жизнь от всякой мирской политики, иметь исключительно церковно-созидательную работу на строгой основе канонов и церковной икономии – может быть осуществлена и в современных условиях государственного правопорядка».

«Сколько теперь за эти пять лет можно видеть и насчитать примеров искреннего покаяния и обращения как духовных лиц, так и мирян, от своих заблуждений, и воссоединения их со Святой Церковью в результате упорной деятельности Священного Синода».

Статья заканчивалась обнадеживающими словами: «В настоящее время Патриарший Священный Синод во главе с заместителем Патриаршего Местоблюстителя преисполнен упования, что при Всесильной Помощи Божией церковная жизнь и в дальнейшем потечет по намеченному пути и что, несмотря на трудности, которых всегда было и будет много в земных условиях существования Церкви Христовой, она, эта Церковь, будет для верующих неизменным прибежищем, где они приобретают силы духовные на борьбу со грехом и соблазнами мира ради своего спасения в Жизни Вечной».

4. Митрополит Новгородский и Старорусский Алексий – правящий архиерей Новгородской епархии (11 августа 1932 – 5 октября 1933 годов)

В том же 1932 году, 11 августа, митрополит Алексий получил титул той епархии, которой он управлял уже столько лет (в связи с назначением его бывшего «аввы» и учителя 70-летнего митрополита Арсения на Ташкентскую кафедру), и стал именоваться Новгородским и Старорусским. Но в его любимом Новгороде митрополиту Алексию суждено было остаться после этого уже только немного менее года (хотя титул «Новгородского» останется за ним до самого избрания его на Московский патриарший престол).

ГЛАВА VII

СЛУЖЕНИЕ МИТРОПОЛИТА АЛЕКСИЯ НА ЛЕНИНГРАДСКОЙ И НОВГОРОДСКОЙ КАФЕДРЕ (1933–1945)

1. Назначение митрополита Алексия на Ленинградскую и Новгородскую кафедру (5 октября 1933 года)

5 октября 1933 года митрополит Алексий был переведен на Ленинградскую кафедру и стал митрополитом Ленинградским и Новгородским. С этого времени он занял по старшинству чести второе место в иерархии Русской Православной Церкви после тогдашнего заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия.

В своем качестве старшего митрополита на заседании Временного Патриаршего Синода 27 апреля 1934 года митрополит Ленинградский Алексий огласил адрес, подписанный четырьмя митрополитами, шестью архиепископами и одним епископом, к которым присоединили свои подписи еще четыре архиепископа и шесть епископов.

Выдержки из этого адреса (автором адреса был митрополит Алексий) мы приводим ниже: «Всеблагому Промыслу Божию угодно было судьбы Русской Православной Церкви вручить мудрому отеческому попечению Местоблюстителя митрополита Сергия, который уже девятый год несет это ответственное послушание. Мудрое руководство кораблем церковным, братское отношение к епископам и отеческое ко всей пастве, – говорилось в адресе, зачитанном митрополитом Алексием, – соделали митрополита Сергия в общецерковном сознании фактически «первым епископом страны (34-е Апостольское правило)».

Этому особому и исключительному положению должно соответствовать и «особое титулование не по святительской кафедре рядового епархиального города Русской Церкви, но по общеизвестному имени столичного града Москвы, олицетворяющего всю страну».

«Посему, – возгласил митрополит Алексий, – приняв во внимание вышеизложенное и продолжающееся вдовство кафедры первого епископа страны, мы, митрополиты Русской Православной Церкви и члены Патриаршего Священного Синода, в безграничной преданности Вашему Высокопреосвященству, как к своему правящему Первоиерарху, единогласно решением своим положили: усвоить Вашему Высокопреосвященству, в соответствии Вашему высокому и особому положению правящего Первоиерарха Русской Церкви, титул Блаженнейшего Митрополита Московского и Коломенского».

К этому постановлению присоединились по телеграфу митрополиты: Ташкентский Арсений (Стадницкий), Ярославский Павел (Борисовский) и Японский Сергий (Тихомиров), архиепископы– Литовский Елевферий (Богоявленский) и Алеутский и Северо-Американский Вениамин (Федченков).

Как следствие вышеотмеченного решения Священного Синода, 2 мая 1934 года в московском Богоявленском кафедральном соборе состоялось торжество настолования Блаженнейшего митрополита Сергия на Московской первосвятительской кафедре. Божественная литургия совершалась 20 епископами в сослужении 44 пресвитеров и 14 диаконов. После литургии было совершено водосвятие (так как был день Преполовения), после чего митрополит Алексий от имени Священного Синода обратился к новому митрополиту Московскому и Коломенскому с приветственным Словом:

«В чувстве глубокой духовной радости собрались мы помолиться вместе с тобою и приветствовать тебя сим многочисленным собором всякого чина церковного. Этот священный собор ознаменован тем, что от лица возглавляющего его сонма архипастырей, вкупе же и многих отсутствующих святителей, тебе, Владыко святый, было представлено общее решение собора епископов нашей Православной Русской Церкви, чтобы ты возглавил вдовствующую кафедру Московскую и воспринял именование, отличающее тебя среди прочих преосвященных архипастырей, – именование Блаженнейшего Митрополита Московского и Коломенского. И мы возложили на тебя две панагии – отличие Первоиерархов, сугубо поручая тебе в твоем высоком служении Покрову Божию и Пречистой Матери Господней. Сими знамениями мы явили новое выражение нашей общей сыновней любви к тебе и наше благодарное признание твоих великих подвигов в служении Церкви Божией. И вместе с тем мы как бы утвердили единодушно и единомысленно правилами церковными указуемое и ограждаемое твое священноначальственное действование в Русской Православной Церкви».

«Скоро уже девять лет, – продолжал свою речь митрополит Алексий, – как ты, Господу споспешествующу, бессменно и непрерывно несешь бремя кормчего этой Церкви, при помощи Божией объединяя всех около себя и являя всем нам по апостолу «образ... словом, житием, любовию, духом, верою, чистотою» (1 Тим. 4, 12). Благодарим с тобою Господа за пройденный путь и, благодаряще, молим Его благость продолжать над тобою и над служением твоим Его владычественное благословение, дабы и впредь, как доселе, по благодати Его в деяниях и решениях твоих и сущего с тобою собора святителей являема была не наша, человеческая, воля, а воля Божия, и открывалось еже «изволися Духу Святому» (Деян. 15, 28) ради святыя Церкви и вечного спасения людей Господних. Прими же от нас, Блаженнейший Владыко, изъявление нашей сыновней любви к тебе и нашей верности, и на делание каждого из нас, твоих сопастырей, и на всю обширную паству свою призови зиждительное благословение Пастыреначальника и Спаса нашего Господа Иисуса Христа».

Итак, Русская Православная Церковь восстанавливала свой иерархический строй в ожидании созыва нового Поместного Собора для избрания ее двенадцатого Патриарха.

2. Деятельность митрополита Алексия в Священном Синоде и на Ленинградской кафедре по преодолению нестроений и расколов (1934–1941)

Тридцатые годы века были в жизни Русской Церкви – и в жизни митрополита Ленинградского Алексия – отмечены, как период неустанной работы ее Священного Синода, под мудрым руководством Первосвятителя митрополита Сергия, по собиранию ее паствы, долгое время предоставленной почти самой себе в плане человеческом.

Митрополит Сергий, всю жизнь отстаивавший канонический порядок в Церкви, настойчиво и планомерно проводил тогда мероприятия, направленные на то, чтобы в кратчайший срок привести внутрицерковные взаимоотношения в соответствие с требованиями церковных канонов.

«Мы пережили пору нестроений, когда действие Святого Духа одно восполняло нашу человеческую немощь и беспомощность, – говорил Блаженнейший Сергий членам своего Синода, – это с полной ясностью и очевидностью было испытанием нашей апостольской преемственности. Ведь мы на своем же опыте только что пережили действие предостерегающей заповеди, данной Господом апостолу словами «довлеет ти благодать Моя: сила бо Моя в немощи совершается» (2 Кор.12, 9).

«И Блаженнейший поучал нас, что все силы свои мы призваны напрячь в деле домостроительства Церкви и, если теперь уж мы не преуспеем в нашем труде на ниве церковной, то только от нашего же нерадения», – вспоминал Святейший Патриарх Алексий четверть века спустя.

Патриарх Алексий, за десятилетие своего стояния во главе Ленинградской митрополии бывший ближайшим сотрудником и единомышленником Патриаршего Местоблюстителя и впоследствии Патриарха Сергия, особенно хорошо знал его первосвятительскую заботу и деятельность во всех деталях. И до конца собственной жизни он свидетельствовал о совершенно исключительном месте в деле возрождения Русской Церкви, которое Бог судил занять Патриарху Сергию.

Глубина и объем его познаний, необыкновенно широкий кругозор и такие качества, как подлинно гениальная интуиция, непреклонная твердость в принципиальных решениях, сочетанная с бесконечной и гуманной терпеливостью, помогли ему осуществить оздоровление церковной жизни в масштабах и сроках, на которые никто вокруг него не мог надеяться.

Кроме громадного объема работы высшей церковной власти в период между легализацией временного Патриаршего Синода и Отечественной войной, то есть в те четырнадцать лет, когда митрополит Сергий и Синод должны были вложить столько усилий, чтобы восстановить в Церкви порядок и дисциплину, следует отметить твердость и подчас суровость, которую при этом приходилось проявлять.

Об этом Патриарх Алексий впоследствии вспоминал, отмечая, что Русская Церковь, вероятно, не знала такой решительности в управлении, какую применял митрополит Сергий при всем его отеческом великодушии: «Наш Первосвятитель, которого мы с ласковой почтительностью называли «дедушкой» и сердобольное долготерпение которого все мы знали и видели, мог быть неумолимым, когда дело касалось соблюдения общеобязательных норм церковной жизни и верности проверенным многовековым опытом церковным традициям».

В доказательство этой спасительной определенности в отношении поведения пастырей Церкви можно привести несколько извлечений из пространного постановления Синода от 29 октября 1930 года. Укажем на пять пунктов из этого постановления, о котором по благословению заместителя Патриаршего Местоблюстителя архиепископ Хутынский Алексий представил ему предварительный доклад.

Окончательная редакция пункта первого гласила: «Всякого клирика, самовольно, без благословения архиерейского оставляющего свою должность, Преосвященный (правящий архиерей) немедленно, по получении о том сведений, объявляет запрещенным в священнослужении и требует от оставившего в определенный срок объяснений, принимая со своей стороны и другие доступные меры к выяснению дела».

Второй пункт предписывал, чтобы по выяснении обстоятельств «клирики, виновные только в самовольном оставлении прихода (без снятия сана или отречения от веры)», подвергались, «смотря по степени виновности и проявленного ими раскаяния, различным церковным взысканиям от простого замечания до запрещения в священнослужении на более или менее продолжительный срок, а в случае упорства и злостности – и до лишения сана включительно».

Третий, четвертый и пятый пункты постановления относились к случаям апостазии и вероотступничества. В третьем пункте говорилось, что «клирики, отрекающиеся письменно, печатно или устно от Бога, веры или от имени клирика (заявившие о снятии сана с похулением церковного служения), признаются снявшими сан самовольно с последствиями по 62-му правилу святых Апостолов, то есть и в случае покаяния не имеют надежды на восстановление в священстве или в звании клирика».

Четвертый пункт рассматривал положение клириков, виновных «лишь в самовольном снятии сана без отречения от него (без похуления)». При нераскаянности эти клирики подлежат тому же 62-му правилу святых Апостолов, «при раскаянии же имеют надежду на оставление в сане или звании клирика, но под условием: а) если принесут Преосвященному свое покаяние раньше окончательного постановления церковной власти о снятии с них сана; б) если составят письменное опровержение своего заявления (газете, гражданской власти или приходу) о снятии ими сана; в) если понесут соответственную степени их виновности епитимию, по усмотрению Преосвященного, с публичным покаянием (когда этого требуют обстоятельства дела)».

Пятый пункт касался священнодействия в порядке самоуправства или нарушения наложенного архиерейской властью запрещения: «клирики, самовольно снявшие сан (с отречением или без оного) и потом дерзнувшие снова приступить к священнодействию, без архиерейского на то благословения, или скрывшие от архипастыря свое самовольное снятие сана или отречение, подлежат немедленному лишению сана без надежды на снисхождение и без права обжалования в Патриархию»[57].

В акцентировании церковной дисциплины в условиях ее многолетней расшатанности, без сомнения, заключалась для всей Церкви объективная и повелительная необходимость. Всему окружению Местоблюстителя было, действительно, хорошо известно, насколько чрезмерная строгость всегда претила митрополиту Сергию субъективно. И только высокое сознание своей первосвятительской ответственности за людей, вверенных его попечению, позволяло ему без колебаний принимать решительные меры по отношению к епископам и клирикам, утратившим понимание канонического и иерархического строя Православной Церкви.

Но особенно характерной чертой управления митрополита Сергия и всего периода оздоровления, предпринятого и осуществленного им, была та постоянная готовность к прощению, к снятию вины и к реабилитации всякого, приходящего с искренним раскаянием, и к оказанию самой усердной и действительной помощи всем в деле выращивания и принесения «плода, достойного покаяния».

Предшествовавшая эпоха была ознаменована не только великим множеством индивидуальных заблуждений, соблазнов и падений, но и многообразными групповыми и коллективными разделениями, даже расколами, о некоторых из коих мя вкратце упоминали выше. Мы не имеем, однако, как тоже не раз говорилось, времени и места останавливаться тут на истории расколов, возникавших было в Русской Церкви и создавших в жизни ее некий сложный кризис, «комплексный» и по их мотивам, и по их проявлениям.

С постепенным ослаблением обновленческого реформаторства, с изживанием «сепаратистских» тенденций в Церкви (разных украинских толков вроде «липковщины» и «самосвятства», из которых произошел пресловутый зарубежный «автокефализм») поднимались волны «охранительных» тенденций, стремившихся по-своему «оградить» Православие, а на деле учинивших новые разделения, как «григорианский» и «иосифлянский» расколы. Эти тенденции давали себя знать и после легализации церковной иерархии, в которой консервативно настроенные, но безответственные и по существу беспомощные церковные элементы склонны были усматривать угрозу чистоте православной веры.

Период восстановления церковного мира и порядка был поэтому отмечен нестроениями, которые Местоблюстителю приходилось преодолевать последовательностью в своей линии и неукоснительным внедрением дисциплины. Почва для нестроений, по-видимости «принципиальная», чаще всего осложнялась или даже создавалась местными неладами, определенными персональными предпочтениями или личными интересами.

Из-за таких обстоятельств, долгое время угрожавших возникновением локальных разделений, требовалось часто перемещение неуживчивых клириков. Заместителю Патриаршего Местоблюстителя в первые годы пришлось переместить десятки подчинившихся ему епископов на другие кафедры по чисто местным причинам.

Следствиями расколов оказалось, между прочим, ни с чем несообразное увеличение числа епископий – викариатств и даже епархий с титулами городов, давно утративших значение епархиальных центров или ими никогда не бывших. Даже подчиненные после покаяния митрополиту Сергию епископы иногда вновь самовольно «выходили» из его юрисдикции из-за личной «обиженности» тем или иным синодальным решением, а затем все-таки вновь возвращались в каноническое подчинение ему. Все это требовало от Первоиерарха поистине бесконечного терпения. Постепенно раздоры и разделения были изжиты.

Будущий Патриарх Алексий признавал с благодарностью, что восемнадцать лет постоянного и тесного сотрудничества с митрополитом, впоследствии Патриархом

Сергием были самым значительным, самым ценным и самым учительным периодом в его жизни. Надо помнить, что эти восемнадцать лет, начавшиеся для Патриарха Алексия в возрасте 50 лет были эпохой духовной зрелости его и святительского опыта, приведших его к ступеням патриаршего престола.

Большим и весьма важным «утешением», как любил выражаться Патриарх Алексий, было для него в ту пору сознание, что церковная линия, которой держался его учитель и духовный вождь митрополит Сергий, вполне совпадали с настроенностью и убеждением его первого «аввы» митрополита Арсения.

Мы видели, что письменная связь между прежним митрополитом Новгородским и его учеником и преемником епископом Алексием восстановилась в бытность последнего в Средней Азии. Эта связь продолжилась и во второй новгородский и затем в ленинградский периоды архиерейства Преосвященного Алексия – уже митрополита.

Мы знаем также, что митрополит Арсений (Стадницкий) был, как и архиепископ Алексий (Симанский), зачислен митрополитом Сергием в основанный им в 1927 году Временный Патриарший Синод. Духовная, сердечная и административная связь между митрополитами Сергием и Арсением также не прекращалась до преставления последнего в 1936 году в Ташкенте.

В 1933 году митрополит Арсений был назначен на Ташкентскую кафедру, в 1934 году он был награжден правом ношения двух панагий, а в 1935-ом – правом предношения креста при богослужении. Он в Бозе почил, сохраняя полное единомыслие со своим бывшим учеником, которому суждено было стать Патриархом всея Руси.

Оценку великого дела Патриарха Сергия и самой личности его Патриарх Алексий дал в своем предисловии к тому, выпущенному издательством Московской Патриархии в 1947 году под заглавием «Патриарх Сергий и его духовное наследство»: «В Бозе почивший Патриарх Сергий бесспорно занимает одно из первенствующих мест в сонме иерархов Российской Церкви текущего столетия. Если принять во внимание те огромные труды, которые Промышлением Божиим выпали на долю его как главы Православной Русской Церкви, труды, возвысившиеся до степени высокого церковного подвига, то Патриарха Сергия, несомненно, следует поставить в ряду тех великих подвижников и поборников церковной правды, труды коих с благоговением хранятся в памяти потомства, являясь драгоценным достоянием истории Церкви. Наша Русская Церковь благодарно вспоминает и еще долго будет вспоминать и благословлять эти труды его, направленные к охранению чистоты веры, к сохранению ясности церковного сознания, благодатной преемственности, канонически законного возглавления Поместной Русской Церкви».

В другом месте предисловия к книге о Патриархе Сергии Патриарх Алексий отмечал, что «произведения великих умов – в частности церковных деятелей – ценны не потому только, что заключают в себе раскрытие тех или иных истин веры и правил жизни и дают то или иное направление церковной деятельности в данное время, но еще и потому, что они, эти произведения, нося на себе печать великого духа, влияют и на последующее направление церковной жизни и, таким образом, составляют эпоху в жизни церковной.

Всей своей церковной деятельностью Патриарх Сергий показал, что дух церковного управления и благодатная сила канонических правил не только должны, но и могут оставаться в Церкви неизменными, несмотря на то, что формы церковного управления могут видоизменяться под влиянием различных условий гражданского устройства. Назначение великих деятелей церковных – сохранять неизменными основания прав Церкви, несмотря на разнообразие и изменения внешних форм управления, и в

то же время согласовать применение их с потребностями времени и внешних условий, не поступаясь существом правил и традиций церковных».

Многотрудная работа, проведенная в тридцатые годы восстановленной церковной иерархией на необъятных просторах нашей страны, принесла плоды, оказавшиеся тем более ценными, что надвигалось грозное испытание – величайшая разрушительная и истребительная война.

ГЛАВА VIII

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ЕЁ ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1. Подвиг патриотизма

Второе в жизни митрополита Алексия германское нашествие вновь застало его во главе епархий, расположенных на угрожаемом северо-западе. И это второе нашествие повело уже ко вторжению беспощадного, лютого врага в самые пределы обеих его епархий – Новгородской и Ленинградской.

Митрополит Никодим (Ротов, † 1978), преемник митрополита Алексия на этих двух кафедрах, так охарактеризовал его церковное и патриотическое служение в те годы (в речи на Акте, посвященном 50-летию епископского служения Патриарха Алексия 17 июля 1963 г.).

«Возглавление Ленинградской митрополии ознаменовалось для митрополита Алексия несением особого подвига. Это был подвиг патриотизма, противоставшего вражескому вторжению в тяжелой памяти 1941 год. Тогда вся страна от края и до края поднялась на защиту своих исторических завоеваний, полная решимости побороть агрессора. Не осталась в стороне от всенародного дела и Русская Православная Церковь. По почину своего главы Блаженнейшего митрополита Сергия, в первый же день войны призвавшего чад Русской Церкви со всей силой патриотизма встать на борьбу с врагами Отечества, митрополит Алексий был участником героической эпопеи города-героя Ленинграда. Без отопления и света, часто без хлеба и воды, при ежедневных жестоких бомбардировках жило и боролось с обложившим город врагом его героическое население.

Митрополит Алексий не прекращал совершать богослужения, удовлетворяя духовные нужды верующих, утешал и ободрял изнемогающих в страданиях. Проповеди митрополита Ленинградского Алексия в дни войны и блокады были проникнуты чувством того горячего, беззаветного патриотизма, который, по его словам, особенно свойственен русскому человеку, поставляющему рядом со словом «родина» синоним «мать».

Обращения митрополита Алексия находили живой отклик в сердцах верующих. Его патриотическая деятельность была высоко оценена Церковью. 5 июня 1943 года особым указом Блаженнейшего митрополита Сергия митрополиту Алексию, в воздаяние понесенных им трудов, особенно при осаде Ленинграда, было усвоено высокое богослужебное отличие – предношение креста при богослужении.

Для митрополита Алексия новое посягательство тевтонской силы на Русскую землю было продолжением пресловутого «Дранг нах остен» (экспансии на Восток), первый отпор которому уже семь веков тому назад дал национальный герой и канонизированный Русской Церковью правитель Северной Руси святой князь Александр Невский. Митрополит Алексий говорил об этом в многочисленных словах и речах в грозные дни Великой Отечественной войны. И об этом писал он тогда в «Журнале Московской Патриархии»[58].

Продолжая обращаться к собственным высказываниям Святейшего Патриарха Алексия, извлекаем самые характерные строки из его статьи, озаглавленной «Святой благоверный великий князь Александр Невский – покровитель Северного края».

«Тотчас же после Невской победы над шведами Александру Ярославичу пришлось бороться с другими, еще более опасными врагами – немцами... В конце марта 1242 года произошло на Чудском озере знаменитое «Ледовое побоище», когда немецкое войско, недавно еще столь грозное, было уничтожено, а с ним вместе уничтожена была и сила немцев... В этой борьбе Александра Невского с западными врагами обращает на себя внимание одна замечательная черта: неутомимо сражаясь с ними, он ведет оборонительную войну и не стремится к захвату чужих владений. Своей победой он доказал западным врагам, что даже обессиленная тогдашними внутренними раздорами Русь, в моменты общей опасности явилась для врагов грозной и неодолимой силой. И если для борьбы и окончательного одоления страшной силы татарских ханов еще не наступило время, что ясно видела и сознавала проницательная государственная мудрость Александра Невского, видевшего и то, что починение этой силе не грозило духовной целости русского народа, то с западными врагами надлежало бороться со всем напряжением борьбы, так как здесь подчинение угрожало духовной целости и грозило русскому народу участью тех славянских племен, которые жили в теперешней Пруссии, но, потеряв свою веру, так онемечились, что забыли свой язык, свое племенное происхождение и погибли как для Православной Церкви, так и для всего славянства».

«Вечная слава и хвала доблестному князю Александру Невскому, – продолжал митрополит Алексий, – который с истинно гениальной проницательностью вовремя разгадал опасность, угрожавшую нам с Запада, предпочел временно терпеть татарскую неволю, но в то же время мужественно стал на страже русской народности против захватнических стремлений западных врагов и победоносно закончил борьбу.

И теперь, когда неотразимой силой нашего исторического и мирового всеславянского призвания, властною силой исторической необходимости миролюбивая Россия поставлена перед лицом грозной брани за славянство против наглого натиска германизма, когда во весь рост встали перед нами все вековые счеты наши с немцами, когда на защиту родной земли поднялись в едином порыве и в едином крепком союзе все народности, составляющие великий советский народ, – перед нами осиянный вечной славой встает светлый образ князя, явившегося олицетворением мощи русского народа, и вдохновляет нас к борьбе, и благословляет наше окончательное торжество над врагом».

2. Речь митрополита Сергия в первый день войны

Чтобы лучше постичь роль Русской Православной Церкви в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., надо вдуматься в слова Блаженнейшего митрополита Московского и Коломенского Сергия в обращении его к всероссийской пастве, разосланного по всем приходам Русской Церкви в первый же день войны.

«В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва ли не весь мир, не коснется нашей страны... Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью Родины, кровными заветами любви к своему Отечеству.

Не в первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божьей помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном долге пред Родиной и верой, и выходили победителями. Не посрамим же их славного имени и мы – православные, родные им по плоти и по вере.

Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить Отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства».

«Вспомним святых вождей русского народа, – продолжал наш Первосвятитель, – например, Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в славной своей легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче, разбивших наголову Соловья Разбойника.

Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг. Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: «Больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15, 13). Душу свою полагает не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой, своим здоровьем или выгодой ради Родины... Положим же души своя вместе с нашей паствой. Путем самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших воинов, полагавших жизнь свою за Отечество и веру во все времена нашествий врагов на нашу Родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что Родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей. Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу».

Эти последние слова обращения митрополита Сергия особо подчеркивались русскими иерархами и в нашей стране и за рубежами ее: Блаженнейший не только выразил надежду на победу, он высказал уверенность в том, что она, эта победа, будет за нами.

3. Служение митрополита Алексия в блокадном Ленинграде (8 сентября 1941 – 18 января 1943 годов)

Но тяжкие годы великой борьбы были еще впереди. Особенно трудные, можно сказать – небывалые испытания должны были выпасть на долю Ленинграда. С самого начала войны неприятель пытался молниеносным ударом овладеть всем балтийским побережьем и самим Ленинградом и осуществить этим глубокий охват Москвы и всей центральной России с севера.

Во второй половине июля 1941 года – через месяц после начала войны – вражеские танковые армии уже рвались к берегам Ильмени, угрожая древнему Новгороду, которому вскоре после этого пришлось так пострадать в своих исторических святынях от руки неметчины через семь веков после первой его обороны от нее Александром Невским. Еще севернее немцы в те же дни пытались вторгнуться в пределы Ленинградской области. А в начале сентября им удалось блокировать Ленинград от Финского залива до Ладожского озера и началась 900-дневная легендарная защита великого города.

Митрополит Алексий, разделивший с вверенной его окормлению паствой это героическое стояние, еще 25 июля 1941 года в обращении к верующему населению Ленинградской митрополии говорил:

«Послание митрополита Сергия к пастырям и пасомым Русской Церкви призвало всех верующих в грозный час опасности, нависшей над нашим Отечеством, к единодушной защите – каждого в полную меру сил – великой нашей Родины. От лица Церкви сказано в этом послании, что она, Святая Церковь, «благословляет небесным благословением всенародный подвиг». И этот голос первого архипастыря Русской Церкви не оказался «гласом вопиющего в пустыне». Все верующие отозвались на этот призыв. Все в минуту общей опасности объединились без различия положения, как граждане единого великого Союза, в одном стремлении, чем бы то ни было – помочь, участвовать в общей работе по защите Отечества. Как на подвиг, благословенный Церковью, не только юноши, еще не призванные на военную службу, но и пожилые и старики пошли добровольцами на фронт, с полной готовностью и жизнь свою положить за целость, за честь, за счастье любимой Родины. Молебны в храмах и прошения о даровании победы русскому воинству находят живой отклик в сердце каждого молящегося, у которых теперь одна дума, одна молитва – дал бы Бог победить коварного и злобного врага...

Война есть страшное и гибельное дело для того, кто предпринимает ее без нужды, без правды, с жадностью грабительства и порабощения; на нем лежит позор и проклятие Неба за кровь и за бедствия свои и чужих. Но война – священное дело для тех, кто предпринимает ее по необходимости, в защиту правды, Отечества. Берущие оружие в таком случае совершают подвиг правды и, приемля раны и страдания и полагая жизнь свою за однокровных своих, идут вслед мучеников к нетленному и вечному венцу.

Потому-то Церковь и благословляет эти подвиги и все, что творит каждый русский человек для защиты своего Отечества. Церковь неумолчно зовет к защите Матери-Родины. Она же, исполненная веры в помощь Божию правому делу, молится о полной и окончательной победе над врагом».

Первая суровая зима блокады была самой тяжелой. Ленинград был стиснут полным окружением. Особой тяготой для населения был холод, от которого не было укрытия и в домах, лишенных отопления. От мороза лопались трубы водопровода, и воду приходилось доставлять на самодельных салазках из прорубей в русле Невы.

К концу зимы возросла смертность. Первыми погибали старики. Дети зачастую переживали взрослых. Голод начал косить людей: недоедание постепенно стало главным бедствием. Умерших хоронили в братских могилах в садах и парках. Детям могилки рыли, где было возможно. Не из чего было делать гробы.

За время блокады от истощения, болезней и голода погибло не менее семисот тысяч человек гражданского населения города. Эти сотни тысяч покоятся теперь на Пискаревском и Смоленском братских кладбищах-памятниках Ленинграда.

Богослужения в городских храмах чередовались беспрестанно при громадном скоплении верующих. В промежутках между службами суточного круга всенародным пением пелись акафисты. Совершая литургии, всенощные бдения и коллективные отпевания или читая на клиросах, митрополит Алексий фактически не покидал храма. Он постоянно произносил слова и проповеди.

С началом осады он поселился в здании Владимирского собора на Большом проспекте Петроградской стороны. На короткое время ночью он поднимался по узкой винтовой лестнице в мансардное помещение над входом в храм, где под наклонным

сводчатым потолком была устроена для него тесноватая, но высокая келья. Позднее, когда вражеским обстрелом Князь-Владимирский собор был поврежден, митрополит перешел в такое же помещение под куполом кафедрального Никольского собора в центре города у реки Мойки.

Не раз в храмы во время богослужения были попадания воздушных бомб и дальнобойных снарядов. При падении кирпичей, обломков и стекла службы не прекращались. Так проходили месяцы за месяцами. Но вместе с жителями Ленинграда митрополит Алексий считал, что жертвы, ими приносимые, и опасности, которым они подвергаются, не дают им даже возможности постичь ужас, окружающий воинов-защитников города, подверженных тем же лишениям на Ленинградском фронте, оружием и грудью удерживающих вражеские полчища у самой городской черты.

Полезно привести свидетельство ленинградского благочинного протоиерея Николая Ломакина, за все время блокады бывшего в постоянном общении с митрополитом Алексием. Воспоминания отца Николая были напечатаны в «Журнале Московской Патриархии»[59] вскоре после избрания митрополита на Московский патриарший престол.

«Наш Ленинградский Владыка Алексий явился в Ленинграде не только архипастырем – духовным руководителем, но и организатором здесь значительной работы всего духовенства на защиту Отечества и на оборону родного Ленинграда. Как верный сын Родины и любящий отец, объединил Владыка Алексий духовенство и паству в осажденном Ленинграде.

Не в малой статье рассказать о замечательных трудах святителя-патриота в страшные 900 дней блокады города-богатыря. Не щадя сил и жизни, глубоко веря в победу над врагом Руси и всего человечества – фашизмом, не обращая внимания на артобстрелы и другие ужасы вражеской блокады, Владыка митрополит бесстрашно, часто пешком, посещал ленинградские храмы, совершал в них богослужения, беседовал с духовенством и мирянами, всюду внося бодрость, веру в победу, христианскую радость и молитвенное утешение в скорбях.

Сам, иногда больной, Владыка в любое время дня принимал приходивших к нему мирян и духовенство. Со всеми ровный, приветливый – для каждого он находил ласку, умел ободрить малодушных и подкрепить слабых. Никто от нашего Владыки не уходил опечаленным, неокрыленным духовно. Очень многим Владыка из личных средств оказывал материальную помощь; лишая себя, по-христиански делился пищей. Желая молитвенно утешить и духовно ободрить пасомых в тяжкие дни блокады Ленинграда, Владыка Алексий нередко сам отпевал усопших от голодного истощения мирян, невзирая на лица и обставляя эти погребения особо торжественно».

«Как тверда была вера Святителя в победу над врагом!.. – восклицает отец Николай. – Как не любил он паники и уныния!.. Невольно вспоминается пасхальная ночь 1942 года, которую враг пытался омрачить нападением на Ленинград. Два авиабомбы сброшены врагом в юго-западный угол Князь-Владимирского собора. Ободряя других, Владыка и сам ни на минуту не терялся, не падал духом. В 1943 году много было случаев обстрела артиллерией Никольского собора, где жил наш Святитель. Однажды в храм попало три снаряда, причем осколки врезались в стену покоев Владыки. Причт по окончании литургии не мог выйти из храма – кругом были смерть и разрушение – и остались ждать конца обстрела в Никольском алтаре. Вдруг страшный разрыв снаряда... Через несколько минут входит в алтарь Владыка, показывает причту осколок снаряда и, улыбаясь, говорит: «Видите, и близ меня пролетела смерть. Только, пожалуйста, не надо этот факт распространять. Вообще, об обстрелах надо меньше говорить... Скоро все это кончится. Терпеть недолго осталось».

И так, – при всех и всяких обстоятельствах и ужасах блокады.

В своих многочисленных патриотических посланиях и обращениях к духовенству и пасомым и с церковного амвона Владыка митрополит непрестанно призывал к защите Отечества и родного Ленинграда, к жертвам, труду и терпению во имя победы над «коварным и злобным врагом – фашизмом».

При всем этом все жертвенные начинания Владыка предварял добрым примером – личной щедрой жертвой. Миллионные пожертвования ленинградских церквей и приходских общин в фонд обороны, на танковую колонну «Димитрий Донской» и другие военные нужды, и крупные жертвы отдельных прихожан деньгами, ценностями и вещами – были наилучшим ответом на призыв архипастыря.

Но Святейший Владыка Алексий не одинок был среди ленинградской паствы в своих высоких церковно-патриотических трудах. Ленинградское духовенство, движимое горячей любовью к Родине и Ленинграду, по зову архипастыря, совместно с приходскими общинами проводило в дни блокады Ленинграда большую и плодотворную работу».

Еще на исходе страшной первой зимы осады, когда от полного освобождения Ленинграда отделяли еще целых два года, митрополит Ленинградский обратился в марте 1942 года к своей пастве с новым пасхальным посланием. В нем он говорил:

«Прошло девять месяцев, наступил десятый, с начала переживаемой нами великой, всенародной, Отечественной войны. За это время мы были свидетелями – с одной стороны, со стороны врага, коварного, жестокого и бессовестного – самых ужасных зверств и нападений на нас не только на полях сражения, но и в городах и селах, на мирных и безоружных жителей; с другой стороны – со стороны наших доблестных и стойких защитников, нашего воинства – невиданных еще в истории подвигов самоотверженной борьбы за Родину, за ее честь, ее целость, свободу и славу.

Находясь в городе, в относительной безопасности и защите от грозных нападений врага, от его налетов с воздуха, обстрелов из смертоносных орудий огромной силы, мы не можем себе и приблизительно представить всего ужаса, среди которого ежедневно и ежечасно находятся наши братья, наши дорогие защитники, доблестные воины Красной Армии, самым делом исполняющие слова Христа Спасителя: «Нет большей любви, как если кто душу свою положит за други своя...» (Ин. 15, 13).

Если мы, только читая о том, что они терпят, и слыша о неимоверных усилиях их отстоять каждую пядь земли родной, содрогаемся от ужаса, то как там они, наши родные русские воины, в самом пекле сражений, ежеминутно подходят к порогу смерти? За кого? За что? За нас и за нашу целость! Все это может оценить только проникнутая сознанием величия и святости подвига полагающих жизнь свою за ближних душа христианина. И мы видим, что и в тылу многие и многие, болеющие душой за Родину, сознательно и бодро, без тени уныния несут все неизбежные в условиях военного времени тяготы и лишения, принимая их как долю, самую ничтожную долю, посильного участия в общем, великом и священном долге защиты Родины, приобщаясь этим к подвигу наших защитников и почерпая силы в твердом уповании на Бога – помощника в правом деле. Этого сознания не может быть у наших врагов: они опираются только на силу; но эта видимая сила их на наших глазах ослабевает, как это мы видим на примере Москвы, от которой далеко отогнан враг, несмотря на то, что он подступил было к ней почти вплотную».

Далее митрополит напоминал своим пасомым, что победа достается силой не одного орудия, а «силой общего подъема и мощью веры в победу, упованием на Бога, венчающего торжеством оружие правды». Он учил их, что необходимо преодолевать

все виды слабости, уныния, греховного малодушия и маловерия. Он призывал изнемогающих не допускать ропота на Бога за лишения, невзгоды, за смерть близких, и беречь и хранить бодрость, общий душевный подъем, помогать общему делу по мере сил и умения.

«Все мы должны крепко помнить, что, как тогда, во время ли святых Александра Невского или Димитрия Донского, на льду Чудского озера, на берегах Дона и на поле Куликовом, решался великий спор правды и неправды, так и теперь – в другой обстановке, в непомерно более грозном столкновении – у нас решается спор наступающего германизма против защищающегося славянского мира, и значение его лично для нас, русских людей, расширяется и вырастает до мировых судеб нашего народа и нашего Отечества. Это должен понять каждый из нас, русских патриотов, и стать выше тех сравнительно малых лишений и личных бедствий, которые приходится переживать в это бурное время».

Мы не имеем возможности цитировать тут обилие призывов митрополита Алексия в суровые дни войны и слов ободрения и утешения, обращенных им к своей страждущей пастве. Но мы не можем оставить без внимания его обращения от 25 апреля 1943 года на Пасху к пастырям и верующим Ленинградской и Новгородской епархий, занятых еще вражескими войсками.

«С особым умилением простирая к вам голос мой, – писал митрополит в этом обращении через пылающий рубеж фронта, – я посылаю вам христианский привет в день Христова Воскресения. Тяжела и безрадостна жизнь ваша в земле исконно русской, но временно захваченной врагом безжалостным, ненавидящим все русское, попирающим все для нас дорогое и священное, не щадящим в злобе своей ни старца, ни женщины, ни младенца! Но тем радостнее пасхальная весть! Мы знаем, как страдаете вы, отрезанные от своих близких, от всех дорогих сердцу. Не менее тяжело и для нас это разъединение. Мы слышим ваши стоны, боль сердца вашего в страданиях Родины, и всей душой – с вами. О вас наша неотвязная дума и о вас тревога любви нашей. Знаем мы и слышим, что многие и многие из вас, пренебрегая опасностями, со всех сторон вас окружающими, не щадя жизни, всеми силами борются с врагом, помогая этим нашим доблестным защитникам – воинам нашей Красной Армии в их беззаветной борьбе за честь и свободу Родины. Доблестный гражданин Русской земли Минин еще жив в потомках своих, которые дышат его великим духом, горят его любовью к Отечеству...

И да будет благословен ваш подвиг (курсив обращения митрополита. – *А.К.*). Да не падает, не умаляется, не кончается ваше святое воодушевление, да не гаснет священный огонь, ибо не подобает, невозможно угаснуть тому, что по существу духовно и вечно, неоскудеваемо...

Близится время нашей победы над врагом человечества. Невидимая рука Провидения, наказующая насильника и угнетателя, уже начертала пределы его кровожадному владычеству. «Исчислил Бог царство его и положил конец ему» (Дан. 5, 26–27). Правда, еще остры и многочисленны стрелы вражии, но они не пробили и не пробьют нашего щита, ибо щитом нашим является верность в правде. Велики жертвы, приносимые народом нашим для спасения Отечества, но и велико и дорого спасение, ради которого приносятся эти жертвы!..

Объемлю всех вас с горячим чувством любви Христовой, вручаю вас покрову Матери Божией и святых угодников земли Новгородской и земли Псковской и со всем усердием молю воскресшего Господа о помощи вам, моей возлюбленной пастве, и всем нам в нашей святой и правой борьбе. И твердо, непоколебимо верую, что Господь нам поможет. Христос Воскресе!».

И вот еще цитата из обращения к ленинградской пастве 22 июня 1943 года: «Мы собрались в наших храмах сегодня, в день второй годовщины Отечественной войны, которую с великим самоотвержением и небывалым единством ведет народ наш... С какими же мыслями и чувствами предстоим мы ныне пред Господом, во время продолжающихся еще бранных опасностей? Что говорят нашему сердцу и чему научили нас эти два года тяжелых испытаний? – «Благословен Господь Бог наш, научаяй руки наши на ополчение и персты наши на брань; Господь – милость и прибежище наше, заступник наш и избавитель, защитник наш...» (Пс. 143, 1–2). Вот какие священные слова приходят нам на память в эти знаменательные минуты. Мы видим теперь, что несмотря на неимоверные трудности современной войны, мы не только не ослабели, но, наоборот, окрепли в ратных подвигах; силе и искусству врага противопоставили мы нашу силу и наше воинское искусство и, что важнее всего, не изнемогающее ни перед какими трудностями всенародное воодушевление. Подлинно, Сам Господь «научает руки наши на ополчение».

Слава доблестному русскому воинству! Благословенна память подвижников Отечества, принесших ему в жертву мужество, искусство, жизнь! Благословим Бога-Избавителя, благословившего подвиг возвращения из рук хищников и грабителей многих наших городов и сел, захваченных было врагом и с громадным для него уроном взятых от него обратно. Благословим Бога милости и щедрот, возбудившего в сердцах всех без различия русских людей сочувствие к подвигам и к несущим подвиги нашим воинам и желание всеми способами участвовать в их подвигах, облегчать их труд.

Как охотно и обильно всюду текли жертвы на воинские нужды и на подарки – подлинные дары любви – воинам, а также больным и раненым. И текли, и текут, и будут течь обильными, неиссякающими потоками, свидетельствуя о неиссякаемой любви нашей и преданности делу спасения Отечества, в твердой вере, что и для всех нас не оскудеет дивная помощь Божия».

«Враг, не только дерзновенно попирая всякие законы Божии и человеческие, разбойнически напал на нашу землю, но он с неслыханной жестокостью и звериной злобой расправляется с нашими близкими, имевшими несчастье попасть в его руки. Но и тут мы видим, с какой твердостью народ наш противоборствует ему и, несмотря на страдания и муки, остается верным своей любимой Родине. Он остается верным ей и там, за рубежом, куда уводят его для каторжных работ немецкие злодеи, отрывая от родных мест и от близких и ввергая в безысходную муку. И туда мы шлем наши заботливые помыслы и всеми силами души посылаем свои молитвы и благословения. «Укрой, Господи, изгнанных, не выдай скитающихся... будь им покровом от грабителя, от притеснителей» (Ис. 16, 3–4). И мы веруем, что недалеко и для них время освобождения и возвращения в родные края. Да исправится же молитва наша, яко кадило пред Господом, и да пошлет Господь по вере нашей исполнение этой молитвы о скорейшей победе над врагом!..

Молитва – это рука, простертая для приятия благодеяний Божиих. Она невидимой, но крепкой нитью соединяет человека с Богом и дает человеку уверенность в непобедимой помощи Божией... Сегодня, в знаменательный для нас день, мы с особенным усердием соединяемся в молитве и «приносим Господу жертву хвалы, и возвещаем о делах Его с пением», и молим Его благость, да умножит Он силу нашего воинства для окончательного одоления врага. Да успокоится и почиет сердце наше пред Господом! Да пошлет Господь торжество жизни и радости! Да сохранит Он град сей и живущих и молящихся в нем!».

Полное окружение Ленинграда длилось с 8 сентября 1941 года по 18 января 1943 года, когда предпринятое войсками Ленинградского и Волховского фронтов наступление позволило им после ожесточенных боев прорвать немецкое кольцо и соединиться к югу от ладожского побережья. Этот успех смягчил тяготы блокады, но не упразднил их, так как немцы еще целый год удерживали свои позиции вокруг самого города в самой непосредственной близости от него.

Тем не менее, вдоль побережья Ладоги образовался коридор километров в десять, по которому стала возможна, хоть и трудная, связь со страной, с «большой землей», по суше. По этому узкому «перешейку», как по дамбе, стали налаживать прокладку даже железнодорожной колеи, позволившей более интенсивный подвоз военных и продовольственных грузов в Ленинград, остававшийся до окончательного его освобождения (в марте 1944 года) как бы осажденным островом.

Январский прорыв, давший возможность на узком пространстве осуществиться стыковке Ленинградского фронта с Волховским, позволил митрополиту Алексию в труднейших условиях предпринять путешествие для совещания с Местоблюстителем митрополитом Сергием и участия в готовившихся важнейших решениях и событиях в церковной жизни.

Таким образом, 8 сентября 1943 года, то есть день в день во вторую годовщину наложения осады на Ленинград, он выступил с докладом «О долге христианина перед Церковью и Родиной в эпоху Отечественной войны» на Архиерейском соборе Русской Православной Церкви. Этот доклад, который можно было назвать программным, был произнесен сразу после краткого вступительного доклада председателя Собора Патриаршего Местоблюстителя («О деятельности Православной Церкви за два года Отечественной войны»).

«Где и как выковывается победа?» – задавался вопросом митрополит Ленинградский в одном месте своего выступления. «Ответ здесь ясен, и всем понятно, что победа выковывается на поле брани трудом, подвигом и воодушевлением воинов, искусством военачальников; победа, далее, зависит и от усовершенствованных орудий борьбы: воздушные истребители и бомбардировщики, бронепоезда и танки, пулеметы, артиллерия, достигшая страшной разрушительной силы в своих снарядах, снайперская меткость, – все это подготвливает, обусловливает, создает победу! Неоспоримо, все перечисленное нужно для армии, как нужна и сама армия, чтобы была победа».

«Но, – продолжал митрополит Алексий, – признать только эти одни причины и условия победы, значило бы осудить весь народ, кроме армии, на бездействие во время брани, и свести его к положению безучастного зрителя совершающихся событий. Но есть нравственные условия победы, гораздо более широкие, гораздо более возвышенные, могу сказать, даже более действенные, чем численность и сила орудий современного боя. Они, эти нравственные условия, владеют и победоносным воинством, которому нужно воодушевление, которому нужна готовность перенести все и всякие жертвы, лишения, раны и самую смерть; они, эти нравственные условия, нужны и для народа, оставшегося внутри страны, который и до войны породил и воспитал армию, и во время войны питает ее духовно... Воодушевление воинства опирается на воодушевление народа и от него исходит. Воинство должно знать, что война, которую оно ведет, которая требует от него стольких трудов и несет ему столько опасностей, что эта война народная, война Отечественная, захватывающая всех от мала до велика.

Связь войска с народом – то же самое, что кровообращение в теле: с его прекращением останавливается сама жизнь. И такая связь у нас существует и даже, можно сказать, усиливается по мере нарастания темпов борьбы и наших побед. Смотрите,

какое воодушевление, какой огонь святой и пламенной любви к Родине! Это единодушие всех перед лицом грозной войны, эти жертвы кровью, жизнью, имуществом, трудом, это напряженное желание увенчать войну победою, это трепетное замирание сердца при всяком известии о новой победе...».

Далее митрополит остановился на подвиге населения его города, которому он сам был свидетелем: «И поистине изумительные подвиги русских людей можно было наблюдать в течение минувших лет в Ленинграде, осажденном и отрезанном от жизненных и военных центров страны. Ленинград был осажден, но город-воин продолжал жить, бороться и поддерживать неразрывную связь со всей великой страной. По водам Ладожского озера шли корабли и баржи с продовольствием и боеприпасами. Через линию фронта летели самолеты гражданского и военного воздушных флотов, нагруженные продовольствием и оружием. А когда замерзло Ладожское озеро, по ледовому его покрову была проложена знаменитая автомобильная магистраль – это грандиозное сооружение, не имевшее примера в гражданском и военном строительстве. И эта ледовая дорога стала жизненной артерией, связавшей Ленинград со страной. В морозы, под артиллерийским обстрелом, под бомбежкой с воздуха, везли по этой трассе помощь осажденному городу. За все время действия этой дороги по ней были перевезены миллионы пудов груза. Это была поистине «дорога жизни». Это была целая поэма о мужестве, настойчивости и самоотверженности и подвиге русских людей».

4. Пребывание Местоблюстителя митрополита Сергия и Патриархии в эвакуации в Ульяновске. Сбор пожертвований на нужды фронта. Борьба с церковным расколом на оккупированных немцами территориях

Не прошел и месяц с начала блокады Ленинграда, как гроза нависла и над Москвой. В сентябре немцам удалось окружить Вязьму и прорваться до оборонительной линии подмосковных городов Волоколамск-Можайск-Нарофоминск. Охват столицы намечался через Дмитров и Малоярославец. Начиналось московское сражение. Многие государственные учреждения и дипломатический корпус решено было эвакуировать в Куйбышев.

7 октября Моссовет предложил Патриаршему Местоблюстителю обеспечить эвакуацию его самого и сотрудников Московской Патриархии с их семьями в безопасный тыл – в Чкалов (нынешний Оренбург).

Митрополит Сергий выразил пожелание не уезжать за Волгу, так что местопребывание Патриархии и ее персонала было организовано в Ульяновске. Русская Церковь и управлялась оттуда без малого целых два года. Военное время требовало от высшей церковной власти крайне напряженной работы. Общая обстановка, конечно, не облегчала сношений с епархиями. Был период, когда связь со всеми епархиями севера России, Прибалтики, Белоруссии, всего Украинского Экзархата и Северного Кавказа была прервана военными действиями и вражеской оккупацией. Митрополит Сергий частыми обращениями к своей всероссийской пастве, даже через линию фронта, поддерживал патриотический дух ее, уверенность в победном исходе страшной войны, способствуя сохранению бодрости в людях, переживавших неимоверные страдания, утраты и лишения. Требовалась духовная, нравственная, физическая и материальная помощь епархиям, приходам и отдельным верующим, пострадавшим не только от войны как таковой, но и от вражеского террора, принимавшего все более яростные и бесчеловечные формы, и от всех мыслимых и немыслимых видов насилия, чинившихся обезумевшим неприятелем.

Патриарший Местоблюститель беспрестанно руководил еще и помощью военному усилию страны повсеместными сборами в фонд обороны, шефством церковных общин над госпиталями, детскими домами, сбором теплых вещей, белья. Епархии постоянно вносили крупные суммы, собранные их приходами.

30 декабря 1942 года Блаженнейший митрополит Сергий обратился к архипастырям, пастырям и приходским общинам Русской Церкви с призывом собрать особый фонд для сооружения танковой колонны, которая была бы названа именем Димитрия Донского. По стране не оказалось ни одного храма, ни одного прихода, который остался бы безучастным к этому почину своего Первосвятителя. Наименование, данное колонне танков, сооружавшихся на средства православных русских, вызвало прилив патриотического энтузиазма. Сам митрополит Сергий напомнил связь между именами Димитрия Донского и Преподобного Сергия Радонежского, благословившего великого князя Московского на великий подвиг. Перед выступлением в поход Димитрий Донской совершил паломничество в новую в то время Троицкую обитель, где великий наставник русского монашества предсказал ему победу над Ордой, но ценой тяжких потерь. Преподобный послал с русским войском, собравшим в Коломне невиданное для того времени ополчение в 150 тысяч бойцов, двух своих монахов-богатырей Пересвета и Ослябю. Оба полегли на поле брани, а Пересвет в черном куколе схимника пал в символическом поединке вместе со своим противником татарином-великаном. Пересвет и Ослябя вошли в историю символом участия иночества во всенародном ратном деле и воинском стоянии за Русь[60].

На сооружение танков было собрано 8 миллионов рублей. К началу 1944 года колонна из многих десятков танков была готова, и митрополит Сергий поручил митрополиту Крутицкому Николаю совершить торжественную передачу колонны Вооруженным Силам. Церемония имела место на обширном поле. Митрополит обходил выстроенные боевые машины, принимая рапорт от командира каждого танка и вручая ему особый формуляр. После речи митрополита колонна прошла парадным строем мимо сооруженной для этого трибуны. На каждом танке крупными буквами была надпись: «Димитрий Донской». Впоследствии с полей сражений Патриарх Сергий получал победные донесения от командования колонны.

В то же время Блаженнейший усердно преодолевал остатки расколов, возвращая Церкви ее заблудших овец. Последние из обновленческих деятелей принимались в сане, в котором они некогда покинули Церковь. В 1940 году воссоединились с Русской Православной Церковью ее ветви, которые вели канонически необоснованное самостоятельное существование в те два десятилетия, когда Прибалтийские республики не входили в состав Советского Союза. Литовская православная митрополия, никогда, впрочем, не порывала своей дочерней связи с Московским Патриархатом. Воссоединение Латвийской и Эстонской епархий совершилось без затруднений в духе христианского братолюбия.

Автокефалия Польской Православной Церкви, провозглашенная в начале двадцатых годов, вопреки непризнанию и осуждению этого акта Святейшим Патриархом Тихоном, была и фактически поставлена под вопрос в 1940 году (после аннексии польской территории Германией и объявления ее германским «генерал-губернаторством»).

Епископат возвращенных и воссоединенных с Украиной и Белоруссией западных епархий естественно подчинился митрополиту Сергию. Но когда Германия напала на нашу страну, часть православных украинцев, проявлявших в предвоенные годы «самостийнические» тенденции, еще находясь в юрисдикции Польской Церкви, вздумали объявить себя (на территории оккупированной немцами Польши!) «автокефальной Украинской Церковью». Во главе этого диковинного начинания оказался епископ

Поликарп (Сикорский), бывший в свое время приверженцем пресловутого «самостийника» Петлюры.

Архиерейская хиротония его состоялась в 1932 году, когда он состоял в юрисдикции митрополита Варшавского. Затем, подчинившись в 1939 году митрополиту Сергию, он был назначен викарным епископом Владимир-Волынским. Но оставшись впоследствии под немецкой оккупацией, он затеял свою церковно-политическую авантюру.

В конечном итоге во главе группы украинцев-автокефалистов он бежал в Канаду. Митрополиту Сергию пришлось наложить запрещение на Сикорского еще в феврале 1942 года, а последующий Архиерейский Собор изверг его и солидарных с ним клириков-отступников из сана, а их сообщников-мирян отлучил от Церкви. В отношении изменников Церкви и Родине (в общем, к счастью, весьма немногочисленных) Патриарший Местоблюститель и русский епископат действовали решительно.

Верующий народ, стойко переживший расколы двадцатых и тридцатых годов, отворачивался от церковных соблазнителей, как только их самозванство или авантюризм и, тем более, предательство становились для него ясны. И в этом отношении украинцы, сбивать с толку которых на их отторгнутых было западных землях германо-австрийская агентура пыталась всеми способами еще до войны 1914 года, не составляли никакого исключения: патриотический и жертвенный отпор, данный украинцами воинствующему германизму, говорит за себя. В обороне нашей великой и общей Родины в Отечественную войну вклад украинского народа весьма значителен в пропорциональном отношении к другим народам. Ведь Украина была одно время целиком занята врагом и пострадала от этого больше, нежели другие части страны.

Архиепископ (впоследствии митрополит) Псковский и Порховский Иоанн (Разумов)[61], в 1943 году бывший в сане иеродиакона келейником Патриаршего Местоблюстителя и сопровождавший его при эвакуации в Ульяновск, позднее в воспоминаниях об этом периоде писал:

«Проживая в Ульяновске, Святейший по-прежнему имел тесную связь через переписку со всей своей паствой. Особенно беспокоился он за ленинградскую паству во главе с Ленинградским митрополитом Алексием. Получая письма из города-героя, он со скорбью говорил: «Вот нам-то хорошо здесь и покойно, а вот им-то там каково, находясь в руках у смерти».

Выше мы говорили, что после первого прорыва ленинградской блокады в январе 1943 года стала возможной поездка митрополита Алексия к Патриаршему Местоблюстителю. До Ульяновска он смог добраться к 11 июля (28 июня по церковному календарю) в канун праздника апостолов Петра и Павла и в день памяти преподобных Сергия и Германа Валаамских (то есть в день тезоименитства митрополита Сергия).

В тот год Блаженнейший в последний раз в жизни праздновал день своего Ангела. Несмотря на обстоятельства военного времени, в Ульяновск съехалось семеро архиереев. Уже цитированный нами епископ Димитрий (Градусов)[62] так описывал свои впечатления от этого, как он выразился, «слета епископов».

«Отмеченное первое впечатление о теперешнем Патриархе Святейшем Алексии, – писал Преосвященный Димитрий, – еще более усугубилось во время последовавшего вскоре именинного обеда. Как сейчас помню: только что прибывший Ленинградский святитель – митрополит Алексий сидел в непосредственной близости Блаженнейшего, который с какой-то особой, чисто отеческой любовью смотрел на митрополита Алексия; заразительно, по-детски смеялся, слушая рассказ Владыки Алексия об его дороге в Ульяновск, которую тот с большим юмором сравнивал с описанием путешествия Павла Алеппского.

Зная, что у Блаженнейшего с Владыкой Алексием была длительная не только личная дружеская, но и служебная деловая связь, что Владыка Алексий долгий ряд лет был ближайшим сотрудником и помощником Блаженнейшего, поверенным его планов и дум, – мне была вполне понятна та «радость свидания», которую я с любовью, как младший епископ, наблюдал с противоположного конца стола.

Отмеченное выше превалирование молодости в облике Владыки Алексия особенно подчеркивалось контрастирующей, маститой старостью Владыки Сергия. Невольно напрашивалось сравнение того и другого с прославляемым на другой день первоверховным апостолом и его любимым учеником. Воочию было отображение Павлово-Тимофеевской дружбы».

Вскоре пребывание Местоблюстителя и Патриархии в эвакуации окончилось. Немцы были отброшены к Великим Лукам и Смоленску. Прогремела решающая битва на Курской дуге. Наша армия отодвинула весь фронт километров на триста к западу. Для Местоблюстителя стало возможным не только возвратиться в Москву, но и приступить к подготовке созыва Архиерейского Собора Русской Церкви для окончательной нормализации ее высшего управления.

В Москве 4 сентября глава Советского правительства И. В. Сталин принял Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия в сопровождении митрополита Ленинградского Алексия и митрополита Николая, бывшего тогда Экзархом Украины. Во время состоявшейся беседы митрополит Сергий довел до сведения И. В. Сталина, что в ближайшем будущем предположено созвать Собор епископов Церкви для избрания Патриарха Московского и всея Руси. Был также обсужден вопрос об открытии ряда духовных учебных заведений для подготовки пастырей Церкви. Глава Правительства отнесся с сочувствием к этим планам церковного руководства и заявил, что со стороны Советского правительства к их проведению в жизнь не встретится препятствий. Этот прием И. В. Сталиным трех митрополитов имел, таким образом, исторические следствия.

5 сентября состоялось торжественное служение в Богоявленском кафедральном соборе – первое по возвращении Блаженнейшего Местоблюстителя из Ульяновска. Ему сослужили многие прибывшие в Москву архиереи во главе с митрополитами Ленинградским и Киевским. При входе Первосвятителя в собор митрополит Алексий обратился к нему со следующей приветственной речью.

«Ваше Блаженство, Блаженнейший Владыко и Первосвятитель наш! Православная Москва с исключительной любовью и радостью сретает тебя и приветствует твое возвращение в свой град и к своей пастве после долгой разлуки с нею. Правда, паствою твоей является вся Православная Русь, но преимущественное право чтить в твоем лице своего непосредственного Архипастыря имеет Москва. Приветствуем тебя и мы, собравшиеся к тебе соепископы, соработники твои на ниве Христовой, приветствуем тебя, как своего Первосвятителя и отца, и в нашей соборной молитве к Господу будем просить Его благость даровать тебе еще много лет и много сил для продолжения подвига твоего высокого священноначальственного служения Святой Церкви.

И твое благословение каждый из нас понесет своим пасомым, как священный дар и как благодатную силу, столь потребную всем в переживаемую годину суровых испытаний. Мы веруем, что совокупная молитва Церкви сильна низвести новую благодатную помощь нашему Отечеству, нашим доблестным вождям и воинам, с беспримерным мужеством и с таким явным успехом мощно поражающим фашистских злодеев, разбойнически покусившихся на целость и на честь нашей священной Родины.

Да будет благословенно, Блаженнейший Владыко, вхождение твое в сей храм твоих постоянных молитв и священнодействий, и да изольются с высоты Небес от Господа Сил на тебя и паству твою и на всех нас новые сугубые благодеяния и милости Божии».

По окончании службы митрополит Сергий призвал благословение Божие на свою паству и сообщил молящимся, что 8 сентября созывается Архиерейский Собор Русской Православной Церкви.

5. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви (8 сентября 1943 года). Избрание Блаженнейшего митрополита Сергия Патриархом Всероссийским. Интронизация Святейшего Патриарха Сергия (12 сентября 1943 года)

Собор епископов Русской Православной Церкви открылся 8 сентября 1943 года в день сретения в Москве Владимирской иконы Божией Матери (по церковному календарю – 26 августа). В Соборе приняли участие девятнадцать архиереев. Перед началом деяний Собора был пропет тропарь праздника «Днесь светло красуется славнейший град Москва».

После заслушивания докладов Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия и митрополита Ленинградского Алексия и одобрения их, митрополит Алексий внес на рассмотрение Собора следующее предложение.

«Уже давно среди нас, епископов, зрел вопрос о том, что необходимо довершить строительство церковное возглавлением нашей Православной Русской Церкви Патриархом. Владыка митрополит Сергий в течение семнадцати лет фактически несет обязанности Патриарха. В настоящее время мы здесь собрались Собором епископов, чтобы избрать Святейшего Патриарха.

Я думаю, что этот вопрос бесконечно облегчается для нас тем, что у нас имеется уже носитель патриарших полномочий. Поэтому я полагаю, что избрание со всеми подробностями, которые обычно сопровождают его, для нас является как будто бы и не нужным. Я считаю, что никто из нас, епископов, не мыслит себе другого кандидата, кроме того, который положил столько трудов для Церкви в звании Патриаршего Местоблюстителя. Думаю, что все преосвященные будут со мной согласны. У нас – уже определенный, единственный кандидат на патриаршее место».

Обращение митрополита Ленинградского было встречено восторженными возгласами «Просим!», «Аксиос».

Председательствующий митрополит Сергий обратился затем к членам Собора с вопросом, нет ли у кого-нибудь иного мнения. Ответом были общие возгласы «нет, единогласно», «единодушно», «всем епископатом», «всем Собором». Участники Собора поднялись с мест и дружно пропели «Аксиос».

Избранник ответил кратко, сказав, что его избрание будет продолжением служения, павшего на него много лет назад. Но служение это делается еще более ответственным – «необычайная почетность патриаршего звания требует и необычайной ответственности служения». «Я благодарю за то, что вы остановили свой выбор на мне и вручаете мне в новом звании продолжение служения. Прошу у всех молитв и всяческого содействия».

Простая, но торжественная краткость совершившегося вызвала радостный подъем у всех присутствующих архиереев. Митрополит Алексий объявил формулу поминовения нового Патриарха: «Святейшего Отца нашего Сергия, Патриарха Московского и всея Руси». Собор пропел затем тропарь Пресвятой Троице «Благословен еси, Христе Боже наш», после чего протодиакон провозгласил многолетие «Блаженнейшему Сергию, митрополиту Московскому и Коломенскому, избранному Патриарху Московскому и всея Руси».

12 сентября в Богоявленском кафедральном соборе Москвы, который с этого дня стал Патриаршим, состоялась торжественная интронизация Святейшего Сергия, двенадцатого Патриарха Московского и всея Руси. Когда по прибытии в соборный храм Патриарх взошел на архиерейскую кафедру, митрополит Киевский Николай поднес ему патриарший куколь, с вышитыми изображениями херувимов, который Святейший возложил на голову.

Затем с патриаршим жезлом к кафедре подошел митрополит Ленинградский Алексий и, вручая его Патриарху, произнес:

«Ваше Святейшество, Святейший Отец наш и Владыко, Патриарх Московский и всея Руси Сергий! Многократно собором епископов и сонмом пастырей встречали мы тебя и в сем святом храме и в других храмах твоего града, но в первый раз тебя сретаем облеченного в высокий и священный для русского народа сан Патриарха Московского и всея Руси. Многолетние труды твои и подвиги, соединенные со стоянием на Божественной страже первосвятительства в Церкви Русской, ныне увенчаны венцом полноты славы церковной и знамениями твоего священноначальственного служения.

Но слава твоя – и наша слава, и мы радуемся, сретая тебя и приветствуя, и прославляем Бога, венчающего тебя и нас милостию и щедротами. Да призрит Он с высоты престола Славы Своей на смиренные молитвы наши в Святой Церкви о тебе, Святейшем Отце нашем и Патриархе, и да ниспошлет тебе Свою небесную помощь в твоем высоком и многотрудном служении. Прими сей жезл патриарший в знамение того, что «жезл силы» посылает тебе Господь от Сиона, и вниди соединить твою благодарную и просительную молитву с нашею. И новые благодеяния Господни да нисходят на тебя и на ведомую тобой Церковь».

Так началось это двенадцатое русское патриаршество, которому Бог судил быть самым коротким в истории Русской Православной Церкви. На Московском патриаршем престоле Святейший Сергий пробыл восемь месяцев и три дня.

Испытание самой страшной из войн, развязавшей в мире такое «лютое телес озлобление», близилось к концу. И Патриарх Сергий это знал. В победоносном для нашего оружия исходе этого великого бедствия он, как мы видели, никогда не сомневался. Веру в конечную победу он умел внушать всем своим сотрудникам и близким. Но напряжение всех сил, казавшихся неистощимыми, духовно исполинской личности, какой всю свою жизнь был Владыка Сергий (Страгородский), в военные годы подточило здоровье его. И гром нашей победы раздастся по всему земному шару, когда будут уже навсегда сомкнуты веки великого церковного труженика Патриарха Сергия.

Когда кончилась тяжкая, но победоносная брань и прогремело перед всеми народами сверкающее торжество земли нашей, патриарший жезл был уже вложен в руку нового Московского Патриарха – Святейшего Алексия, которого Патриарх Сергий с такой отеческой любовью готовил себе в преемники. И если земная жизнь Святейшего Сергия, долгая и трудная, полная внешних потрясений, тихо угасла, то особенно замечательным в ней было то, что эта жизнь во все времена была исполнена мира внутреннего, который возникал и постоянно возобновлялся из смиренной покорности воле Божией. Эта черта роднила предшественника с преемником – Патриарха Сергия с Патриархом Алексием.

Но надо отметить, что перед преставлением его, для окружающих – внезапным, Святейшему Сергию дано было черпать после пережитых народных бедствий утешение не только в уповании, но и в совершенной уверенности, что конец мировой и национальной трагедии близится. Сознание выполненного долга – долга перед Церковью и перед Отечеством – было другим источником утешения для Патриарха, знавшего и

утверждавшего, что сроки жизни его исполняются. А в жизни вверенной его попечению Церкви наступало время радовавшего его успокоения и просветления.

Иерархический строй ее был восстановлен и внутренние нестроения в большей мере исцелены. Воссоединение заблуждавшихся и отпадавших, в частности, введенных в соблазн обновленческим расколом, завершалось в духе единения и братства. Своему преемнику и ученику Патриарх Сергий оставлял великое наследие: церковный мир, который требовал поддержания и укрепления, но предпосылки которого были не только созданы, но и прочны.

За короткое время своего патриаршества Патриарх Сергий имел также возможность исцелить канонический разрыв, разделявший православную иерархию Грузии с Русской Православной Церковью. Разделение это возникло сразу после Февральской революции в России, когда древняя Грузинская Церковь приняла решение объявить себя автокефальной. Поскольку Грузия по воссоединении с Российской империей утратила государственную самостоятельность, древняя Грузинская Православная Церковь оказалась подчиненной Святейшему Правительствующему Синоду Русской Церкви в качестве Экзархата. Грузинская автокефалия более четверти века оставалась непризнанной Русской Церковью.

После избрания Блаженнейшего митрополита Сергия Патриархом Католикос-Патриарх всея Грузии Каллистрат, поздравив его, выразил надежду на восстановление общения между обеими Церквами. Патриарх Сергий и Священный Синод, убедившись в верности Грузинской Церкви вероучению и канонам Вселенской Православной Церкви, послали архиепископа Ставропольского и Пятигорского Антония (Романовского)[63] к Католикосу-Патриарху в Тбилиси, чтобы восстановить молитвенное и евхаристическое общение между Церквами-Сестрами.

Тот факт, что Грузия уже не являлась частью централизованного государства, как в начале 1917 года (когда ее Церковь, опираясь на свое происхождение, значительно более древнее, нежели возникновение христианства в Киевской Руси, объявила себя независимой), а стала одной из национальных республик, составляющих союзное государство – Советский Союз, облегчал признание грузинской автокефалии. По правилам Вселенских Соборов, церковные границы должны следовать границам государственным. Таким образом, канонические и юридические основания позволяли, как гласило синодальное определение от 19 ноября 1943 года, объявить, что «наша Русская Православная Церковь, оставив прошлому всякие законнические счеты и пререкания, с готовностью и радостью раскрывает свои сестринские объятия навстречу автокефальной Грузинской Православной Церкви, ищущей общения с нами в молитве и таинствах». И об этом патриаршим посланием были уведомлены прочие автокефальные Православные Церкви.

6. Снятие осады Ленинграда. Митрополит Алексий – член Комиссии по расследованию фашистских злодеяний в Петергофе и Пушкине

Между тем, хотя наша земля быстро освобождалась от вражеских полчищ, епархии митрополита Алексия еще бедствовали и требовали его напряженной и участливой заботы. После избирательного Собора 1943 года он возвратился в свой страждущий Ленинград. 11 ноября ему была вручена правительственная медаль «За оборону Ленинграда».

До самой середины января 1944 года фронт вокруг великого города оставался скованным. 14 января началось, наконец, освободительное наступление, отбросившее врага далеко в Прибалтику. На Рождество – бывшее последним Рождеством ленинградской

осады, а также и последним Рождеством в жизни Святейшего Патриарха Сергия, митрополит Алексий выпустил особое обращение к своей пастве в Новгородской и Псковской земле, которая уже третий год ждала освобождения под вражеской оккупацией.

«Мы верим, – восклицал митрополит, – что новый 1944 год принесет нам избавление от ига злобного фашизма, и великий Новгород, и Псков, и всю землю нашу снова озарит солнце радости бытия и счастья свободы; как в древние времена возвещал Господь скорбящему от бедствий народу Своему: «Воссияет вам солнце правды и исцеление в лучах Его... и изыдете, и взыграете... и будете попирать нечестивых, ибо они будут прахом под ногами вашими в тот день, который Я соделаю» (Мал. 4, 2–3), – так и ныне будет к нам милость Божия. Не с врагами нашими, предательски напавшими на нас и со звериной злобой бесчинствующими на захваченных ими землях наших пребывает Господь; с ними – слабая пред Богом сила человеческая, а с нами сила Божия, ибо мы стоим за нашу землю, за Родину нашу, защищаем священное достояние наше, за которое не раз проливали кровь свою наши предки. А враг «тою же дорогою, которою пришел, возвратится. Я буду охранять город сей, чтобы спасти его» (4 Цар. 14, 22–34), – говорит Господь. Как тать побежит враг из нашей земли, в которую он вторгся как разбойник...

Для меня, изволением Божиим давно уже поставленного в самую близкую духовную связь с Новгородом и новгородской паствой, особенно тягостна и горестна невозможность быть с нею в это скорбное время в непосредственном общении. Но я с вами неразрывно духом. И потому особенно горяча моя молитва о вашем скором избавлении. Веруем вместе с вами, что за вас молятся и благословляют вас, простирают покров свой над Великим Новгородом и над древним Псковом святые угодники Новгорода и Псковской земли: и святитель Никита, неусыпный молитвенник за свой город, и святые князья Александр Невский, и Всеволод-Гавриил, некогда отражавшие вражеские нападения на эти родные для них грады и веси. Они вместе с нами болеют за родную землю и молят Бога об избавлении. Да будут эти святые угодники Божии вашими хранителями, а вместе и хранителями и вдохновителями нашего победоносного воинства для скорейшего одоления врагов, засевших в наших древних пределах».

Пока еще длилась осада Ленинграда, в нем совершилось церковное событие, для верующего населения города имевшее большое значение. 9 января состоялось торжество возвращения Православной Церкви знаменитого Преображенского собора (в районе Литейного проспекта). Церковная община собора в этот день воссоединилась с канонической иерархией после длительного пребывания в обновленческом расколе.

После литургии, совершенной соборным духовенством, митрополит Алексий служил торжественный благодарственный молебен, перед началом которого, отвечая на покаяние, выраженное от имени всей общины настоятелем собора и председателем церковного совета, сказал, что Церковь принимает их покаяние с любовию и, по слову Христову «Грядущего ко Мне не изжену вон», возобновляет с ними благодатное молитвенное общение.

Это событие получило в то время подлинно всероссийскую огласку и вызвало искреннюю радость Святейшего Патриарха Сергия.

В начале 1944 года мощными ударами Советской Армии укрепления осаждавших Ленинград немцев были, наконец, сметены. К 20 января войска Ленинградского фронта разгромили позиции противника вокруг Ленинграда от Пулкова до Ораниенбаума. А в тот же день войска другого фронта – Волховского, с севера и юга охватив Новгород клещами, освободили древнюю столицу Руси. Вражеские армии этими победами были угнаны в пространство между озерами Ильмень и Чудским, сыгравшим такую исключительную роль в древней русской истории.

В воскресенье 23 января во всех храмах Ленинграда было отслужено торжественное благодарственное молебствие, перед началом которого было оглашено еще одно обращение к ленинградской пастве митрополита Алексия. Сам Владыка предстоятельствовал за богослужением в Никольском кафедральном соборе.

«Слава в вышних Богу, даровавшему нашим доблестным войскам новую блестящую победу на нашем родном, близком нам Ленинградском фронте, – говорил в этот день митрополит, – эта победа отозвалась неописуемой радостью в наших сердцах и вызвала в них новую горячую волну благодарности и любви к нашим славным, в подлинном смысле – победоносным, защитникам. Эта победа окрылит дух нашего воинства и как целительный елей утешения падет на сердце каждого ленинградца, для которого дорога каждая пядь его родной земли. Мы видим уже возвращение наших заветных по своим святыням и по историческим воспоминаниям древнего Новгорода и других священных памятников нашей великой русской истории. Исполнилось пророческое слово апостола: «Вознесет вас Господь в свое время» (1 Пет. 5, 6). Богу благодарение. Верующее сердце русского народа чувствует в этой победе силу правды Божией, за которую ополчился русский народ, и Божию милость, которая дарована нам по молитвам Церкви.

В духе умиления перед великой помощью и милостью Божией, в духе благодарности Богу «победителями нас творяще о Христе Иисусе» (2 Кор. 2, 14), я, как архипастырь ленинградской паствы, с особенной радостью воспринимаю эту весть о нашей победе, дарующей свободу нашим исстрадавшимся во вражьей фашистской неволе родным братьям и сестрам, и призываю паству свою молитвой встретить эту победную весть, весть о радости нашей. Будем молить Господа даровать нашим воинам сугубые силы продолжать в беспримерном подвиге одерживать новые и новые победы».

Снятие осады с многострадального Ленинграда позволило митрополиту Алексию лично пережить глубокое психологическое потрясение (сам он четверть века спустя характеризовал его как одно из самых сильных переживаний его жизни) при созерцании всего совершенного немецкими «культуртрегерами» (Святейший Патриарх с иронией употребил в беседе с автором настоящего очерка этот термин, означающий «носители культуры», которым немецкая интеллигенция кичливо определяла собственный народ до Первой мировой войны).

И автор этих строк имеет возможность засвидетельствовать тут, что Патриарх Алексий испытывал чувство восхищения перед великолепием городов – парков, кольцо которых окружало Ленинград. Этим объясняется неоднократное возвращение Святейшего к трагической теме о их разрушении современными вандалами.

В настоящем месте нашего изложения речь должна идти именно о впечатлениях от опустошения, какие митрополиту Алексию пришлось пережить непосредственно и сразу после изгнания немцев из обширной парковой и дворцовой зоны к югу и западу от Ленинграда, которая до их вторжения была наполнена уникальными историческими и художественными памятниками.

Для этого нам предстоит еще раз обратиться к документальному тексту самого митрополита, строки которого как бы насыщены горестным негодованием. Это – статья его, написанная под свежим впечатлением пережитого и носящая все черты и признаки испытанного им сильного волнения. Статья могла бы быть названа «человеческим документом»[64]. Тексты, носящие отпечаток эмоционального возбуждения, очень редки в архиве документов, вышедших из-под пера нашего покойного Патриарха, так как сдержанность была одной из наиболее типичных черт его характера.

Тотчас же после изгнания современных варваров из живописнейших на русском Севере мест, которые они имели возможность калечить, осквернять и грабить почти два с половиной года подряд и которые, не по своей воле, просто не успели прикончить взрывами целой системы заложенных мин, в Ленинграде была образована Областная комиссия по расследованию зверств и ущерба, нанесенных вражеской оккупацией. В состав комиссии пригласили войти митрополита Ленинградского. Комиссия осмотрела Петергоф и Пушкин через неделю после освобождения их от врага.

28 января (1944 г.) «...я посетил эти места, эти средоточия мировых памятников художества и непревзойденного искусства, – писал митрополит, потрясенный виденным в тот день. – Мы ехали туда с большими специалистами-художниками, с главным архитектором Ленинграда Н. В. Барановым, с профессорами Фармаковским и Доброклонским и другими лицами, имевшими задачей определить степень разрушения бесценных памятников.

С волнением, все возраставшим от удручающего впечатления от всего виденного по дороге – от валявшихся повсюду разбитых танков, и не только танков, но и еще не убранных трупов немецких дикарей,-подъезжали мы к Петергофу, к знаменитому Петергофскому дворцу – созданию «генерал-архитектора» Леблова, затем последовательно – итальянского зодчего Микетти, Растрелли, Фельтена.

Что же мы увидели? Мы увидели один остов огромного здания. Дворец полностью разрушен; от него остались одни стены, всюду пронизанные трещинами, обгорелые, с обвалившейся лепкой. Насквозь светятся его изувеченные окна, вся внутренность дворца уничтожена, сожжена, увезена. Немцами при отходе были заложены всюду мины – намеревались взорвать руины дворца, чтобы замести следы своих бесчинств, но не успели. Нас предупреждали не слишком свободно расхаживать у дворца и по парку, так как не все мины еще обезврежены.

От дворцовой церкви ничего не осталось, так же как и от растреллиевской галереи и «корпуса под гербом». Одним словом, вместо дворца теперь стоит скелет, готовый развалиться. К фонтанам подходить опасно – там мины. Да и от фонтанов ничего не осталось. Ничего. Даже часть массивного каменного круга, окаймлявшего «Самсона», разобрана; это фашистские воры устраивали проход, чтобы разобрать и утащить в Германию этот всемирно известный петергофский фонтан, по мысли Петра I изображавший «Сампсона российского, рыкающего льва свейского преславно растерзавшего». Уничтожены и увезены и все остальные фонтаны Петергофа, по выражению Леблона, – «душа царственных садов».

Вся фонтанная аллея, стрелой идущая от дворца к заливу, исковеркана варварами. Легкий ажурный мостик, переброшенный через Самсоновский канал, взорван, и от него остались одни свисающие вниз обломки. Разрушен знаменитый Львиный каскад, фигуры львов разбиты и валяются в грязном снегу. Гранитные колонны разломаны. От фонтанов «Адама» и «Евы» остались одни разбитые пьедесталы.

С трудом некоторые из нашей группы добрались до Монплезира. Там также все разрушено. Видимо, там были устроены немцами какие-то склады, остались следы полевых кухонь, конюшен. Мы видели в одном месте парка – бывшего парка, так как его теперь почти не существует, расположенные аккуратно дрова около землянок. Это срубленные немцами деревья Петергофского парка.

Известно, что парки в Петергофе, так называемые Верхний и Нижний сады, устраивались с исключительной тщательностью еще со времен Петра I, и это устройство стоило огромных трудов и средств, так как приходилось производить большие дренажные работы, сносить пласты глины, подвозить на баржах землю и удобрения. Из

Европы и самых отдаленных мест страны доставлялись в Петергоф десятками тысяч деревья – липовые, ильмовые, каштановые, кленовые и кедровые, ягодные кусты, фруктовые деревья, редкие цветочные луковицы.

Петергофские сады были истинно чудесным уголком природы. Еще при Петре было строго-настрого вменено «садовой части» следить за тем, чтобы «дрязга, сора, пенья, куренья не было в рощах». До последнего времени парки в Петергофе содержались в идеальном порядке и чистоте. Теперь вместо этих сказочных садов остались одни редкие обгорелые остовы деревьев. Все решетки в садах, а также прекрасные чугунные решетки Английского парка сняты и увезены в Германию.

Одним словом, весь дворцовый Петергоф разграблен и превращен в безнадежные руины».

Трагическая картина Петергофа, только что освобожденного от иноземных палачей и грабителей, считавших себя «господской породой», призванной нести миру высшую цивилизацию, становится еще трагичнее, когда митрополит Алексий переходит к описанию содеянного с жителями и населенными районами несчастного города.

«За Нижним садом, – пишет он, – начинается Ораниенбаумское шоссе, на котором стоит каменное здание старейшей в России гранильной фабрики. Она была основана еще при Петре I в 1722 году «для пилования и полирования мраморного и другого камня». Теперь и ее не существует. Вообще можно сказать, что в Петергофе, как Новом так и Старом, нет ни одного здания, полностью или частично не разрушенного. Прекрасный петергофский собор стоит с разобранными куполами, с которых немцы содрали золоченые листы, с разбитыми стенами, зияющими окнами. Говорят, они простреливали из пистолетов иконы в петергофском соборе.

Другие церкви представляют собой еще более удручающее зрелище. Разбита церковь бывшего Серафимо-Дивеевского подворья, совершенно разрушена кладбищенская церковь в Старом Петергофе. Там собрались, спасаясь от бомбежек, верующие и все, кто только мог добежать до нее, – старики, дети. В неимоверной тесноте – их была не одна тысяча, – задыхаясь в спертом воздухе, в течение нескольких дней и ночей, выбегая, чтобы глотнуть свежего воздуха, просидели эти несчастные люди в храме. Но это их не спасло: немцы упорно бомбили храм, затем обстреливали его из орудий и в конце концов превратили его в груды развалин, под которыми нашли свой ужасный конец несчастные петергофцы. Теперь, как памятник позорного фашистского зверства, лежит на земле огромная груда красных, напоенных кровью русских жертв германского злодейства, кирпичей.

На всем протяжении пути от Нарвских ворот в Ленинграде до Петергофа, можно сказать, нет ни одного целого здания; стоят почти сплошь одни остовы зданий, одни скелеты.

Разрушены здания в Стрельне – дворец и службы; та же картина и в бывшей Сергиевской пустыни и в других местах, украшенных в довоенное время прекрасными зданиями-дворцами и дачами».

«Из Петергофа наша комиссия проехала в Пушкин (бывшее Царское Село). Та же, что и в Петергофе, картина страшного разрушения, те же мины, разбросанные в зданиях дворцов и по дороге. Екатерининский дворец находится почти в таком же положении, как и Большой в Петергофе. Но еще можно пройти в него, впрочем только для того, чтобы удостовериться в бесцеремонном бесчинстве немцев: нижний этаж дворца был обращен ими в конюшни, и в верхнем, по-видимому, они сами расположились, чему доказательством является бесчисленное количество винных бутылок и банок из-под консервов.

Перед отходом они, видимо, пытались все разломать, исковеркать, все мало-мальски ценное, включая дверные ручки, утащить с собою. Одна комната особенно поражает своим видом – комната, стены которой были покрыты ценным фаянсом. Вся она в вышину человеческого роста разбита, изломана. Не везде там безопасно проходить – всюду разбросаны мины. Так выглядит полуразрушенный Екатерининский дворец.

Так же наполовину скелетом является Александровский дворец. В общем же картина от царскосельских дворцов тоже безнадежна, равно как и от парков, которые сильно разрушены.

Знаменская церковь, стоявшая около Лицейского корпуса, внутри вся разрушена; в нее тоже нельзя было войти, так как и она минирована. Внутренность ее вся сожжена, двери и окна разбиты. А между тем до войны она была в блестящем состоянии, в ней совершалась служба, в ней находилась очень чтимая населением икона Знамения Божией Матери... Вблизи этой церкви, в садике, находился замечательный бронзовый памятник Пушкину. На нем был изображен Пушкин в юные лицейские годы, сидящим в мечтательной позе на скамейке. Все им любовались в течение многих десятков лет. Его теперь нет, конечно.

Город Пушкин весь разрушен – в иных кварталах больше, в других меньше. Но так или иначе, он весь разбит и ограблен. С какой-то планомерной, тупой жестокостью, с потрясающим однообразием истребления.

Трудно даже представить себе, если кто не видел, а кто видел, тому трудно найти слова, чтобы описать всю мерзость запустения, в какую приведены места, куда ступила нога зверских разорителей, всю картину несказанного разорения, неслыханных зверств. Кровью и слезами залиты развалины этих некогда цветущих, радовавших взор и ласкавших эстетичское чувство прекрасных мест. История никогда, разве во времена нашествия гуннов, не знала таких масштабов преступлений против народа, какие совершаются гитлеровцами.

Но ко всему этому прибавляются еще более чудовищные преступления немцев – их надругательства над русскими людьми в Петергофе, в Пушкине и в других местах. Многие жители уничтожены или умерли от ужасных условий, либо угнаны в немецкое рабство».

«Возвращаясь в Ленинград, мы встретили по дороге большой отряд пленных немцев. Идут они с опущенными головами, с блуждающим взором, грязные, оборванные, в каких-то странных плащах, иные с тряпками на голове вместо шапок, все до одного с печатью Каинова проклятия на челе.

Дорога от Пушкина до Ленинграда так же разорена, как и дорога в Петергоф. Везде следы разрушения; везде разбитые орудия, танки, брошенные ящики из-под боеприпасов; земля выжженная, разрытая снарядами.

Проезжали мимо Пулковской обсерватории, ее больше нет. Пустое пространство – груда развалин. Также и Кузьминское кладбище, где были такие прекрасные памятники.

Мы приобрели силу переносить любые испытания. Мы можем побороть в себе любой страх. Но непреоборимым является жгучее чувство презрения и отвращения к разорителям наших вековых гнезд, к палачам дорогих нам собратий и сродников. Справедливый народный суд и праведный суд Божий мы призываем на их головы».

Мы привели почти полностью этот потрясающий отчет митрополита Ленинградского о поездке по окрестностям его епархиального града через несколько дней после их отвоевания у врага, более двух лет осаждавшего самый Ленинград, который обезумевший Адольф Гитлер обещал сравнять с землей.

Быть может, такой текст кому-нибудь покажется длинным для краткого жизнеописания Патриарха Алексия, но мы обращаем внимание читателей на то, что этот текст напоминает как бы извлечение из дневников самого Святейшего в бытность его правящим архипастырем непокоренного Ленинграда. И это даже не личные его воспоминания, написанные позднее, а собственное живое повествование о только что виденном и остро пережитом. Поэтому вышеприведенное нам представлялось особенно ценным в биографическом отношении для жизнеописания Святейшего Патриарха.

Продолжая рассказ о том, как в свое время подействовали на митрополита Алексия зверства и погромы, учиненные немцами, и уничтожение ими исторических памятников, мы хотели бы передать тут один разговор со Святейшим Патриархом в начале шестидесятых годов.

Святейший позволил задать ему вопрос: потеря каких из стольких погубленных в годы войны святынь наших более всего его поразила. Святейший Патриарх ответил сразу: «Гибель Спас-Нередицы. И осквернение и разгром новгородской Святой Софии. В ней я ведь получил благодать архиерейства. Когда поступили первые сведения из Новгорода, можно было опасаться, что она совсем разрушена. Слава Богу, она устояла, но все ее священные и исторические ценности вплоть до иконостаса оказались уничтоженными или расхищенными. Теперь она стоит пустой. Да и все новгородские святыни нам осталось только оплакивать. Храмы выжжены, если не разрушены. Их иконы и древние фрески в большинстве погибли безвозвратно. Если восстановить полуразрушенные храмы, останутся одни коробки. Правда, это не простые стены – в них за века возносилось столько молитв.

Для меня это особенно чувствительные утраты: новгородские святыни я так долго видел, знал, изучал, в них и перед ними я молился, служил, священнодействовал. Но эти потери тяжелы и невознаградимы не только для старых новгородцев. Это – потери всех русских всей России. Вы знали Новгород с детства. Если вы помните его хорошо, вам, конечно, ясно, насколько трагично уничтожение таких жемчужин, как самые древние из новгородских храмов: как церковь Благовещения Пресвятой Богородицы на Городище или Успения Божией Матери на Волотове поле, как храмы Спаса в Ковалеве, Архистратига Михаила, называвшийся «На Сковородке». От этих церквей остались одни горестные воспоминания.

Для меня особенно тяжело сознание, что Хутынский монастырь тоже превращен в груды развалин. Это была моя обитель и мой дом: я там настоятельствовал, я в нем жил. Там я столько раз служил у мощей преподобного Варлаама. Я даже одно время носил титул архиепископа Хутынского. Наш Хутынский Преображенский собор был одним из самых величественных храмов Новгородской земли; он был построен по подобию московского Успенского собора в Кремле. Теперь весь Хутынский монастырь – руины.

Георгиевский собор знаменитого Юрьева монастыря, основанного в начале XII века Ярославом Мудрым (в крещении имя его было Георгий), сильно поврежден обстрелом. Когда-то это был по великолепию один из самых известных храмов всей России. Богатство драгоценных украшений его образов и иконостаса было исключительным. Лично я очень тяжело пережил и уничтожение многих древних святынь Пскова и кощунственное разрушение взрывом собора в Новом Иерусалиме, которым я восторгался еще в ранней юности. Ужасно было и то, что немцы сделали с тихвинским Успенским монастырем. После разгрома его они похитили нашу чудотворную Тихвинскую икону Божией Матери, одну из самых чтимых во всей России. И вообще расхищение древних икон – тяжкое горе для православных русских людей».

Это высказывание Святейшего Патриарха Алексия было самым волнующим из всего, что автору этого очерка было дано услышать из его уст. Тем более что при сдержанности и самообладании Святейшего сказанное им выражало подлинную трагедию, пережитую им двадцатью годами раньше, без всякого сомнения очень глубоко.

Патриарх Алексий никогда не был многословен, в особенности в устных своих высказываниях. Переданная беседа о гибели церковных святынь и национальных сокровищ не была записана в свое время, но мы полагаем, что воспроизвели слова Святейшего Патриарха с предельной точностью, насколько позволяет память, но не уверены теперь, позволительно ли было заключать их в кавычки.

Если все же кавычки в данном случае поставлены, то не столько из-за строгой точности всех воспроизведенных выражений Патриарха, сколько из-за стремления отобразить горестный пафос, который в устах Святейшего звучал чрезвычайно редко. Что касается пишущего эту работу о Патриархе Алексии, то ему только раз довелось услышать от него нечто, сказанное с таким чувством и в таком тоне.

Заканчивая по необходимости весьма поверхностный обзор жизни и деятельности митрополита Алексия в годы Великой Отечественной войны, нам кажется нужным и допустимым выделить одно обстоятельство. И в настоящее время обстоятельство это надлежит даже особенно подчеркнуть: с тех лет, с той поры прошло уже более четверти века. Сам Патриарх Алексий пережил большинство своих современников разных, можно сказать даже – многих эпох. Несмотря на все значение личности Патриарха всея Руси, стоявшего столь долго во главе такой Церкви как Русская, о нем вообще написано ничтожно мало. Чем больше проходит времени, тем труднее будет восполнить этот пробел. Если в будущем окажется возможным – как надо надеяться – перечитывать и воспроизводить большую часть написанного или напечатанного за его подписью (и то, главным образом, за патриарший период его деятельности), то это все равно не даст полной картины даже одних только высказываний его. Таков уж был необычный, почти столетний период, в котором протекала его жизнь, резко отличный от времен, когда могли составляться – да и составлялись – биографии людей, жизнь которых протекала более размеренно, спокойно и, в конце концов, неприметно, чтобы не сказать банально.

Между тем, хотя бы только такие «девятьсот дней» как Ленинградская блокада, пережитые столь значительным духовным лицом, которому уже после этого испытания суждено было войти в историю и стать Патриархом Русской Православной Церкви, – явление настолько исключительное, что ему следовало бы быть описанным исчерпывающим образом, во всяком случае – всесторонне и детально.

Было бы, конечно, очень важно и ценно иметь возможность записать сказанное митрополитом Ленинградским Алексием в эти страшные месяцы осады и запечатлеть, как оно было воспринято слушателями. Мы доподлинно знаем, что слова его и высказывания, произносившиеся устно, тогда нигде не напечатанные и никем не записанные, воспринимались живо, чутко и глубоко тысячами и тысячами слышавших их, переживавших их в те трагические дни как окрылявшую надежду среди неимоверных бедствий, как целительное пастырское утешение в обстояниях свыше сил человеческих, как западавший в души действенный призыв к патриотической бдительности и жертвенности.

Но трагедия Ленинграда унесла стольких пасомых, истово внимавших своему архипастырю. И еще столько было перенесших истребительную катастрофу надорванными и изможденными, которые в десятилетие, последовавшее за избавлением, тоже ушли из этой жизни... Осталось уже мало участников и свидетелей одной из самых жутких эпопей мировой истории, какой была героическая ленинградская страда.

И все же в Ленинграде в стоустом предании живет память о том, что в те неповторимые 900 дней гневный глагол покойного Патриарха Алексия непрестанно дышал патриотическим горением архипастыря Церкви именно Русской. Переживания, думы и слово его отражали страдания его народа и его самого – сына этого народа.

Пафос, патриотический и национальный, которым митрополит Ленинградский воодушевлял свою страждущую паству во время столь тяжких испытаний, был прежде всего проявлением наболевших чувств русского человека, переживавшего во второй раз в своей жизни нашествие немцев на его землю.

Эти чувства митрополита Алексия полностью разделял и его старший собрат и руководитель Блаженнейший митрополит Сергий. Как и в отношении к Церкви и ее историческим судьбам, так и в отношении к Отечественной войне и вражескому вторжению, сопровождавшемуся столь страшным опустошением, оба святителя и будущих Патриарха – предшественник и преемник – были совершенно единомысленны и солидарны, переживая одни и те же сильные и возвышенные чувства. И это обстоятельство возымело особое значение для направленности и развития русской церковной жизни как в тридцатые и сороковые годы, так и в последующие десятилетия нашего века. Курс был тот же. И это понятно, ибо за первым кормчим, избравшим и положившим этот курс, у кормила церковного корабля, по воле Божией, встал другой кормчий, сохранивший и державший для него тот же курс. Это редкое единодушие и последовательность должны быть поняты всеми православными и неправославными христианами как подлинное проявление промыслительного попечения Божия о Русской Православной Церкви и как доказательство правоты обоих Патриархов, столь часто и столь решительно утверждавших, что Русская Церковь всегда была и остается со своим народом.

7. Кончина Патриарха Сергия (15 мая 1944 года). Местоблюститель Патриаршего престола – митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (Симанский) (15 мая 1944 – 2 февраля 1945 годов)

Святейший Патриарх Сергий, здоровье которого беспокоило его окружение в первые годы войны, весной 1944 года стал чувствовать себя лучше. В последний день своей жизни, 14 мая, он наслаждался ярким солнечным, почти летним днем и говорил, что не испытывает ни утомления, ни слабости. Было воскресенье, и Патриарх совершил Божественную литургию в Ризоположенском храме близ Донского монастыря, где в этот день состоялась хиротония архимандрита Макария (Даева)[65] во епископа Можайского, второго викария Московской епархии.

Днем и вечером Святейший Патриарх занимался текущими делами и провел в спокойном сне ночь. Утром 15 мая, проснувшись рано, Патриарх побеседовал со своим келейным архимандритом Иоанном и сказал затем, что может еще поспать до визита доктора, посещавшего его каждое утро.

Когда незадолго до семи часов архимандрит Иоанн вошел вновь к Патриарху, чтобы разбудить его, его поразила бледность лица Святейшего, который не подавал признаков жизни. Смерть наступила во сне, как определили врачи, от кровоизлияния в мозг, скоропостижно и безболезненно. Он в Бозе почил на 78-м году жизни.

В то же утро в присутствии членов Священного Синода было вскрыто завещательное распоряжение усопшего Патриарха (составленное в самое тяжелое время Отечественной войны – 12 октября 1941 года), в первом пункте которого говорилось:

«В случае моей смерти или невозможности исполнять должность Патриаршего Местоблюстителя, эта должность во всем объеме присвоенных ей патриарших прав и обязанностей переходит к Преосвященному митрополиту Алексию Симанскому».

Вслед за оглашением этого текста состоялось заседание Священного Синода, на котором митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий, согласно воле покойного и как старший по архиерейской хиротонии в русском епископате, был объявлен Местоблюстителем Патриаршего престола.

18 мая в Богоявленском патриаршем соборе отпевание и погребение Святейшего Патриарха Сергия было совершено сонмом архиереев и множеством священников при огромном стечении молящихся. Перед началом отпевания Патриарший Местоблюститель митрополит Алексий произнес надгробное слово, которое начал словами:

«Христос Воскресе! В муках скорби глубокой и тяжкой стоим мы у гроба Святейшего Отца нашего и Патриарха и провожаем его «в путь всея земли». Как осиротевшие дети, оплакиваем мы его, вспоминая, как еще так недавно, всего несколько дней назад, мы вместе с ним молились, радовались его бодрости, утешались его любовью и ласкою. Теперь же мы видим его в гробу, бездыханным, а скоро и этот дорогой для нас образ его сокроется в глубокой могиле...».

И в заключение своей речи, в которой митрополит обрисовал величественный облик почившего Патриарха как святителя Русской Церкви, сохранившего преемственность иерархии, чистоту веры, неприкосновенность священных канонов, как авторитетного православного богослова и как печалника русской земли – продолжателя дела Патриарха Гермогена и Преподобного Сергия, он сказал:

«Мы веруем, что пред лицом Воскресшего Господа нет умерших, а все живые, в видимом ли или невидимом мире, и для всех Он Един есть воскресение и жизнь, «несть Бог – Бог мертвых, но Бог живых» (Мк. 12, 27), «вси бо Тому живи суть» (Лк. 20, 38). И в этом наше утешение и радость в нашей великой скорби. Помяни же нас, Владыко святый, в молитвах твоих у Престола Господня, и если дано будет тебе дерзновение у Господа, умоли Его благость утвердить мир Церкви, послать мир и благоденствие Родине нашей, и всем и во всем Его всесильную небесную помощь, особенно же нам, оставшимся после тебя ученикам твоим, неисповедимыми судьбами Промысла Божия призванным по преемству принять жребий служения твоего, с непоколебимой решимостью идти только по твоему пути и следовать твоим, священным для нас заветам».

После мирной и безмятежной кончины Святейшего Патриарха Сергия, несмотря на преклонные лета его, безвременной и неожиданной не только для его близких, вся Церковь Русская испытывала чувство осиротелости. Сам почивший Святитель был давно готов к смерти, на которую он с молодости смотрел подлинно по-христиански – как на начало истинной жизни, к которой земное существование должно служить лишь подготовкой и предварительной стадией. А в последние годы, когда ему приходилось бороться с болезнями, Патриарх как бы готовил окружающих к неминуемости своего уже близкого расставания с ними, повторяя с характерным для него при всех житейских обстоятельствах шутливым юмором, что он уже давно живет «сверхсрочно». И когда наступил предначертанный предел для верного раба Божия, Патриарха всея Руси, ученикам его, как сказал Патриарший Местоблюститель митрополит Алексий, стало особенно отчетливо понятно и ясно, что, воспринимая жребий его, им надлежит с непоколебимой решимостью идти «только по его пути», следуя его заветам.

8. Воссоздание Духовных учебных заведений Русской Православной Церкви

Так началось возглавление Русской Православной Церкви Патриархом Алексием, которое продлилось почти двадцать шесть лет – из них более двадцати пяти лет в патриаршем сане. Патриаршим Местоблюстителем он оставался неполных девять месяцев (точно – 265 дней). За период местоблюстительства состоялось десять епископских хиротоний. Кроме того, два архипастыря, бывших на покое, получили назначения на архиерейские кафедры. К тому же периоду относится важное событие в жизни Русской Церкви – открытие после долголетнего промежутка первых духовных школ, подготовлявшееся при Патриархе Сергии.

Через месяц после преставления его, 14 июня 1944 года, в торжественной обстановке, в историческом московском Новодевичьем монастыре были открыты Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Алексием Богословский институт и Пастырско-богословские курсы (которые впоследствии были преобразованы в Московскую Духовную академию и Московскую Духовную семинарию, воссозданные в стенах Троице-Сергиевой Лавры в Загорске).

В речи на торжественном собрании, посвященном этому событию, митрополит Алексий говорил о христианских основах духовного просвещения.

«В начале пути вам особенно необходимо уразуметь, в чем именно заключается духовное просвещение или, что то же, духовная мудрость, и какими чертами она определяется. Святой апостол Иаков так определяет эту духовную мудрость – «первое убо чиста есть, потом же мирна, кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодов благих, несумненна и нелицемерна» (Иак. 3, 17).

Вот сколько доброго может приобрести человек, прикасающийся к истинной премудрости!

Итак, прежде всего мудрость христианская «чиста». Она чиста как по источнику своему, так и по цели. Ее чистый источник есть Бог, Его Слово, заключенное в Священном Писании, затем уясненное и приложенное ко всем сторонам жизни учением и духовными опытами Богомудрых отцов и учителей. Ее чистая цель есть также Бог, Его познание во Христе и разумение путей угождения Ему.

Отсюда поймите, как важно для вас, для всех стремящихся не слепцами ходить по жизненному пути, а с открытыми очами, подобно ученикам Христовым Клеопе и Луке, коим при соприкосновении с Господом, Источником всякого познания и разума «отверзостеся очи и позналa Его» (Лк. 24, 31), как необходимо и важно тщательное изучение Священного Писания, творений святых отец, правил и установлений церковных, причем изучение не книжное – сухое и оторванное от жизни, а соединенное с деятельным осуществлением изучаемых истин».

Мудрость христианская «мирна и кротка», «исполнена милости и плодов благих». Мирен и кроток должен быть и тот, кто для нее подвизается. Как в тихой неволнуемой воде отражается образ солнца, так только в тихой, не волнуемой страстями и всякими раздражениями душе может отразиться вышний свет духовной мудрости. Духовная мудрость дарована не для того, чтобы она служила орудием раздора и вражды между людьми, а для того, чтобы она содействовала духовному союзу людей во имя истины, во имя любви Христовой, подобно тому, как было у апостолов Христовых, которые, обладая истиною и мудростью духовной, были «связуемы союзом любви». Духовная мудрость учит нас в самой жизни проявлять слово пророческое «с ненавидящими мира бех мирен» (Пс. 119, 6).

Мудрость христианская «благопокорлива, несумненна и нелицемерна». Она провозглашает и дарует истинную духовную свободу. Но вместе с тем учит с апостолом «повиновению Господа ради» (1 Пет. 2, 13). Ревнующие об истинной мудрости

должны поднимать дух людей из рабской низости и духовного расслабления к свободному раскрытию и проявлению его сил, но в то же время утверждать его в свободном, без колебаний, и нелицемерном повиновении закону и власти, от Бога установленным, и охранять от своеволия, которое есть искажение и извращение свободы.

Вот, отцы и братие, чему вы должны будете одни – учить, а другие – учиться в этом новооткрываемом духовном вертограде богословского познания».

Приведенное выше поучение Патриарха Алексия очень типично для него как воспитателя и педагога, готовившего к пастырскому поприщу не одно поколение будущих священнослужителей Русской Православной Церкви. Не достигнув и тридцатилетнего возраста, он был преподавателем и церковным оратором, с амвона и кафедры выступавшим как проповедник-экзегет. Таким он был в должности инспектора и ректора семинарии, таким он остался и в тот период, когда он обращался к молодежи духовных школ в высшем церковном сане.

Вспомним, что он руководил восстановлением русских духовных учебных заведений уже в возрасте 67 лет, если можно так выразиться, в расцвете зрелости собственного духовного опыта. Духовное просвещение в середине нынешнего столетия требовало иного подхода, нежели в его первом десятилетии. Как и его мудрый предшественник на патриаршем престоле, Патриарх Алексий «умел связывать», как отметил на Поместном Соборе 1971 года его преемник Патриарх Пимен, «духовные традиции прошлого нашей Церкви с современной ее жизнью в новых исторических условиях.

Достойный хранитель духовных сокровищ нашей Церкви, как драгоценного опыта живой любви и богословского созерцания отцов и учителей Церкви, он научил нас любить и ценить эти духовные сокровища и традиции, завещал нам не только хранить их далее, но и укреплять, и умножать своей доброй христианской жизнью».

Почти все обращения Патриарха Алексия к учащимся духовной школы носили богословский характер. Богословствование в поучениях он перенял у собственного возлюбленного учителя митрополита Московского Филарета. Он приближался к знаменитому церковному писателю и по стилю, но стиль Патриарха Алексия отличался краткостью слога, делавшей мысль его особенно доходчивой при устном изложении.

Это позволяет сказать, что стиль Патриарха был замечательно современным по форме и стал поэтому образцом церковного языка для нового времени. Интересно привести тут мнение и оценку покойного ректора Московской Духовной академии протоиерея Константина Ружицкого, в неизданном исследовании «Богословские труды Святейшего Патриарха Алексия», писавшего в 1964 году:

«Еще в молодые годы своей церковной и педагогической деятельности будущий Всероссийский Патриарх возлюбил продолжателя святоотеческого «мудрствования» – Высокопреосвященного митрополита Московского Филарета (Дроздова), у которого измлада воспринял все духовное искусство богословствовать и быть подражателем его богословствования, которое не перестает действовать и доныне в рукописаниях Святейшего Патриарха Алексия, подлежащих нашему изучению. К числу характерных особенностей богословских трудов Святейшего Патриарха Алексия относится язык его творчества. Редкая сжатость речи, ее литературная безупречность, отлитая в совершенную форму слова церковного, соединяется с удивительной проницательностью ума и знания глубин человеческого сердца, четкостью, ясностью и неопровержимой доказательностью при богатой аргументации и редкой «притязательностью» «преизящной» стилистики, напоминающей святоотеческий язык митрополита Филарета».

Когда в нашем очерке речь будет идти о патриаршестве Святейшего Алексия, нам придется еще вернуться к вопросу о новой духовной школе Русской Православной Церкви. Пока мы излагаем главные события церковной жизни после преставления Патриарха Сергия.

Вторая половина 1944 года была отмечена началом занятий в Богословском институте и Пастырско-богословских курсах (то есть в высшем и среднем богословских учебных заведениях) в Москве, так как в стенах Свято-Троицкой Сергиевой Лавры разместить их тогда еще не представлялось возможным.

В конце июня Патриарший Местоблюститель митрополит Алексий обратился с посланием к пастырям и пасомым Русской Православной Церкви, в котором говорил:

«В первый день войны, три года назад, почивший Святейший Патриарх Сергий писал в своем послании пастырям и пасомым: «Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий народный подвиг». Исполнилось это вдохновенное слово старца Первосвятителя.

Церковь наша с первого дня войны, не прерывая молитвы своей ни на один день, за всеми службами церковными усердно молилась Господу о даровании успеха и победы нашему воинству: «О еже подати силу неослабну, непрооборимy и победительну, крепость же и мужество с храбростью воинству нашему на сокрушение врагов и супостат наших и всех хитрообразных их наветов...» Она подавала руку помощи скорбящим и страждущим от лишения на брани; она неустанно поминала пред престолом Божиим всех, «имже судил Господь положити на брани души своя». И молитва Церкви не была тщетной...». «Церковь наша, кроме молитв и благословения, собирала средства на многоразличные нужды обороны; по приглашению и по благословению Святейшего Патриарха она соорудила танковую колонну имени Димитрия Донского в память известного благословения, данного Преподобным Сергием двум инокам его обители стать в ряды бойцов войска князя Димитрия, благословения, которое даровало победу русскому воинству на поле Куликовом».

Четыре месяца спустя митрополит Алексий в письме на имя председателя Совета Народных Комиссаров СССР маршала И. В. Сталина сообщал: «В порыве патриотического воодушевления, по призыву покойного Патриарха Сергия, клир и верующие Русской Православной Церкви в течение всего военного периода собирали средства и жертвовали их на военные нужды, – в частности, на танковую колонну имени Димитрия Донского, – внося этим свою долю участия в великое дело борьбы, которую под Вашим верховным водительством так победоносно ведет весь русский народ... К настоящему времени общая цифра этих взносов доходит до 150 миллионов рублей, не считая пожертвований ценными вещами всякого рода. Несомненно, близкий конец войны уже виден: блестящие победы нашей доблестной Красной Армии громко свидетельствуют о скором разгроме германского фашизма; и на этом последнем этапе войны новые задачи встают перед нами. Я нашел благовременным призвать духовенство и верующих нашей Православной Церкви ознаменовать приближение победного конца войны всецерковным сбором щедрых пожертвований в фонд помощи детям и семьям бойцов доблестной Красной Армии... Для начала дела Патриархия вносит один миллион рублей»[66].

9. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви (21 – 23 ноября 1944 года). Доклад митрополита Алексия о патриотической деятельности Русской Церкви в военные годы. Подготовка Поместного Собора

К концу 1944 года епископат Русской Православной Церкви приступил к приготовлениям к своему Поместному Собору для избрания преемника почившего Патриарха Сергия. С 21 по 23 ноября в Москве заседал Собор епископов, задачей которого было разработать все вопросы, связанные с созывом Поместного Собора.

Председательствовавший на Архиерейском Соборе Патриарший Местоблюститель митрополит Алексий объявил на первом заседании, что все епископы соберутся на следующий день у могилы Патриарха Сергия в Богоявленском патриаршем соборе для общей молитвы.

Затем митрополит сказал: «Кончина Святейшего Патриарха Сергия была для всей нашей Церкви великим ударом и незаменимой утратой. Мы все, и архипастыри, и пастыри, почувствовали себя осиротевшими, лишившимися мудрого руководителя, который твердо стоял у кормила церковного и у кого всегда можно было получить совет, указание, наставление. За сравнительно долгое руководство им нашей церковной жизнью мы привыкли видеть в нем надежную опору во всех затруднительных обстоятельствах церковной жизни; мы знали, что он сумеет найти выход из самых трудных и запутанных положений, и мы были уверены, что он, с помощью Божией, введет корабль церковный в тихую пристань. И наши надежды оправдались вполне.

После многих лет бурного плавания настала для Церкви нашей пора более спокойной жизни, и в этом исключительно его великая заслуга перед Святой Церковью. По-видимому, земное послушание, данное ему от Господа, было выполнено; исполнен им был долг, завещанный от Бога, и с этим вместе окончилось и земное поприще его.

В старости добрей, почтенный здесь, на земле, высшим саном, как истинный Патриарх почил он от трудов своих, унося с собою в мир вечной правды сознание свято исполненного долга и оставив в сердцах наших светлую память о себе, как о любящем Отце и добром истинном Пастыре Церкви Христовой. Да будет незабвенному Владыке-Патриарху в Церкви Российской вечная память!

На всех нас лежит долг неуклонно следовать по его пути, и каждый из нас на своем участке работы в меру своих возможностей должен продолжать то дело, которому им положено начало, дело собирания церковных сил для благоустроения всех сторон церковной жизни».

Митрополит-Местоблюститель сделал затем обзор церковных дел за время патриаршества Святейшего Сергия и в месяцы, истекшие после его кончины (участие Церкви в патриотических начинаниях, связанных с войной; открытие храмов по стране; учреждение духовных школ; возобновление церковных печатных изданий; печатание богослужебных книг; мероприятия по расширению сферы церковной деятельности; вопросы церковной дисциплины).

«Я не касаюсь здесь обширной темы о задачах наших в области руководства вверенными нам пастырями, – сказал митрополит, – о воспитании в них пастырской ревности, благоговейного отношения к службам церковным... о долге нашем в этом отношении быть живыми и назидательными примерами для пастырей, чтобы с надлежащим авторитетом руководить ими, – об этом, я уверен, каждый из нас заботится и, в меру ревности своей и стремления, успевает.

Полагаю, что нет нужды распространяться и о том, что в своей архипастырской деятельности мы должны прежде всего хорошо знать и твердо усвоить церковные правила и установления и не допускать, в соблазн и в дурной пример вверенному нам духовенству, их нарушения. Церковное управление твердо дотоле, доколе мы остерегаемся переступить через рубеж правил церковных; коль скоро переступим однажды по какому-нибудь произвольному рассуждению, то уже трудно будет определить, где предел, далее которого нельзя идти. Один шаг через рубеж правил подвергает опасности многое и подает ревнителям повод к серьезным и основательным нареканиям. Для этого не нужно искать примеров, они у нас на глазах... Такого направления нашей деятельности требует церковная дисциплина, равно как и того, чтобы каждый из нас

держал постоянную связь с Патриаршим центром, который должен быть осведомлен о жизни епархий.

Наша главная задача, ради которой, как я сказал, мы собрались на настоящий Собор, состоит в том, чтобы совместным обсуждением подготовить дело избрания Святейшего Патриарха. О предполагаемом порядке этого избрания, о всех подробностях чина избрания и чина настолования мы в среде приезжавших за это время в Москву преосвященных рассуждали и, принимая во внимание исторические данные и правила и обычаи, каких держалась наша Церковь в подобных обстоятельствах в прежние времена патриаршества, пришли к известным решениям по этому вопросу».

Первый день Собора епископов прошел в обсуждении некоторых административных дел и вопросов, относившихся к каноническому положению отдельных епископов.

Второй день (22 ноября) начался совершением Божественной литургии в Богоявленском патриаршем соборе Патриаршим Местоблюстителем в сослужении соборного причта. Все прочие члены русского епископата лишь присутствовали за богослужением. После литургии митрополит Алексий в архиерейском облачении служил панихиду по Святейшем Патриархе Сергии у его могилы (возле левого придела соборного храма). Остальные архиереи окружали могилу, стоя в рясах и клобуках.

Перед началом панихиды митрополит Алексий произнес, обращаясь к епископам, краткую речь:

«Сегодняшняя служба наша – необыкновенная служба: у гробницы Святейшего Отца нашего Патриарха Сергия мы собрались всем собором архипастырей Русской Православной Церкви и, таким образом, вся наша Русская Церковь молится сегодня о упокоении души почившего в Бозе нашего Отца, молитвенника, наставника и руководителя. Многие из архипастырей впервые видят могилу Патриарха Сергия, после того как видели его живым.

Мы веруем, что Святейший Патриарх Сергий и по смерти своей жив у Господа и чувствует наше присутствие здесь и наши молитвы о нем, и радуется нашему молитвенному собранию у его гроба. Мы вспоминаем его любовь к нам, своим сопастырям, его кротость, его смирение. На всех нас простиралась его забота, его отзывчивость к нашим нуждам, его снисхождение к нашим немощам и недостаткам. Любовь его проявлялась к каждому из нас в бесчисленном ряде случаев, а его смирение проявлялось в том, что он, будучи выше всех нас во всех отношениях, относился к нам не только как к своим детям, но и как к братьям.

Мы все также любили и почитали его, как своего мудрого отца и наставника. А теперь искренно приносим к его гробу нашу печаль и молитвы о нем.

Наше церковное собрание здесь сегодня совпадает с праздником святой иконы Божией Матери Скоропослушницы. Это приводит нам на память, как Святейший Патриарх с особым благоговением чтил Божию Матерь. Его почитание Божией Матери сказывалось не только в том, что он составил несколько акафистов в честь Ее, но и в особом глубоком внутреннем почитании Матери Божией, и этого не мог не замечать всякий способный к наблюдательности.

Наши молитвы о почившем Патриархе Сергии да привлекут и его молитвы о нас, и да помогают нам эти загробные молитвы его в наших трудах и подвигах во славу Церкви Божией, как прежде помогали нам во всем его советы и руководство».

В тот же день 22 ноября на вечернем заседании архиерейского Собора был заслушан доклад архиепископа (впоследствии митрополит Ленинградский и Новгородский) Псковского и Порховского Григория (Чукова)[67] о проекте «Положения об управлении Русской Православной Церкви». Затем председательствующий митрополит

Алексий выступил с докладом о патриотической деятельности Русской Церкви в военные годы, подобным тем, которые были сделаны на избирательном Соборе 1943 года Патриархом Сергием и самим митрополитом Алексием, но с добавлением новых данных последнего года.

Приводить содержание доклада в пространных цитатах нам больше нет оснований, но надо все же извлечь из него небольшую выдержку, дающую представление об итогах жертвенных усилий Церкви.

«Я еще не имею в настоящее время полной сводки по сегодняшний день всех пожертвований на нужды войны, – сказал митрополит, – но и те цифры, которыми я располагаю, являются весьма красноречивым свидетельством стремления верующих русских людей вносить возможно большую долю участия в общее дело борьбы с врагом.

Я прошу вас прислать мне для предполагаемого отчета о патриотической деятельности нашей Церкви за военный период все ваши послания, обращения к пастве и т. д., а также цифру пожертвований – денежных, вещевых, облигациями, ценностями за весь военный период, какая определится к концу текущего года. До сего времени эти пожертвования определяются в общей сумме до двухсот миллионов рублей.

В октябре этого года я обратился ко всем верующим Русской Церкви с новым призывом: ознаменовать приближение победного конца войны всецерковным сбором пожертвований в фонд помощи детям и семьям бойцов доблестной Красной Армии, и я имею сведения, что уже собраны миллионы на это великое дело».

Архиерейский Собор вынес постановления о поддержке вновь созданных учебных заведений Русской Церкви и издательской деятельности Московской Патриархии. Указав, что «успех дела образования и воспитания будущих пастырей является необходимой предпосылкой укрепления церковного организма», Собор постановил, что он «поэтому должен служить предметом ревностной и повседневной заботы всех архипастырей Православной Церкви. Эта забота должна выразиться прежде всего в молитвенной и материальной помощи, а также в отборе достойных кандидатов из верующих для направления в Богословский институт и на Богословско-пастырские курсы... Ревнуя о возведении духовной школы на высоты стоящих перед нею задач, Собор признает необходимым в кратчайший срок создать неоскудевающий фонд денежных средств на нужды Православного Богословского института и курсов, и с этой целью возлагает на каждого епархиального архиерея нравственную обязанность, сопряженную с церковным послушанием, привлечь все приходы своей епархии к непременному участию в содержании этих духовно-учебных заведений».

На третьем заключительном заседании Собора епископов были одобрены программа созываемого в начале 1945 года Поместного Собора Русской Православной Церкви, порядок избрания нового Патриарха всея Руси и чин настолования – интронизации его. Было также постановлено послать приглашения на предстоящий Собор Восточным Патриархам, Патриарху-Католикосу Грузии и главам других автокефальных Православных Церквей.

После закрытия Собора председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Народных Комиссаров СССР Г. Г. Карпов устроил прием в Совете для архиереев, принимавших участие в Соборе. Прием явился ответом Г. Г. Карпова на пожелания ряда преосвященных увидеться и побеседовать с ним.

На приеме Председатель Совета выразил удовлетворение теми полными взаимопонимания отношениями, какие установились у него за 14 месяцев существования Совета с Патриархом Сергием и Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Алексием. В частности, Г. Г. Карпов отметил, что «немецкая политика стремилась

использовать Православную Церковь в качестве орудия для достижения своих разбойничьих планов для борьбы с советской властью, с советским народом. Но она натолкнулась на непреодолимое препятствие – на любовь и верность духовенства и верующих к своей Родине. Поэтому немцы стали грабить и разрушать храмы, убивать и истязать священников».

Далее Г. Г. Карпов сказал: «Те явления, которые сейчас происходят в жизни Церкви, во взаимоотношениях между Церковью и государством, не представляют чего-то случайного, неожиданного, не носят временный характер, не являются тактическим маневром, как пытаются представить это дело некоторые недоброжелатели или, как это иногда выражается в обывательских рассуждениях. Эти мероприятия вытекают из той тенденции, которая наметилась еще до войны и которая получила свое развитие в ходе войны... Мероприятия Советского правительства, относящиеся к жизни Русской Православной Церкви, находятся в полном соответствии с Конституцией СССР и носят характер одобрения той позиции, которую Церковь заняла в отношении Советского государства в последнее десятилетие перед войной и, в особенности, во время войны, направленной на скорейшее достижение победы над врагом».

Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви уточнил еще, что Совет «образован для осуществления связи между правительством Союза и Патриархом Московским и всея Руси по вопросам Русской Православной Церкви, требующим разрешения правительства»; что «Совет по делам Русской Православной Церкви обеспечивает правильное и своевременное проведение в жизнь на всей территории СССР законов и постановлений правительства, относящихся к Русской Православной Церкви, принимая меры к устранению всякого рода ненормальностей во взаимоотношениях между религиозными общинами и советскими органами на местах».

ГЛАВА IX

ТРИНАДЦАТЫЙ ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

1. Поместный Собор Русской Православной Церкви (31 января – 2 февраля 1945 года)

Десять недель прошло между окончанием Собора епископов и Поместным Собором Русской Церкви... 27 января 1945 года в Москву на Киевский вокзал прибыла первой из уже освобожденной Югославии делегация во главе с митрополитом Скоплянским Иосифом – Местоблюстителем Патриарха Сербского Гавриила, еще томившегося тогда в немецком плену. С митрополитом Иосифом была обширная группа церковных деятелей, в том числе епископ Нишский Иоанн и благочинный русских церквей в Югославии протоиерей Иоанн Сокаль – будущий архиепископ Смоленский и Дорогобужский Иннокентий (Сокаль)[68].

28 января самолетом прибыл из далекого Египта Блаженнейший Папа и Патриарх Александрийский и всея Африки Христофор. Другим самолетом прибыли – из Лондона представитель Вселенского Константинопольского Патриарха Вениамина архиепископ Фиатирский Германос, из Святой Земли – представитель Иерусалимского Патриарха Тимофея архиепископ Севастийский Афинагор, архиепископ Мариотский Афанасий Александрийского Патриархата.

И в тот же день на Курский вокзал прибыл из Сирии Патриарх великого града Антиохии и всего Востока Александр III в сопровождении митрополита Хопского Александра и митрополита Тиро-Сидонского Феодосия (будущего Патриарха). Наконец, на

Курский же вокзал в тот день прибыл из Тбилиси Католикос-Патриарх всея Грузии Каллистрат.

31 января вечером из Бухареста прибыл представитель Румынского Патриарха Никодима епископ Аржешский Иосиф.

На Поместном Соборе Русской Церкви 1945 года от имени семи автокефальных Православных Сестер-Церквей присутствовали три Патриарха, четыре митрополита, один архиепископ и четыре епископа в сопровождении более 20 клириков и мирян.

Поместный Собор 1945 года открылся 31 января в храме Воскресения Христова в Сокольниках в Москве. Присутствие вышеперечисленных Предстоятелей и представителей Автокефальных Православных Церквей – фактически Полноты Православия – придало этому Собору как бы вселенское значение. В истории Православной Церкви Собор не имел прецедентов и, можно сказать, выходил за рамки обычных соборов ее Поместных Церквей.

В состав Собора 1945 года входили 204 участника, из них 46 иерархов Русской Православной Церкви – 4 митрополита, 13 архиепископов и 29 епископов, 87 других клириков – 3 архимандрита, 2 игумена, 68 протоиереев, 8 иереев, 3 иеромонаха, 2 диакона, 1 иеродиакон и 38 мирян.

По образовательному цензу члены Собора распределялись следующим образом: 142 человека – с богословским образованием, 62 – со светским. Из числа участников Собора было 10 профессоров.

Собор открылся торжественным молебном, перед началом которого митрополит Алексий сказал, обращаясь к участникам Собора:

«С благоговейной молитвой ко Господу приступаем мы, всечестные отцы и братие, к соборному решению наших церковных дел. По слову Христову, «идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их», мы веруем, что и наше многолюдное собрание освящается присутствием Господним, ибо во имя Господа, во имя Церкви Христовой собрались мы делать дело Божие. Помолимся же Господу, да прострет Он предстательством Пречистой Матери Своей, Чей святый чудотворный образ, древняя святыня нашего града, находится среди нас[69], и молитвами святых московских святителей и чудотворцев благословение Свое на нас и да совершится на настоящем Соборе нашем еже изволися Духу Святому (Деян. 15, 28), во благо Святой Церкви. Аминь».

Последование молебствия было разработано на ноябрьском Соборе епископов. Отметим некоторые подробности и особенности.

Предначинательный возглас был как за литургией или за Рождественским молебном: «Благословенно Царство...». После возгласа обычное: «Царю Небесный», Трисвятое, «Отче наш», «Господи, помилуй» (12 раз). «Приидите, поклонимся...» (трижды). Затем псалом 66-й («Боже, ущедри ны и благослови ны...»). Великая ектения с двумя особыми прошениями после прошения «О плавающих, путешествующих...»: «О еже милостивым оком призрети на Церковь Русскую и святой Собор ее благословити и труды его к церковному устроению и общему нашему спасению благоплодны показати, Господу помолимся»; и «О предстоящих членах Священного Собора, от всея нашея страны собравшихся зде и ожидающих благодати Святаго Духа и требующих от Бога помощи и заступления, Господу помолимся». После «Бог Господь и явися нам» тропарь святой Пятидесятницы: «Благословен еси, Христе Боже наш, Иже премудры ловцы явлей...». Прокимен (Пс. 101, стихи 19 и 23): «Да восхвалят людие Господа, внегда собратися им вкупе, да работают Господеви». Апостол: Еф. 4, 1–6, 11–13 (зачало 224: «Молю вы, братие, достойно ходити звания в неже звани бысте»). Евангелие (зачало 67), взятое из главы 16 от Матфея – стихи 13–19, начиналось «Во

время оно пришед Иисус во страны Кесарии Филипповы...» и заканчивалось обетованием, данным Спасителем власти апостольской: «И дам ти ключи царства небеснаго: и еже аще свяжеши на земли, будет связано на небесех: и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесех».

В сугубой ектении прибавлены прошения: «Утешителя Твоего Духа на святыя Твоя ученики и апостолы низпославый, Того, Благий, обнови в сердцах всех на Собор сей святый во имя Твое собравшихся, даждь им мудрость и силу в трудех их, молимтися Тебе, услыши и помилуй» и «Пастырю добрый, расточенныя овцы Твоя во едино стадо собрати обещавый, утоли церковныя соблазны и разделения и вся заблуждающия от пути Твоего в покаяние и познание истины приведи и во двор Твой возврати и вся их во православней вере и в делании заповедей Твоих утверди, молимся Тебе, услыши и помилуй».

Молитва после сугубой ектении, произнесенная Предстоятелем митрополитом Алексием, выражала благодарение за благодеяния Господа, упование на ниспослание Собору духа премудрости и разума и моление о победе над врагом, напавшим на страну нашу: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, неизреченныя ради милости Твоея, Духа Твоего Утешителя от Отца низпославый на святыя Твоя ученики и апостолы и теми Церковь Твою во всей вселенней насадивый и утвердивый! Пред Тобою припадающе, яко раби недостойнии, благодарение о Твоих благодеяниих, российским людем от Тебе бывшим, усердно приносим и безмерную благость Твою к нам, грешным, исповедуем: от лет бо древних страну нашу светом Твоея истины просветил еси и род наш во спасительный двор святыя Церкви Твоея призвал еси. И ныне призри, Всеблагий Владыко, на собравшихся вкупе на Собор сей святый верных людей Твоих; даждь им духа премудрости и разума; вложи в сердца их дух страха Божия, дух благочестия и ревности о славе имени Твоего святаго; огради я от всяких искушений, соблазнов и разделений, да союзом любве к Тебе, своему Владыке, и друг ко другу связуеми, непреткновенно совершат дело служения своего в созидании Церкви Православныя, яко единаго Тела Христова. Приими, Господи, моление наше и о стране нашей, властех и воинстве ея во еже победити враги наша, напавшия на ны, да спасени Твоею всеблагою десницею не престанем в Церкви Твоей до конца веков исповедати и прославляти всесвятое имя в Троице славимаго Бога Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь».

Многолетие на молебне, которым начался Собор 1945 года, было тоже особенным, соответствующим духу прочих молитв: «Спаси, Христе Боже, и помилуй рабов Твоих, от всея нашея страны собравшихся вкупе ко благоустроению Церкви Твоея. Даруй им, Господи, благоденствие, единение веры и любви и сохрани их на многая лета».

Патриарший Местоблюститель митрополит Алексий, как председатель Поместного Собора, приветствовал членов и почетных гостей Собора, после чего объявил Собор открытым. Сразу после этого слово было предоставлено официальному представителю советского правительства в лице председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Народных Комиссаров СССР Г. Г. Карпову.

Приветственное заявление его представляло значительный интерес, и мы приведем тут большую часть его. «Правительство Союза Советских Социалистических Республик уполномочило меня, – сказал Г. Г. Карпов, – передать настоящему Высокому Собранию от имени правительства приветствие и наилучшие пожелания успешной и плодотворной работы по устройству высшего церковного управления. Советское правительство также поручило мне приветствовать почетных гостей Поместного Собора от Православного Востока в лице Патриарха Александрийского Христофора, Патриарха Антиохийского Александра III, представителей: Вселенского Патриарха –

митрополита Германоса, Иерусалимского Патриарха – архиепископа Афинагора, от родной Грузии – в лице Католикоса всея Грузии Каллистрата и от братских славянских народов – в лице представителя Синода Сербской Церкви митрополита Иосифа и всех сопровождающих архипастырей и пастырей[70].

Настоящий Поместный Собор, созванный для выборов Патриарха Московского и всея Руси и для принятия Положения по управлению Православной Церковью, является выдающимся событием в жизни Православной Русской Церкви. Я глубоко уверен, что решения Поместного Собора послужат делу укрепления Церкви и явятся важным отправным моментом в дальнейшем развитии деятельности Церкви, направленной на помощь советскому народу в достижении стоящих перед ним величайших исторических задач.

Поместный Собор Православной Русской Церкви собрался в обстановке, когда все народы нашей великой страны вместе со свободолюбивыми народами всего мира ведут священную освободительную войну против германского разбойничьего империализма, напрягая величайшие усилия для достижения победы над врагом, отдавая на алтарь Отечества жизнь и достояние миллионов людей.

Православная Русская Церковь в дни тяжелых испытаний, которым неоднократно подвергалась наша Родина в прошлом, не порывала своей связи с народом, живя его нуждами, чаяниями, надеждами, и вносила свою лепту в общенародное дело.

В церквах и монастырях зародилась письменность и складывались первые летописи о жизни нашей страны; стены церквей и монастырей неоднократно выдерживали осады иноземных завоевателей; многие выдающиеся деятели Церкви пожертвовали своей жизнью на благо Родины».

«И в наши дни, – продолжал Г. Г. Карпов, – когда гитлеровские разбойники злодейски напали на нашу священную землю, когда все народы Советской державы в могучем порыве поднялись на Великую Отечественную войну за свою честь, свободу и независимость, Православная Русская Церковь с первого дня войны приняла самое горячее участие в защите Родины всеми имеющимися в ее распоряжении средствами и возможностями.

Выдающийся церковный деятель, мудрейший старец, митрополит, а затем Патриарх Сергий, глубоко понимавший смысл происходивших событий, благословил православных на защиту границ Родины. В своих многочисленных посланиях и проповедях с церковного амвона он неустанно звал верных сынов Церкви на смертный бой с лютым врагом Советской страны – гитлеровской Германией.

В прошлом году Православная Русская Церковь понесла тяжелую утрату – умер Патриарх Сергий. По завещанию покойного Сергия управление Церковью перешло в руки старейшего по хиротонии митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия, заслуженного церковного деятеля, горячего патриота, не покинувшего своего поста во время 900-дневной блокады Ленинграда, который в полном единодушии с другими членами Священного Синода возглавляет Церковь после смерти Патриарха до сегодняшнего дня.

Патриотическая деятельность Церкви нашла свое выражение не только в посланиях, церковных проповедях, но и в сборе пожертвований на строительство танков, самолетов, на помощь больным, раненым, инвалидам, сиротам войны. Правительство Советского Союза с глубоким сочувствием относится к мероприятиям Церкви, направленным на борьбу с врагом».

В заключение своего приветствия Г. Г. Карпов повторил сказанное им на Соборе епископов в ноябре 1944 года об учреждении Совета по делам Русской Православной

Церкви при Правительстве Советского Союза и его задачах. Произнеся это приветствие от имени Правительства, он выслушал благодарственный ответ председателя Поместного Собора митрополита Алексия и покинул заседание Собора.

После приветственной речи заместителя председателя Собора митрополита Крутицкого Николая, обращенной к почетным гостям Поместного Собора – Предстоятелям и представителям Православных Церквей-Сестер, слово от имени Восточных Патриархов взял Блаженнейший Патриарх Антиохийский Александр III, учившийся и служивший в молодые годы в России и прекрасно владевший русским языком.

В своей речи он сказал: «Во главе этого празднества, созванного здесь в этот торжественный час, находятся, радуясь и воспевая победную песнь, представители Апостольских Церквей Востока, которые материнской любовью окружают Православные Церкви повсеместно, и в частности Святейшую Русскую Церковь».

От имени Грузинской Православной Церкви – «Церкви удела Богоматери» – Собор приветствовал Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх Каллистрат. Выступали и другие почетные гости.

Митрополит-Местоблюститель сделал обзор патриотической работы Русской Православной Церкви в годы войны. Архиепископ Псковский Григорий (Чуков) зачитал проект Положения об управлении Русской Православной Церкви, изложенного в 48 параграфах.

В первый день Собора этот проект обсуждался в выступлениях ряда епископов. Поскольку этот проект во всех своих принципиальных и практических сторонах разрабатывался в течение ряда лет еще со времени местоблюстительства митрополита Сергия, высказанные суждения совпадали и показывали полное единодушие членов Собора.

Последний вынес поэтому постановление перейти к голосованию проекта Положения, который и был единогласно принят и утвержден. Принятое Поместным Собором 1945 года Положение определяло, что высшая власть в Русской Православной Церкви принадлежит ее Поместному Собору, избирающему Патриарха всея Руси, который является Предстоятелем и первым среди равных епископов Церкви.

Патриарх – председатель Священного Синода Русской Церкви, им периодически собираемого для обсуждения и решения важнейших церковных дел, а также для избрания новых епископов, когда архиерейские кафедры освобождаются или вдовствуют.

Митрополиты Ленинградский, Киевский и Крутицкий по должности – постоянные члены Священного Синода, все прочие правящие епископы присутствуют в Синоде с равными правами в порядке очереди. В Поместных Соборах принимают участие епископы Церкви и избранные от епархий клирики и миряне.

В заседании Собора 2 февраля членом соборного секретариата протоиереем Н. Ф. Колчицким было оглашено телеграфное приветствие, полученное из Фанара от Вселенского Патриарха Константинопольского, следующего содержания:

«Радостно приветствуем начало деяний Священного Избирательного Собора. Великая Церковь Христова благословляет, желает полного успеха. Да совершит Господь Бог святое дело Собора для блага и славы Сестры – Российской Церкви. Патриарх Вениамин».

Были также зачитаны поступившие другие многочисленные приветствия.

В тот же день были заслушаны доклады проф. А. И. Георгиевского от мандатной комиссии и ректора Православного Богословского института и Богословско-пастырских курсов протоиерея Тихона Попова.

Затем было заслушано приветствие от бывших членов Поместного Собора Русской Церкви 1917–1918 гг., которые были допущены на Собор 1945 года как

полноправные члены. От их имени выступал маститый протоиерей А. К.Станиславский, благодаривший Патриаршего Местоблюстителя и Собор за предоставленную им возможность участвовать в нем и отметивший, что первый Поместный Собор был ознаменован восстановлением патриаршего престола, который вдовствовал с 1721 года, избранием Патриарха Тихона, а второй призван на тех же канонических началах избирать нового патриарха.

2. Избрание Патриаршего Местоблюстителя митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия Патриархом Московским и всея Руси (2 февраля 1945 года)

После ряда резолюций, принятых Собором по деловым вопросам, наступило время для важнейшего и торжественного акта – избрания Патриарха Московского и всея Руси. Член секретариата Собора, управляющий делами Московской Патриархии протоиерей Николай Колчицкий объявил:

«На Соборе епископов Русской Православной Церкви, состоявшемся в ноябре 1944 года, был принят порядок открытого голосования при избрании Патриарха Московского и всея Руси. В этом голосовании принимают участие все епископы Русской Православной Церкви. Каждый Преосвященный имя избираемого называет от лица своего клира и паствы своей епархии, предварительно обсудив на месте со своим клиром и паствой кандидата в Патриархи. Голосование, по принятому порядку, начинается с младшего по хиротонии Преосвященного».

Вслед за этим сообщением все члены Собора в архиерейском сане – митрополиты, архиепископы и епископы – облачились в мантии и пропели молитву, возглашаемую на всех православных соборах: «Днесь благодать Святаго Духа нас собра и вси, вземши Крест Твой, глаголем: Благословен грядый во имя Господне! Осанна в вышних!»

После сего началось голосование. Протоиерей Николай Колчицкий обращался поочередно ко всем архиереям, начиная с младшего по хиротонии епископа Краснодарского и Кубанского Флавиана (Иванова), с вопросом, кого они с клиром и паствой избирают Патриархом Московским и всея Руси.

Все иерархи отвечали: «Я, клир и паства вверенной мне епархии избираем Патриархом Московским и всея Руси высокопреосвященнейшего Алексия, митрополита Ленинградского и Новгородского».

После окончания голосования отец Николай Колчицкий произнес: «Теперь остается еще имя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Ленинградского и Новгородского высокопреосвященнейшего Алексия». Тогда поднялся заместитель председателя Собора митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич) и сделал Собору следующее предложение: «Ввиду единодушия, проявленного всеми преосвященными при избрании Патриарха Московского и всея Руси, разрешите, преосвященные собратья, нам освободить от личного голосования Патриаршего Местоблюстителя митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия».

Предложение митрополита было принято и он объявил: «Итак, Поместный Собор Русской Православной Церкви устами всех епископов нашей Церкви, от лица их самих, клира и мирян, Патриархом Московским и всея Руси единодушно избрал Патриаршего Местоблюстителя высокопреосвященнейшего Алексия, митрополита Ленинградского и Новгородского».

Протоиерей Н.Ф.Колчицкий обратился уже ко всему Собору с вопросом: все ли клирики и миряне, входящие в него, согласны с избранием Патриарха, названного всеми преосвященными? На это последовал звучный ответ: «Согласны!», за которым

весь Собор трижды воспел громовое «Аксиос». Огромный смешанный хор московских храмов исполнил в торжественном и знаменитом музыкальном переложении Д. С. Бортнянского «Тебе Бога хвалим» святителя Амвросия Медиоланского.

Имя избранника Русской Церкви было занесено в избирательную грамоту, которая была затем ясным и громким голосом оглашена митрополитом Крутицким Николаем: «Изволением Духа Святаго Священный Собор Русской Православной Церкви в составе преосвященных архиереев всех епархий Русской Церкви и представителей от клира и мирян каждой епархии, в присутствии Патриархов: Александрийского – Блаженнейшего Христофора, Антиохийского – Блаженнейшего Александра III; Католикоса-Патриарха всея Грузии – Святейшего Каллистрата; представителя Вселенского Патриарха – Преосвященного митрополита Фиатирского Германоса; представителя Иерусалимского Патриарха – Преосвященного архиепископа Севастийского Афинагора; представителя Сербского Патриарха – Преосвященного митрополита Иосифа и представителя Румынского Патриарха – Преосвященного епископа Иосифа, избрали Вашу Святыню Патриархом Московским и всея Руси».

Принимая эту грамоту из рук митрополита Николая, новоизбранный Патриарх сказал: «Избрание меня Поместным Священным Собором Православной Русской Церкви в благодарении приемлю и нимало вопреки глаголю». После чего было провозглашено первое многолетие «Высокопреосвященному митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Алексию, избранному Патриарху Московскому и всея Руси». И тут была произнесена от имени Собора приветственная речь, обращенная к новоизбранному архиепископом Астраханским и Сталинградским Филиппом (Ставицким)[71] хиротонии 1916 года. Архиепископ Филипп, достигший в то время шестидесятилетнего возраста, издавна славился как проникновенный церковный оратор. Обращение его к Патриарху Алексию при избрании его на Московский престол в свое время обошло весь мир и было воспроизведено на множестве языков.

Мы приводим тут несколько извлечений из Слова Владыки Филиппа: «Новоизбранный и нареченный Патриарх Московский и всея Руси митрополит Алексий! – начал он. – Собор епископов Православной Русской Церкви с чувством невыразимой радости приветствует тебя, возлюбленнейший Избранник наш. В великих исторических условиях мировой жизни и небывалых еще в истории Церкви Русской обстоятельствах, когда вся Вселенская Православная Церковь в лице своих Предстоятелей и представителей соединилась с нами в духовном, молитвенно-братском общении в сердце нашей дорогой Родины, изволением Святаго Духа, десницею Всевышнего, одними устами, одним сердцем, одной волей епископов, представителей клира и мирян Церкви Русской избран ты на престол Первосвятителей московских Патриархом Московским и всея Руси.

Когда я открыл книгу жизни, слово Божие, чтобы узнать, что возглаголет Господь о тебе в эту величайшую историческую минуту жизни нашей родной Церкви, я прочел следующие навеки незабвенные, драгоценнейшие слова великого Апостола языков: «Мы во всем являем себя, как служители Божии... в слове истины, с оружием правды в правой и левой руке» (2 Кор. 6, 7). И облобызал я с любовью и умилением эти золотые слова великого Павла и сказал в сердце своем: «Да, если когда, то именно теперь, когда мир, по слову апостола, «весь во зле лежащий» употребляет все усилия, чтобы с неправдой своей и с лукавством своим проникнуть даже в ограду Церкви Христовой, когда даже здесь бывают попытки тонкой подмены истины Христовой, смешения правды Божией с правдой человеческой, – тебе, как главе Церкви Русской, предстоит быть на страже истины Христовой, «с оружием правды в правой и левой руке».

Отныне ты будешь носить высокое наименование: «Святейший отец». В нем сосредоточиваются самые светлые, самые прекрасные, самые великие идеалы, чаяния и ожидания православного русского народа. Отныне сердца всех сынов Церкви Русской с верой будут устремлены к тебе как к носителю истины Христовой, правды церковной, совести христианской.

Если кто, то именно верующий русский народ любит правду, алчет и жаждет правды, тоскует по правде, чает того «нового неба и новой земли, где правда живет». Твое имя будет навеки благословенно, когда этот народ-правдолюбец будет всегда видеть в тебе твердого и непоколебимого поборника правды Христовой.

Скажешь: это подвиг. Да, ныне это – великий подвиг. Но разве не поспешат к тебе с небесной помощью те навеки незабвенные Первосвятители московские, на престол которых ты вступаешь ныне, и особенно Филипп, Гермоген и Никон, которым правда Христова была дороже жизни? Разве случайность то знаменательное событие, которое мы с такой радостью, с таким восторгом ныне созерцаем?

Ведь в лице сих бесконечно дорогих ангелов и представителей Восточных Церквей как бы вся Вселенская Церковь будет молиться с нами, чтобы Бог правды укрепил твои силы в великом подвиге правды. А мы, соработники твои, всякий раз, когда будем предстоять престолу Всевышнего, вечного «Солнца правды», с возлежащим на нем Агнцем, за мир, за правду вечную закланным, разве не будем мы с глубокой верой и любовью молиться о тебе: «В первых помяни, Господи, Святейшего отца нашего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, его же даруй святей Твоей Церкви в мире, цела, честна, долгоденствующа, право правяще слово Твоея истины».

Речь свою Преосвященный Филипп закончил просьбой к новому Патриарху: по древнерусскому православному обычаю принять от избравших его членов Поместного Собора земной поклон с горячим молитвенным пожеланием долгие годы украшать Русскую Церковь и вести корабль церковный по пути правды Христовой...

3. Интронизация Патриарха Алексия (4 февраля 1945 года)

Поместный Собор принял тексты Обращения к Правительству, Обращения к христианам всего мира, Послания к преосвященным архипастырям, пастырям и всем верным чадам Русской Православной Церкви.

По окончании Собора представителями восьми Православных Церквей, собранными в Москве, было выработано воззвание к народам всего мира, в котором благословлялась заканчивавшаяся освободительная борьба и предстоявшая по ее завершении послевоенная работа по организации мира.

Это воззвание было обнародовано 7 февраля 1945 года за подписями Патриархов: Христофора, Александра III, Алексия, Каллистрата, митрополита Германоса, архиепископа Афинагора, митрополита Иосифа и епископа Иосифа.

3 февраля состоялось торжественное всенощное бдение в московском Патриаршем Богоявленском соборе, совершенное соборне тремя Патриархами, восемью митрополитами и архиепископами и четырьмя епископами. Избранный и нареченный Патриарх Алексий еще в сане митрополита Ленинградского и Новгородского молился в тот вечер в своей крестовой церкви.

В начале настоящего очерка мы уже цитировали (говоря об «особой харизме богослужения» Патриарха Алексия) митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима (Нечаева)[72]. Как очевидец и участник подлинно исторического всенощного бдения, которое впервые служили в Москве три православных Патриарха, Владыка описал это редкое богослужение. Сам он накануне этого дня был в первый раз облачен в стихарь как новый иподиакон.

Мы прибегнем вновь к цитате из повествования митрополита Питирима в № 2 «Журнала Московской Патриархии» за 1970 год: «К субботе 3 февраля собор преобразился. Тогда во всем еще были видны следы военного времени и недавнего военного положения Москвы. Стены были темны. На окнах еще не сняты местами светомаскировочные полотнища, а стекла верхних ярусов перекрещены защитными полосками бумаги. Но теперь собор расцвел. Расцвел самым буквальным образом гирляндами живой зелени и ослепительно белой сирени. Старая позолота, блеск начищенных подсвечников и разноцветные лампадки, пурпур и золото пасхальных облачений в ярком свете прожекторов кинохроники превратили собор в невиданные райские сады. Привычно знавшие его замирали в недоуменном восторге. Подобного не видели давно, а может быть, и никогда».

На следующий день, 4 февраля, состоялось торжество интронизации митрополита Ленинградского, и с этого дня он стал известен всему миру как Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий.

И еще раз обратимся в этой связи к повествованию митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима: «4 февраля 1945 года – дата, принадлежащая истории в ряду великих дат. К ней не раз обращались церковные историки и будут обращаться впредь... Я хочу передать, сколь возможно, непосредственные впечатления и начну с весьма характерного рассказа нашего покойного отца ректора протоиерея Константина Ивановича Ружицкого.

Однажды на приеме у Святейшего Патриарха по делам Академии он брал благословение на представленный им список праздничных неучебных дней. Его Святейшество намерен был вычеркнуть, по глубокому своему смирению, день интронизации из ряда праздничных, говоря, что лучше посвятить его учебным трудам и тихой молитве. Отец ректор со всей силой красноречия стал возражать. Он говорил примерно так: «Представляете ли Вы, Ваше Святейшество, все значение этого дня для нас, рядовых священнослужителей? Для нас, вынесших годы внутренних церковных нестроений, для нас, переживших в годы войны горечь и бедствие фашистской оккупации, которая несла не только смерть и разорение, но и отраву лжи и враждебной пропаганды?

Мы слышали от оккупантов, что Русской Патриаршей Церкви больше нет, что нет православных архиереев, что в Москве не будет больше Патриарха, а если и будет, то поставленный немецкими захватчиками. И вот 4 февраля 1945 года! В Москве, сердце Родины и Церкви, – всеправославное торжество. В невиданном дотоле Соборе на Патриарший престол вступает преемник славы московских первосвятителей. Еще не стих смертный гул войны, а из Москвы по всему миру разнесся праздничный благовест, и мы, находясь далеко от столицы, слышали его. Мы воспряли духом на руинах наших поруганных и разоренных городов и церквей. Мы, верившие в конечную победу над врагом, еще раз пережили радость нашего освобождения, близость и теплоту единства со всем народом, со всей Церковью. Нет, Ваше Святейшество, что хотите сокращайте, но этот день оставьте нам и наследникам нашим!»

Возможно, я очень свободно передал этот рассказ отца ректора, с тех пор прошло почти 20 лет, но я хорошо помню пафос и волнение, с которыми говорил о своих переживаниях отец Константин. И это переживание – не его одного».

Нам не дано было присутствовать на литургии 22 января/4 февраля 1945 года в московском Патриаршем соборе в день, когда Церковь празднует память апостола Тимофея, но мы слышали от присутствующих, что в тот воскресный день, отличавшийся «лютым и сжигающим морозом и ветром», вокруг собора толпы были «как на Пасху», а внутри, «как рассказывали некоторые, особенно малорослые, держались в массе людей, не доставая ногами до пола».

Описывать последование всей Божественной литургии и настолования Святейшего Патриарха Алексия мы не имеем возможности. Но несколько моментов этого великолепного богослужения четырех православных Патриархов, в котором предстоятельствовал Блаженнейший Папа и Патриарх Александрийский Христофор, не упомянуть все-таки нельзя.

Это, во-первых, две выдержки из речей митрополита Киевского и Галицкого, Экзарха всея Украины Иоанна (Соколова)при поднесении новому Патриарху белого куколя, на воскрилиях которого были вышиты московские святители, его предшественники, и старейшего митрополита Крутицкого Николая при вручении Патриарху патриаршего жезла.

Митрополит Иоанн сказал: «Почти полтора года прошло с того момента, как в этом Патриаршем соборе, на этом самом месте ты радостно приветствовал с возведением в наивысшее иерархическое достоинство незабвенного Патриарха Сергия. Ныне же собрался здесь великий сонм святителей не только нашей Русской Церкви, но и других Православных Церквей во главе с Восточными Патриархами для возведения тебя на Патриарший престол всея Руси. Быть кормчим Русской Церкви в переживаемое нами время, в период великих мировых событий – это подвиг исключительного значения. На твои рамена возлагается величайшее бремя. Дай Бог, чтобы дух Святейшего Сергия, витающий в этом святом храме, почил на тебе обильно и помогал тебе быть истинным хранителем апостольских преданий и вести неуклонно корабль нашей Церкви по избранному почившим пути во славу Божию и на благо нашей дорогой Родины. Да благословит тя Господь от Сиона и узриши благая Иерусалима во вся дни живота твоего».

Митрополит Крутицкий Николай говорил: «Окончились дни вдовства Московского Патриаршего престола. После безмерной утраты, какую наша Церковь понесла с кончиной Святейшего Патриарха Сергия, после дней скорби, которую ты разделял, возглавляя Церковь как Патриарший Местоблюститель, Господь призрел на сирот, и в сегодняшний торжественный день изволением Духа Святаго твоя Святыня восходит на престол Патриарха Московского и всея Руси.

Русская Церковь знает о твоей деятельности во благо ее за 43 года твоего священнослужения, из коих 32 года ты пребываешь в святительском сане, и видит, что сан Патриарха является достойным увенчанием этих твоих многолетних ревностных и плодотворных трудов, понесенных для славы Церкви и нашей дорогой Родины.

Русский верующий народ видит на тебе сияние света незабвенного нашего духовного путевождя, великого старца Патриарха Сергия, благословившего тебя замещать его после кончины до избрания нового Патриарха: ведь ты в течение 18 лет разделял с ним бремя высшего управления Церковью как любящий и любимый им его старший по хиротонии – в ряду других епископов – сын. И мы верим, что Святейший Патриарх Сергий и ныне незримо благословляет тебя на твой высокий, ответственный путь служения Церкви.

Да подаст Господь тебе, наш Святейший отец, Свое Божественное благословение на твои новые подвиги для прославления Его имени и для утверждения веры в нашем народе».

В этих речах оба митрополита впервые обращались к новому Патриарху, титулуя его «Святейшим» и «Святейшеством».

Вторым и важнейшим моментом чина настолования нового Патриарха всея Руси, без сомнения, была его собственная первосвятительская молитва, произнесенная коленопреклоненно, которую все присутствовавшие в его соборном храме слушали

стоя. Перед восхождением на горнее место Патриарх при входе в алтарь отдал крест и дикирий и встал перед престолом. Архидиакон возгласил на амвоне: «Господу помолимся, рцем вси». В алтаре и на хорах громко и размеренно поют троекратное «Господи, помилуй». Святейший Патриарх, сняв куколь, прислонил его к левому плечу и отступил через Царские врата на солею, где архидиакон, повернувшись к стоящему в храме народу (то есть к западу) возгласил: «Вонмем». Тем временем Патриарх преклонил колена и при общем благоговейном молчании оставшейся стоять паствы прочитал молитву: «Боже всесильный, Отче Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, Егоже дал еси Пастыреначальника святей Твоей Церкви, Иже избра святыя Своя ученики и апостолы, ими же боговедение приимше светом Духа просветихомся и еже в Тя веровати научихомся. От них же преемством благодати Святаго Духа поставлен есмь и аз, недостойный, пасти стадо словесных овец в Великой, и Украинской, и Белой Руси, да наставлю их во спасение и приведу к Тебе люди избраны в Твое Небесное Царствие. Ты же, Владыко мой и Господи, настави мя в деле, на неже поставил мя еси, вразуми и управи мя в великом служении сем. Отверзи ми, грешному, устне и научи мя, како достоит и о ихже потребе молитися. Се бо страхом предстою Ти, в пучину милости Твоея отчаяние души моея поверг. Окорми живот мой, словом всю тварь неизреченною премудрости силою управляяй, тихое обуреваемых пристанище, и скажи ми путь, в онь же пойду. Дух премудрости Твоея моим подаждь помышлением. Дух разума безумию моему даруй. Духом страха Твоего мои осени дела. Дух правый обнови во утробе моей, и Духом Владычним мыслей моих поползновение утверди. Да на всяк день Духом Твоим Благим к полезному наставляем сподоблюся творити заповеди Твоя. И аз, грешный, Твою молю благость, елика просих, воздаждь ми во спасение. Даждь убо, Господи, людем паствы моея щедроты Твоя, да приведу их в Твои небесныя селения, и да вси едиными усты и единым сердцем восхвалим Тебе, Единого Бога во Отце, Сыне и Духе Святем в безконечныя веки. Аминь».

Так началось патриаршество Великого Господина и Святейшего Отца нашего Патриарха Московского и всея Руси Алексия – тринадцатое в истории Русской Православной Церкви.

ГЛАВА X

РОЛЬ ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ В АКТИВИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945 – 1958)

1. Посредническая миссия Патриарха Алексия в примирении Вселенской Патриархии и Болгарской Церкви. Снятие схизмы с Болгарской Церкви (март 1945 года)

Через месяц после своего избрания на Московский Патриарший престол Патриарх Алексий имел возможность выразить свою радость Патриарху Вселенскому Вениамину в известительной грамоте по поводу снятия долголетней схизмы с Болгарской Церкви. Известие об этом было получено от Экзарха Болгарии митрополита Софийского Стефана. Это было первым достижением нового Московского Патриарха, принявшего на себя с момента освобождения Болгарии посредничество между церковными властями Истамбула и Софии.

«Присутствие на Соборе нашем и на последующих церковных торжествах Блаженнейших Патриархов Александрийского и Антиохийского и представителя

Патриарха Вселенского митрополита Германоса и представителя Патриарха Иерусалимского – архиепископа Афинагора, а также представителей братских Церквей – Грузинской, Сербской и Румынской – было для нас и для всей Русской Церкви радостным, как благое знамение братского общения во Христе Православных Церквей и залогом укрепления духовной связи между нами в будущем. Известие же о снятии Вашим Святейшеством схизмы с братской нам Болгарской Церкви ... исполнило наше сердце особой радости и удовлетворения».

Снятие схизмы с Болгарской Церкви было первым личным успехом Патриарха Московского и всея Руси, начавшего переговоры об этом с Константинопольским Патриархом и его Священным Синодом еще будучи Местоблюстителем Русской Православной Церкви. Прибытие в Россию митрополита Фиатирского Германоса позволило закончить приготовления для благопрятного решения этого вопроса в Константинополе. Присутствие Патриархов Христофора, Александра и Каллистрата также способствовало успешному завершению его. 6 апреля 1945 года в Софию была направлена русская церковная делегация во главе с архиепископом Псковским и Порховским Григорием (Чуковым), в которую входили: архимандрит Иоанн (Разумов), протоиерей К.И.Мещерский и доцент Московского Богословского института А.И.Георгиевский, с поручением Святейшего Патриарха приветствовать с совершившимся избранием Блаженнейшего Стефана главой Болгарской Православной Церкви и с воссоединением ее со Вселенской Патриархией и со всем Православием мира через снятие с нее схизмы, наложенной еще до Освободительной войны 1877–1878 годов, в 1872 году.

«Ваше прибытие, – сказал, приветствуя русскую делегацию, Экзарх Болгарии митрополит Стефан, – бесспорно является важным историческим актом, началом новой для нас церковной эры, залогом установления новых, близких, совершенно искренних отношений между нашими Церквами и нашими братскими народами».

В послании Патриарха Алексия к Экзарху говорилось:

«Движимый утешительным и радостным чувством единения в святой православной вере, я еще раз, независимо от посланных мною раньше поздравлений Вашему Блаженству, братски приветствую Вас как с последовавшим 21 января сего года единодушным избранием Вашего возлюбленного Блаженства Экзархом Болгарской Церкви, так и с восстановлением благодатного братского общения и правильного канонического единения между Святой Вселенской Патриархией и Болгарской Православной Церковью. Благословен Господь наш Иисус Христос, давший Своей Церкви и чадам ее священную и благодетельную заповедь любви и благодатный дар духовного единения, простирающийся на все исполнение Святыя Соборныя и Апостольския Церкви.

Как плод этой священной о Христе любви и как знамение сего благодатного дара приняли мы с радостию вожделенную весть о снятии с братской нам Болгарской Церкви схизмы, так счастливо совпавшим с Вашим избранием и вступлением на престол Главы Церкви Болгарской, совершившимся сообразно с церковными правилами, добрым решением Священного Собора и православного болгарского народа».

2. Предоставление автокефалии Американской Церкви

Первым актом Святейшего Патриарха Алексия оказалось содействие восстановлению самостоятельности Болгарской Православной Церкви, а последним – учреждение самостоятельной Церкви Американской.

В Америке Православная Церковь была основана в XVIII веке с первыми русскими поселениями на Аляске и на Алеутских островах. Паства Русской Церкви в Западном полушарии составилась первоначально из поселенцев, прибывавших в русские

владения на побережье нынешних тихоокеанских штатов США, позднее – из западных губерний России (Гродненской, Виленской, Минской) и главным образом – из крупной эмиграции (многих сотен тысяч душ) из прежней Австро-Венгрии (из Червонно-Карпатской и Лемковской Руси – нынешней Западной Украины). Эти последние, прибывая в Америку в качестве униатов, возвращались в лоно Православия и вливались в русскую епархию.

Но это историческое явление относится к последним годам прошлого столетия и к началу нынешнего. Что же касается появления первых представителей русского православного духовенства, то его можно отнести еще к походам знаменитого Дежнева и ходивших с ним в бассейны Чукотского, а впоследствии и Берингова морей и в воды Аляски моряков-первооткрывателей, с которыми плавали и клирики. А это относится к середине XVII века.

Первые же русские православные миссионеры известны в Америке (первоначально на Алеутских островах и главным образом на Кодиаке) со второй половины XVIII столетия, когда обращение туземного населения в Православие становится обычным и уже организованным явлением.

Православное духовенство с тех пор имело постоянное пребывание во всех русских владениях на Американском материке. Русские гарнизоны стояли по всему Тихоокеанскому побережью от Новоархангельска (нынешний Отхи на острове того же имени) до Русской речки в Калифорнии, километрах в ста к северу от Сан-Франциско. В устье Русской речки сохраняется как исторический памятник знаменитый русский острог Форт-Росс. Неподалеку, около городка Калистого на горе святой Елены (названной по имени русской великой княжны), можно видеть мраморную доску, на которой высечено, что это название было дано горе после молебствия, совершенного русским духовенством.

Еще в 1793 году Святейший Синод направил в Америку Русскую Духовную Миссию, которая прибыла на Аляску на следующий год. Первым русским архиереем для Америки с титулом Кодиакского (в качестве викария Якутской епархии) был в 1796 году назначен епископ Иоасаф, погибший в пути во время кораблекрушения. Из семерых валаамских монахов-миссионеров один Герман дожил в пещере до 1837 года, когда преставился, овеянный ореолом святости. Ныне он причислен к лику святых Православной Церкви.

С 1823 года на Аляске подвизался Иоанн (в монашестве Иннокентий) Вениаминов, ставший в 1850 году епископом Камчатским, а в 1855 году еще и Амурским. Помимо своей огромной Дальневосточной епархии до отъезда с Аляски он распространил влияние Православия и в Америке, перенеся архиерейскую кафедру из Аляски в Сан-Франциско. В бытность архиепископом высокопреосвященного Тихона (Беллавина), будущего Патриарха, кафедра Американской епархии была перенесена уже в Нью-Йорк.

В двадцатых годах нашего столетия в Америку стала прибывать послереволюционная русская эмиграция, причем последние из них относились к так называемым прогрессивным лицам (то есть к выходцам из стран Европы и Азии, жившим в них до Второй мировой войны), среди которых возникало особенно много расколов.

После архиепископа Тихона Русской епархией в Америке правили: архиепископ Платон (Рождественский), впоследствии митрополит Херсонский и Одесский; архиепископ Евдоким (Мещерский), впоследствии архиепископ Нижегородский; архиепископ Александр (Немоловский), впоследствии митрополит Брюссельский и Бельгийский. В 1921 году митрополит Платон возвратился из Одессы в Америку и был вновь назначен Патриархом Тихоном на прежнюю свою Американскую кафедру. В годы

церковной смуты он подпал под прещение заместителя Патриаршего Местоблюстителя в 1932 году. Когда он скончался в 1934 году, преемником его был избран митрополит Феофил (Пашковский), а после смерти последнего в 1950 году – митрополит Леонтий (Туркевич).

При митрополитах Феофиле и Леонтии Московская Патриархия уже вела переговоры об урегулировании церковного положения в Америке. В 1945 году Святейший Патриарх снял церковное запрещение с покойного митрополита Платона посмертно. В 1946 году Собор Американской митрополии, созванный в Кливленде, признал Патриарха Алексия духовным главой и возбудил пред ним ходатайство о даровании митрополии церковной автономии.

Переговоры продолжались длительное время, осложняясь в известные периоды атмосферой так называемой холодной войны. Хоругвь Православия была воздвигнута на Американской земле Русской Церковью два века тому назад. Прежняя епархия, затем митрополия, берущая свое происхождение от Русской Православной Церкви и управлявшаяся русскими архиереями, стала ее духовной дочерью и созрела до самостоятельной жизни. Она окормляла православных христиан многих национальностей, ставших гражданами США и в большинстве своем родившихся от американских граждан православного вероисповедания, для которых английский язык – родной язык во втором или даже уже в третьем поколении. Ее первоначально миссионерский, главным образом, характер привел к обращению в Православие десятки тысяч верующих.

В шестидесятые годы духовная энергия митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима ((1978), установившего, в качестве председателя Отдела Внешних Церковных Сношений Московского Патриархата (с 21 июня 1961 года), постоянные деловые контакты с епископатом Американской митрополии, во главе с Митрополитом всея Америки и Канады Иринеем, привела переговоры к успешному завершению.

И в благодатно-положительном итоге Промысл Божий судил Святейшему Патриарху Алексию 10 апреля 1970 года, за неделю до своей блаженной кончины, председательствовать в Священном Синоде Русской Православной Церкви, на котором было принято историческое решение.

Из постановления Синода извлекаем выдержку, выражающую его суть: «Стремясь положить предел пагубному разделению, утверждая благословенный мир и Христову любовь, создавая этим основу для развития искренних братских отношений и сотрудничества, свидетельствуя добрую волю идти путем православного единства и принимая во внимание обращение к Святейшему Патриарху Алексию через высокопреосвященного митрополита Иринея Большого Архиерейского Собора Русской Православной Греко-Кафолической Церкви Америки, выражающего мнение и желание верных чад этой Митрополии об устроении Православной Церкви в Америке на началах Автокефалии; признавая автокефальное бытие благом для Русской Православной Греко-Кафолической Церкви в Америке, которая ныне представляет собой зрелый церковный организм и имеет все необходимое для своего успешного дальнейшего роста и независимого самостоятельного бытия, и считая, что это принесет пользу Православной Церкви», постановили: «любовию даровать Автокефалию Русской Православной Греко-Кафолической Церкви в Америке, о чем составить для направления Блаженнейшему Иринею, архиепископу Нью-Йоркскому, Митрополиту всея Америки и Канады, соответствующий Патриарший и Синодальный Томос».

Предоставление Автокефалии, или автономии Православным Церквам на территории самостоятельных государств, ранее бывших частями Церкви Русской, – характерное явление для Патриаршества Патриарха Алексия. Оно возобновляет древнюю

традицию Православной Церкви, опирающуюся на Апостольские правила и каноны Вселенских и Поместных Соборов, воссоздавая в наши дни каноническую закономерность для возникновения Поместных Церквей и их взаимоотношений с государственными новообразованиями.

В этом явлении отражается и забота Патриарха Алексия об укреплении межправославного единства. Именно ради единства православного мира предстательствовала Русская Церковь в лице Патриарха Алексия перед Вселенским Патриархом о снятии схизмы с Болгарской Церкви, ныне ставшей полноправной Сестрой Автокефальных Православных Церквей.

Патриарх Алексий всегда был последовательным поборником этого православного единства. Оно было заложено в основу и поставлено во главу его первого Патриаршего послания в самый день его интронизации. На открытии Московского совещания Глав и представителей Автокефальных Православных Церквей, состоявшегося в 1948 году в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви, Патриарх провозгласил:

«Пусть все исповедающие Христа узнают, что в мире есть единая Святая Соборная Апостольская Церковь, ведущая к вратам Царствия Божия, в неисчерпаемом изобилии обладающая всей полнотой благодатных даров Святого Духа».

3. Воссоединение зарубежных православных русских приходов с Московским Патриархатом

В двух районах Запада – по обе стороны Атлантического океана – в Западной Европе и в Америке конец двадцатых и начало тридцатых годов были ознаменованы параллельными и почти тождественными расхождениями зарубежных церковных иерархий, прежде подчинявшихся священноначалию Русской Православной Церкви, с линией, принятой Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием.

Расхождения эти в обоих случаях – как в западноевропейской иерархии, возглавлявшейся митрополитом Евлогием (Георгиевским), так и в американской, руководимой тогда митрополитом Платоном (Рождественским) – были вызваны нежеланием подчиняться указаниям Местоблюстителя и согласовывать жизнь зарубежных русских епархий и приходов с требованием центральной церковной власти об отказе их от политических выступлений против власти, существующей у них на Родине.

Еще и раньше, при Патриархе Тихоне, наша церковная власть добивалась от иерархов, оказавшихся за рубежами России, чтобы они не допускали превращения церковного амвона в некую трибуну их пасомыми – политическими эмигрантами – и чтобы сами они воздерживались от выступлений против советской власти.

Тенденции, проявившиеся в этот период в Европе и Америке, объяснялись общим непониманием того, что в советской России уже существовала новая государственная власть. Для Русской же Церкви не представлялось никакой возможности игнорировать этот факт. Необходимо было достичь согласованности с реальной действительностью. Местоблюститель и будущий Патриарх Сергий отдавал себе ясный отчет в этой необходимости и встречал полную поддержку со стороны образованного при нем Священного Синода, в котором в тот период Преосвященный Алексий, его будущий преемник, уже был его ближайшим помощником и единомышленником.

Как уже говорилось выше, известная декларация митрополита Сергия 1927 года была тщательно продумана окружавшими его архиереями и явилась выражением соборной мысли ответственных представителей высшей церковной власти.

Ставшая знаменитой формула в обращении к государственной власти: «ваши радости – наши радости, ваши горести – наши горести» не была понята за рубежом, где

представления о государстве, о власти, гражданском долге и патриотизме еще связывались с прошлым России; где на исторически уже сложившееся новое общество смотрели как на временное (в особенности в поколении, пережившем революцию в 50-летнем или даже 60-летнем возрасте). Многие из епископов, оказавшихся за границей после гражданской войны, не признавали себя даже эмигрантами, считая свое пребывание за пределами России каким-то временным и случайным явлением.

Не связанные между собой ничем, кроме принадлежности к той же Церкви и подчиненности одной общей церковной власти, митрополиты Евлогий (Георгиевский) в Париже и Платон (Рождественский) в Нью-Йорке поступили одинаково, не приняв указаний Патриаршего Местоблюстителя. В обоих случаях иерархи оказались под действием собственного прошлого, но главным образом под влиянием окружавшей их среды политически предубежденных мирян.

Митрополит Евлогий, не подчинившись Местоблюстителю и Синоду, был подвергнут церковному прещению и пытался найти для себя выход в обращении к Константинопольскому Патриарху – тогда Фотию II, который согласился временно принять его в свою юрисдикцию (в 1931 году), несмотря на неканоничность подобного решения.

Тут нелишне напомнить, что ядром Западно-Европейской митрополии послужили многочисленные русские храмы, обслуживавшие старые российские посольства и крупные европейские курорты, где всегда жило много русских. Так, на одной Ривьере, например, было пять каменных храмов на французской стороне и один – на итальянской. В Германии еще шесть таких же храмов. В Америке, где русские приходы насчитывались сотнями, митрополит Платон объявил (в 1933 году), что его Митрополия будет временно управляться самостоятельно впредь до «нормализации» ее взаимоотношений с Матерью Русской Церковью. Эта позиция опиралась на решение Собора Американской митрополии, созванного в 1924 году в Детройте.

Первоначально и митрополит Платон, и митрополит Евлогий были утверждены на своих постах Патриархом Тихоном, но оба они, после многократных предупреждений, были запрещены в служении в период местоблюстительства митрополита Сергия. В тот же период временно утратившая связь с Матерью-Церковью иерархия, первоначально созданная центральной церковной властью (сначала Святейшим Синодом, а затем Патриархом) в так называемой «полосе отчуждения Восточно-Китайской железной дороги» и оказавшаяся в «самостоятельной» Манчжурии, заняла позицию, сходую с позицией западноевропейских и американских архиереев.

Такое положение длилось до Второй мировой войны. Церковные нестроения излечиваются медленно, и воссоединить происшедние отколы было нелегко. От Матери-Церкви и ее Предстоятеля потребовалось много терпения и любви, чтобы собрать воедино заблудших овец.

Митрополит Евлогий тяготился своим ненормальным положением и отрывом от родной Церкви и от родной земли. После кончины Патриарха Сергия Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Алексий уведомил его о созыве в начале 1945 года Поместного Собора Русской Церкви для избрания нового Патриарха и пригласил его принять в нем участие.

Растроганный митрополит Евлогий, уже прикованный к одру болезни, которая через полтора года унесла его, к тому же не имевший возможности прибыть из Парижа в Москву на Собор вовремя по обстоятельствам военного времени, воззвал к вновь избранному Патриарху Московскому и всея Руси, прося воссоединить его и его паству с Матерью Русской Церковью. Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай

(Ярушевич), прибыв в Париж послом Патриарха, восстановил общение с митрополитом Евлогием и его викарными архиереями.

Впоследствии один из викариев высокопреосвященного Евлогия – митрополит Владимир (Тихоницкий), отказавшись подчиниться назначенному преемником почившего митрополита митрополиту Серафиму (Лукьянову), частично возобновил парижский раскол.

По долготерпению, для него столь характерному, Патриарх Алексий не налагал больше прещения на митрополита Владимира и его клир, но пожелавшая остаться вне ограды своей Церкви парижская архиепископия возвратилась в греческую юрисдикцию Вселенской Патриархии.

Из иерархии митрополита Евлогия архиепископ Александр (Немоловский) – последний дореволюционный правящий архиерей на Американской кафедре, затем архиепископ Брюссельский и Бельгийский, увезенный во время Второй мировой войны и заточенный немцами в Германии, а после победы вернувшийся в Бельгию, – был возведен Патриархом Алексием в сан митрополита, в котором и скончался.

Епископ Пражский Сергий (Королев), хиротонисанный в 1921 году во епископа Бельского, викария Варшавской епархии, возвратился на Родину и скончался архиепископом Казанским и Чистопольским.

После воссоединения с Русской Церковью в 1945 году всех иерархов и приходов Манчьжурии во главе с митрополитом Харбинским Мелетием (Заборовским) маньчжурские епископы (после кончины Высокопреосвященного Мелетия) возвратились на Родину и преставились на вверенных им Патриархом епископских кафедрах.

4. Миротворческая деятельность Русской Православной Церкви в послевоенный период

В первый же день своего патриаршества новый Патриарх в послании архипастырям, пастырям и верным чадам Русской Православной Церкви определил основы своего предстоящего служения. В центре его, во главу угла был положен долг Предстоятеля Поместной Церкви хранить ее единство и сознавать, что она – часть Вселенской Церкви Христовой. «Долг Патриарха, – говорилось в Послании, – хранить неизменность и неприкосновенность церковного учения, священных канонов и преданий церковных; охранять вверенную ему Поместную Церковь от разделений и расколов; насаждать доброе житие в своей пастве; иных «страхом спасать», иных по апостолу «обличать», «запрещать», «да всяко некие спасутся». «Великое обетование Христово: «Созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолеют ее» (Мф.16,18) – относится к Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви». <...>

Поместная же Церковь, по словам одного древнего писателя, иногда возносится к Небу, иногда опускается в бездну, иногда Христовою управляется силою, иногда колеблется страхом, иногда покрывается волнами страстей, иногда всплывает на веслах исповедания. <...>

Охранять ее от падения, возносить дух ее горе, поддерживать в ней горение духа – все это лежит на Патриархе и требует от него непрестанного бодрствования, «не давая сна очима и веждома дремания», принося Богу в жертву все способности и силы, весь труд и покой, и утешения, и скорби, и самою жизнь, должен он нести до конца принятый им подвиг, «внимая себе и всему стаду» ради Церкви Господа Бога, «юже стяжа Христос кровию Своею».

В приведенных словах Патриарх Алексий начертал программу своего патриаршества, повторяем, в самом начале его. «Как много может дать пастырь, – говорил Патриарх, – если он не о себе думает, а отдает себя на служение пастве, если он, по

словам пророка, не себя пасет, а вверенных ему духовных овец; если он, по выражению Премудрого, "приставит сердце свое к стаду своему"» (Притч.27, 23).

И вот когда преставился Патриарх Алексий после самого продолжительного в истории Русской Церкви патриаршества, не только осиротевшей пастве его, но и всем христианам стало ясно, что к нашему Патриарху не смогут быть применены грозные слова Божии, переданные пророком Иезекиилем о нерадивых пастырях: «которые пасли самих себя» и «слабых не укрепляли, и больной овцы не врачевали, и пораненной не перевязывали, и угнанной не возвращали, и потерянной не искали» (Иез. 32, 2-4).

Патриаршество Святейшего Алексия началось, когда подходила к концу страшнейшая из войн, пережитых человечеством. Но еще бушевала и грохотала эта война, оставившая за собой десятки тысяч разрушенных городов и селений, скосившая миллионы жизней, опустошившая столько душ, искалечившая столько судеб человеческих. Итоги этого небывалого бедствия еще не были подведены – им и не суждено быть когда-либо измеренными полностью.

На Первоиерарха Русской Церкви, всегда жившего со своим народом, болевшего его невзгодами и тяготами, разделявшего с ним все его испытания, ложилось бремя великих забот. Патриарх Алексий обратился к кровоточащей действительности сразу же, еще в то время, когда Великая Отечественная война не была завершена.

«Военное испытание, переживаемое нашей страной, и теперь благодаря самоотверженной доблести нашего воинства и беззаветному подвигу всего нашего народа милосердием Божиим приходящее к концу, открыло широкое поприще для нас, пастырей Церкви Христовой», – возвестил Патриарх. – Сколько тайн, страдания, сколько чудес долготерпения видим мы в наших пасомых! <...> Сколько горя обязаны мы утолить духовными утешениями, преподанием духовной силы и крепости. <...> Сколько страждущих душ призваны мы целить благодатными средствами. <...> Как широко раскрыты должны быть наши сердца пред жаждущими получить от нас духовную помощь. <...> Как горяча и сильна должна быть наша молитва, чтобы в сердцах наших пасомых не затухал огонь надежды на милосердие и помощь Божию!».

Необходимость преодолеть и исцелить зло, оставленное пронесшейся над миром войной, слилась с необходимостью предотвратить повторение ужаса в еще более губительных масштабах. Борьба за сохранение и укрепление мира на земле стала заботой и задачей Предстоятеля Русской Церкви в первые же годы его патриаршества.

Накануне пятилетней годовщины вступления своего на Патриарший престол Святейший Патриарх Алексий обратился к своим братиям – Предстоятелям всех Православных Автокефальных Церквей с Посланием об ответственности христиан за мир и о роли Православия в «этом главном христианском делании». Вспомним первые строки этого Послания:

«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф.5,9). Всякий день, с каждым восходом солнца этот Божественный призыв будит дремлющие очи нашего сердца. Ежедневно совершаемая бескровная Жертва напоминает нам о единожды совершенном очищении и искуплении всего мира Животворящей Кровью Христовой. Драгоценный залог мира между земным и Небесным вручен таинственному священству словесного Христова стада. Во всех «дворах овчих», особенно в Рождественские дни, отверзаются хвалебные уста и возносится пение: «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение». Ангелы с пастырьми славословят Господа. Они благовествуют мир на земле. Они воспевают надежду на достижение человечеством благой воли, ведущей к утверждению этого мира. Так все благое Божие домостроительство о нашем спасении направлено к установлению мира во всем ми-

ре, мира, некогда нарушенного в раю. Родился Христос – и всякая тварь, Небеса и земля веселится и радуется избавлению от клятвы».

Упорное и последовательное усилие Русской Православной Церкви словом и делом, увещанием и примером содействовать сохранению мира неустанно развивалось. Священноначалие нашей Церкви обращалось не только к своей пастве, но и к братским Православным Церквам, ко всем христианам, ко всем людям доброй воли.

У Церкви свои пути и средства: она стремится укоренить братство на месте недоверия и духом любви преодолеть дух ненависти. «Если мы, православные архипастыри и пастыри, теперь же не встанем все вместе и дружно на охранение жизни наших словесных овец, это будет означать, что мы сами потеряли веру в истинность слова Божия и в действенность силы этого слова», – говорил наш Патриарх много лет тому назад.

5. Преодоление последствий внутрицерковного кризиса. Ликвидация обновленческого раскола

Глубокий духовный кризис в самых недрах Русской Церкви, развязанный в первой половине XX века обновленческим расколом, был изжит с легкостью, удивившей современников, наблюдавших и комментировавших его возникновение, развитие и спад. Как внутри страны, так и за ее рубежами обновленчество могло казаться и казалось неизбежным следствием закостенелости русского религиозного сознания и отрыва его от путей, уготованных секуляризированной русской культурой после исторического перелома на пороге XVII столетия, известного под названием Смутного времени.

Последовавший в XVII веке раскол в результате церковных реформ Патриарха Никона, преобразования Петра Великого, эволюция русского мышления за весь петербургский период русской истории – явления значительные, чреватые историческими последствиями, слившимися в грандиозный комплекс, – давали повод самым различным толкователям – и протестантским церковным историкам, и католическим богословам, и экклезиологам, и даже православным иерархам Восточных Патриархатов – ожидать вслед за отделением в России Церкви от государства и предоставлением ей возможности самостоятельно устраивать свою внутреннюю жизнь возникновения русской Реформации наподобие европейской. Суждения, высказывавшиеся в двадцатые годы многими русскими церковными деятелями и специалистами, казалось, подтверждали основательность подобных прогнозов.

Однако уже патриаршество Святейшего Тихона показало, что «реформации» в русском Православии в послереволюционную эпоху не произошло. Несмотря на соблазнительное поведение ряда иерархов и профессоров русской Духовной школы, церковный народ сплотился вокруг своего Патриарха, первого из предстоятелей Русской Церкви, облеченного этим саном после перерыва синодального правления (1700 –1917). Посягательство на канонический строй Церкви было отражено.

В последние месяцы местоблюстительства митрополита Сергия и за краткий период его патриаршества ликвидация формальных проявлений обновленческого раскола была завершена. Патриарх Алексий унаследовал в числе прочих обременительных задач миссию преодоления последствий пережитого внутрицерковного кризиса.

Надлежало не только укрепить каноническое устройство Церкви, упорядочить иерархические отношения между клириками на всех уровнях – от епархиального до приходского, между пастырями и пасомыми, – надо было изгладить и устранить в душах верующих, как священнослужителей, так и мирян, и психологические последствия пережитого разделения, излечить нанесенную им травму.

Вступая на Патриарший престол, Святейший Алексий сознавал это как свою

главную и неотложную задачу.

«В Бозе почивший Святейший Патриарх Сергий, – говорил он в своем первом Патриаршем послании, – оставил нам завет «самоотверженно трудиться над очищением церковной ограды от всяких нестроений, накопившихся в ней по нашему нерадению». К этому же обязуюсь и я призвать всех чад нашей Православной Церкви, наипаче же преосвященных архипастырей и приходских пастырей. Им ведомы современные настроения в церковной жизни. Ведомо и повеление апостола о внимании – прежде всего к себе, а затем и ко всему вверенному стаду».

«Начать необходимо с себя, – говорил Патриарх, – если архипастыри имеют долг наблюдать за тем, чтобы порученные их попечению пастыри делали свое пастырское дело не как наемники, не радеющие о стаде, а как истинные пастыри, готовые «душу свою положить за овцы своя», подавая им пример твердости в вере, учительстве бескорыстию и неисканию «своего си», то и пастыри не только безупречностью личной жизни и кротостию, но и твердостию, молитвенным настроением, неленостным исполнением своего долга, исканием не «гнусной корысти» (1 Пет. 5, 2–3), а спасением своих пасомых должны подавать верующим добрый пример служения Христу и его Церкви».

«Только тогда, – предостерегал Святейший Патриарх, – от пастырей будет простираться сила на верующий народ, который с большим пониманием относится к личности каждого пастыря и прекрасно разбирается в том, который из них – истинный пастырь, молитвенник и раздаятель благодатных даров и который лицедействует в храме Божием, только "господствует над наследием Божиим"» (1 Пет. 5, 2–3).

«И, действительно, пасомые нашей Церкви поняли, что Патриарх и Отец их «хранит неизменность и неприкосновенность церковного учения, священных канонов и преданий церковных» и охраняет вверенную ему Поместную Церковь от разделений и расколов и что в переживаемое время для Церкви – это главное».

Поэтому первые же годы патриаршества Святейшего Алексия оказались целительными и принесли Русской Церкви успокоение и единство. Личные свойства ее Предстоятеля – его спокойствие, терпеливость и умеренность в большой мере способствовали необходимому замирению умов.

В наши дни уже трудно себе представить, что еще совсем исторически недавно лоно Русской Православной Церкви сотрясалось волнениями и раздорами. Сознанию верующего явлен новый пример того, как ведущий и все устрояющий Промысл Божий в разные эпохи вручает попечение о Церкви кормчему, наделенному нужными чертами и качествами.

Твердое и всегда безмятежное стояние Святейшего Алексия в неповрежденной апостольской и святоотеческой вере и характерное для него упование на промыслительную помощь Божию, которые роднят его с православными исповедниками былых веков, давали всей его пастве уверенность, что благожелательное и осмотрительное отношение его ко всем не может привести к попустительству. В вопросах вероучения, основных для Церкви вопросах, преемник первых двенадцати русских Патриархов являл непреклонность, которая служила нерушимой гарантией сохранения Русской Церковью верности Православию.

Архипастырям, олицетворяющим подлинную надвременную церковность, паства отдает свою верность, доверие и любовь, и лишь такие епископы Церкви излучают духовный авторитет, вокруг которого создается и витает атмосфера благоговения и душевной невозмутимости. А при таком состоянии души и сердца только и возможно осуществление прошения нашей ектении, повторяющего наставление апостола Павла: «Да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте».

6. Предоставление канонической автокефалии Польской Церкви (22 июня 1948 года). Учреждение автокефалии Чехословацкой Церкви (23 ноября 1951 года). Признание автономии Финлядской Церкви в пределах Константинопольского Патриархата (30 апреля 1957 года)

31 января 1945 года на торжественном молебствии, которым открылся в Воскресенском храме в Сокольниках Избирательный Собор Русской Православной Церкви, в сугубую ектению было включено прошение: «Пастыре добрый, расточенные овцы Твоя во едино стадо собрати обещавый, утоли церковные соблазны и разделения и вся заблудшие от пути Твоего в покаяние и познание истины приведи и во двор Твой возврати и вся их во православной вере и в делании заповедей Твоих утверди, молимся Тебе, услыши и помилуй!».

В те дни, как будто еще столь близкие, но уже отдаленные от нас целой эпохой, начиналось новое патриаршество, одной из основных черт которого должно было стать собирание стада Христова, возвращение во двор Божий расточенных и заблудших овец Его. Если в самой стране нашей последствия человеческого своеволия в Церкви были преодолены сравнительно быстро и безболезненно, за рубежом церковные нестроения потребовали упорных и терпеливых усилий. Многообразны и сложны были причины отпадения от Матери-Церкви различных территориальных групп или общественных течений верующих.

Предстоятелю Русской Церкви, ищущему своих «расточенных овец», более всех понятны были слова великого апостола: «Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?» (2 Кор. 11, 29). Ему подлинно приходилось «для немощных быть как немощный, чтобы приобрести немощных» и «для всех сделаться всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор. 9, 22).

Матери–Церкви и пришлось иных «увещевать», иных «обличать», иных «запрещать», «страхом спасать». Как мы уже видели, в двадцатых и тридцатых годах Русская Церковь познала уклонения одних и отпадения других.

В период между обеими мировыми войнами от Русской Церкви оказались отделенными ее епархии, находившиеся на территории Польши. Из них образовалась Митрополия, заключившая с Варшавским правительством договор о самостоятельности, условий которого не счел тогда возможным признать Патриарх Тихон. Однако Патриарх Константинопольский Григорий VII актом 13 ноября 1924 года признал не «отпущенную» Московским Патриархом Польскую Церковь автокефальной.

Впоследствии Польская Церковь вернулась в лоно Матери–Церкви Русской, признав полученную от Константинополя автокефалию «неканонической и недействительной». Дарования ей канонической автокефалии Польская Церковь просила затем у Матери – Русской Православной Церкви, из которой она произошла. Эта автокефалия была предоставлена Польской Церкви Святейшим Патриархом Алексием и Священным Синодом Русской Православной Церкви 22 июня 1948 года.

Ныне, после кончины главы Польской Православной Церкви митрополита Стефана (Рудыка), эту Автокефальную Церковь возглавляет Блаженнейший Митрополит Варшавский и всей Польши Василий, участвовавший в отпевании и погребении Святейшего Патриарха Алексия I.

Явление, в некотором роде схожее с положением в Польше в двадцатых-тридцатых годах, наблюдалось в Финляндии со времени провозглашения ее государственной независимости. Местные православные, которые окормлялись до революции архиепископами Финляндскими, назначавшимися Святейшим Синодом Русской Церкви, перешли в юрисдикцию Вселенского Патриарха. С таким односторонним решением

Русская Церковь не могла согласиться, и между нею и Церковью Финляндии на тридцать лет было прервано общение.

30 апреля 1957 года Священный Синод под председательством Святейшего Патриарха Алексия, «следуя неуклонному стремлению Русской Православной Церкви вносить дух мира и любви во все междуцерковные вопросы», постановил предать забвению все канонические споры и недоразумения, имевшие место между Церквами Русской и Финляндской, признать автономию Финляндской Православной Церкви в пределах Константинопольского Патриархата и установить молитвенно-каноническое общение между обеими Церквами. И за последнее десятилетие патриаршества Святейшего Алексия это общение стало особенно тесным и братским.

Между Русской Православной Церковью и ее Дщерью Православной Церковью Чехословакии (ныне Православная Церковь Чешских земель и Словакии. – *Ред.*) не было ни споров, ни тяжб. Православной Чехословацкой Церкви, бывшей Экзархатом Русской Церкви, 23 ноября 1951 года актом Патриарха Московского и всея Руси Алексия и всего освященного Собора Русской Православной Церкви – была дарована автокефалия, и она стала (в то время) «юнейшей Сестрой в семье Православных Автокефальных Церквей».

Православная Церковь Чешских земель и Словакии в настоящее время возглавляется Блаженнейшим Митрополитом Дорофеем, также приезжавшим отпевать нашего Святейшего, которого помнят и почитают все православные чехи и словаки.

7. Миротворческие инициативы Патриарха Алексия в отношении карловацкого раскола и трёх заграничных экзархатов

Особое место среди церковных нестроений занимало зарубежное течение, в котором дореволюционные политические нормы определяли отношение к Церкви и религии. Это течение с самого начала революционной эпохи превратилось в ожесточенный и непримиримый раскол, получивший название карловацкого по местонахождению его возглавителя покойного митрополита Антония (Храповицкого), некогда видного иерарха Русской Церкви, – в Сремских Карловцах (в Югославии). После смерти митрополита Антония Карловацкая группа возглавлялась митрополитом Анастасием (Грибановским), тоже умершим в весьма преклонном возрасте.

Карловчане претендовали на своего рода монополию в окормлении русских за рубежом и в силу этого постоянно входили в острые конфликты и распри с другими отколами, пока эти последние существовали. Карловацкий раскол – явление, ближе всего подходящее в современных условиях к типу религиозно-политической секты. В известной мере он повторяет прецедент раскольников XVII века. Тогда раскол был результатом религиозной и национальной самоуверенности и затмения вселенской идеи христианства.

Нетерпимая самоуверенность карловчан побуждает их считать лишь самих себя единственными обладателями христианской истины и охранителями чистоты Православия. Наряду с этим и как следствие этого они признают себя, и опять-таки только себя, «солью земли Русской». Трудно найти столь яркое проявление чистейшей гордыни.

Но и к ним, как и ко всем заблудшим и оторвавшимся, Патриарх продолжал проявлять свойственную ему терпеливую снисходительность. Отступникам, дерзавшим поносить его и родную Церковь, он мог ответить словами псалмопевца: «Не враг поносит меня – это я перенес бы... но ты, который был для меня то же, что я, друг мой и близкий мой, с которым мы разделяли искренние беседы и ходили вместе в дом Божий» (Пс. 54, 13–15).

Тем не менее карловацкая иерархия без колебаний дерзала противопоставлять себя на протяжении полувека не только трем каноническим Патриархам и не только Матери своей – Русской Православной Церкви, но и всей полноте Православия – Вселенской Церкви, поместной ветвью которой Церковь Русская является.

И именно этим мотивируется противостояние Вселенскому Православию со стороны потерявших всякое чувство меры раскольников: они не могут «простить» ему, что Русская Церковь – органическая часть его. Они не могут «простить» и Всемирному Совету Церквей участие в нем нашей Церкви. И Папе Римскому они не «прощают» сближение с ней. Это – мирская позиция нетерпимой политической предвзятости.

Мятеж карловчан против Матери–Церкви восходит к 1921 году. Против домогательств карловацкой группы покойный Патриарх Тихон выступил уже в Указе от 5 мая 1922 года. Двенадцать лет спустя Патриарший Местоблюститель Митрополит Сергий и Священный Синод Русской Православной Церкви вынесли постановление, в котором объявлялось: «Заграничных русских архиереев и клириков так называемой Карловацкой группы как восставших на свое законное священноначалие и, несмотря на многолетнее увещание, упорствующих в расколе, предать церковному суду по обвинению в нарушении правил Святых Апостолов 31, 34, 35; правил Двукратного собора 13, 14, 15 и других, с устранением обвиняемых впредь до их раскаяния или до решения о них суда, от церковных должностей (если таковые они занимают)».

Еще через одиннадцать лет Святейший Патриарх Алексий 10 августа 1945 года обратился с новым увещанием к архиереям и клирикам карловацкого раскола, в котором говорилось: «Испробовав безусловно все средства к сохранению мира и единства и к обращению отступивших от общения с Православной Русской Церковью, мы настоящим нашим посланием в последний раз простираем к ним слово увещания и предлагаем принести покаяние пред Церковью в сознании, что, как учит святитель Иоанн Златоуст, «разрывать единство и полноту Церкви – не меньшее зло, чем создавать ересь».

«Это уже последний призыв, – писал в заключение Патриарх, – над теми, кто останется и на этот раз глухим к нашему отеческому призыву, будет подтверждено решение Священного Синода Русской Православной Церкви 1934 года. Молим Господа, да вразумит Он поставивших свой разум выше Разума Церкви и в гордыне своей пребывающих в упорном коснении и по Своему бесконечному милосердию да приведет заблудших в ограду Церкви Своей, которая есть единый ковчег спасения и единый путь к Небесному Царствию».

В первый день своего патриаршества Патриарх Алексий ссылался на пророка Иезекииля. Мог ли он не помнить заклинания пророка: «Скажи им, живу Я, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был» (Иез. 33, 11). И «ни один из грехов его, какие он сделал, не помянется ему; он стал творить суд и правду, он будет жив» (Иез. 33, 16).

За все время своего стояния у кормила Святейший Патриарх Алексий в подходе к отпавшим и отделившимся от Матери-Церкви руководствовался этим наставлением великого ветхозаветного пророка.

Но ко всем призывам Матери-Церкви карловацкие раскольники оставались до сего времени глухи. Руководство их замкнулось в своем одиночестве, отгородившись от всего современного христианства. Растущая озлобленность карловчан отталкивает от них самих многих, соприкасающихся с ними. Немало епископов и священников, отрекшись от духа гордыни и самомнения, которым питались раскольники, воссоединились со своей Церковью.

В патриаршество Патриарха Алексия с Матерью-Церковью воссоединилось много иерархов, состоявших в разное время в иных юрисдикциях. Другие, не находясь в отделении и оставаясь в патриаршей юрисдикции, возвратились на Родину. Многие воссоединившиеся или возвратившиеся получали в управление епархии и преставились на своих кафедрах или уже уйдя на покой.

Назовем сначала трех Патриарших Экзархов, в Бозе почивших в своих Экзархатах: митрополита Евлогия (Георгиевского), Экзарха Западной Европы; митрополита Харбинского и Маньчжурского Мелетия (Заборовского), Экзарха Маньчжурии; митрополита Алеутского и Североамериканского Макария (Ильинского), Экзарха Северной и Южной Америки.

По воссоединению с Русской Церковью преставился на покое митрополит Дионисий (Валединский), бывший Варшавский, Волынский и всей Польши. Воссоединились и преставились на своих кафедрах: митрополит Брюссельский и Бельгийский Александр (Немоловский); архиепископ Филадельфийский и Карпато-Русский Адам (Филипповский), заместитель Патриаршего Экзарха; архиепископ Эдмонтонский и Канадский Пантелеимон (Рудык), брат митрополита Варшавского Стефана; епископ Сан-Францисский Дионисий (Дьяченко). В Болгарии скончался воссоединенный с Матерью–Церковью архиепископ Серафим (Соболев), окормлявший русские приходы в Софии.

В разное время возвратились, занимали архиерейские кафедры или пребывали на покое в монастырях блаженной памяти иерархи: митрополит Вениамин (Федченков), бывший Патриарший Экзарх в Северной и Южной Америке; митрополит Серафим (Лукьянов); митрополит Нестор (Анисимов); митрополит Виктор (Святин); архиепископы: Сергий (Королев), Антоний (Марценко), Димитрий (Вознесенский), Ювеналий, в схиме Иоанн (Килин), Симон (Ивановский), Алексий (Пантелеев), Иоанн (Лавриненко), Гавриил (Огородников), Иннокентий (Сокаль); епископы: Никандр (Викторов), Феодор (Текучев), Алексий (Дехтерев), Антоний (Васильев) и другие.

Приведенный выше внушительный список может служить наглядным подтверждением того, что Святейший Патриарх Алексий уже вошел в историю Русской Церкви как патриарх-миротворец, как примиритель и собиратель вверенного его окормлению словесного стада, умевший терпеть, ждать и «покрыть любовью» (и это было излюбленное его выражение) былые недоразумения, временные расхождения, любые расстояния или вызванную обстоятельствами разобщенность. Вероятно, никто не мог бы отдать должного его приветливости, дружественности и такту в такой полной мере, как святители, бывшие когда-то географически или психологически далеко от него и находившие у него затем такую радушную симпатию, уважение, деликатность и всегда ровное, братское отношение.

8. Возобновление богослужения в Троице-Сергиевой Лавре

С именем Святейшего Патриарха Алексия неразрывно связано восстановление Троице-Сергиевой Лавры. Через год после принятия им патриаршего титула, в Успенском соборе Лавры, в день Великой Пятницы, было совершено первое богослужение с выносом плащаницы. Храм был переполнен молящимися.

В пасхальное Воскресение 1946 года назначенный наместником Лавры архимандрит Гурий (Егоров) послал следующую телеграмму Патриарху Алексию: «Священнослужители и богомольцы молятся в Успенском соборе у раки Преподобного Сергия о Вашем Святейшестве и о всей Православной Церкви. Христос Воскресе!».

Святейший Патриарх ответил также телеграммой: «Христос Воскресе! С чувством особого умиления восприняли мы весть о восстановлении богослужения в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Радость великого праздника Воскресения Христова ныне усугубляется для нас радостью этого светлого лаврского торжества. Да будет сия Пасха поистине Пасхой избавления от скорби и непрестающей радости для всех притекающих к раце многоцелебных мощей Преподобного Сергия. Приветствую Вас и в Вашем лице священнослужителей и молящихся, удостоившихся первыми вознести свои молитвы в благодатной Лавре. Да будет простерто над всеми нами благословение Господне молитвами и предстательством Преподобного Сергия и да не забудет Преподобный посещать чад своих по неложному своему обетованию. Воистину Христос Воскресе!».

Историческое значение всего патриаршества Святейшего Алексия заключено в его отношении к Преподобному Сергию. В начале настоящего очерка мы уже говорили об этом его отношении, в котором такую исключительную роль сыграл великий учитель и самого Патриарха (и его отца В. А. Симанского) историк В.О.Ключевский. Надо понять это. Надо постичь, каково было впечатление, произведенное на пятнадцатилетнего мальчика Сергея Симанского речью В.О.Ключевского, произнесенной им на собрании Московской Духовной академии в стенах Троице-Сергиевой Лавры и напечатанной затем в ноябрьском выпуске «Богословского вестника» в 1892 году.

Мы просто не можем не привести некоторых мест из этой речи великого русского историка. Впечатление, произведенное на русского юношу, которому предстояло воспринять преподавание в той же Московской Духовной академии и пострижение в монашество в Лавре Преподобного Сергия с тем, чтобы впоследствии на самый продолжительный срок занять Всероссийский Патриарший престол, было столь значительно, что умолчать об этом впечатлении в его жизнеописании было бы невозможно. И без ссылки на самый источник этого впечатления мы не могли бы дать никакого представления о силе его.

«Пятьдесят лет делал свое тихое дело Преподобный Сергий в Радонежской пустыне, – говорил Ключевский, – целые полвека приходившие к нему люди вместе с водой из его источника черпали в его пустыне утешение и ободрение и, воротясь в свой круг, по каплям делились им с другими. Никто тогда не считал гостей пустынника и тех, кого они делали причастниками приносимой ими благодатной росы, никто не думал считать этого, как человек, пробуждающийся с ощущением здоровья, не думает о своем пульсе. Но к концу жизни Сергия едва ли вырывался из какой-либо православной груди на Руси скорбный вздох, который бы не облегчался молитвенным призывом святого старца.

Этими каплями нравственного влияния и выращены были два факта, которые легли среди других основ нашего государственного и общественного здания и которые оба связаны с именем Преподобного Сергия. Один из этих фактов – великое событие, совершившееся при жизни Сергия, а другой – целый сложный и продолжительный исторический процесс, только начавшийся при его жизни. <...>

Событие состояло в том, что народ, привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался наконец с духом, встал на поработителей и не только нашел в себе мужество встать, но и пошел искать татарские полчища в открытой степи и там повалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многочисленными костями.

Как могло это случиться? Откуда взялись, как воспитались люди, отважившиеся на такое дело, о котором боялись и подумать их деды? Глаз исторического знания уже не в состоянии разглядеть хода подготовки великих борцов 1380 года; знаем только, что Преподобный Сергий благословил на этот подвиг главного вождя русского ополчения

князя Димитрия Донского, сказав: «Иди на безбожников смело, без колебания, и победишь» – и этот молодой вождь был человек поколения, возмужавшего на глазах Преподобного Сергия. Чувство нравственной бодрости, духовной крепости, которое Преподобный Сергий вдохнул в русское общество, еще живее и полнее воспринималось русским монашеством. В жизни русских монастырей со времени Сергия начался замечательный перелом: заметно оживалось стремление к иночеству. <...>

В бедственный первый век ига это стремление было очень слабо: в сто лет, 1240–1340 годы – возникло всего каких-нибудь десятка три новых монастырей. Зато в следующее столетие 1340–1440 годов, когда Русь начала отдыхать от внешних бедствий и приходить в себя, из куликовского поколения и его ближайших потомков вышли основатели до 150 новых монастырей. Таким образом, древнерусское монашество было точным показателем нравственного состояния своего мирского общества: стремление покидать мир усиливалось не от того, что в миру скоплялись бедствия, а по мере того, как в нем возвышались нравственные силы...

Впрочем, исторические факты здесь говорят не более того, что подсказывает сама идея православного иночества. Эта связь русского монастыря с миром обнаружилась и в другом признаке перелома, в перемене самого направления монастырской жизни со времени Преподобного Сергия. До половины XIV века почти все монастыри на Руси возникали в городах или под их стенами; с этого времени решительный численный перевес получают монастыри, возникавшие вдали от городов, в глухой лесной пустыне, ждавшей топора и сохи. Так к основной цели монашества – к борьбе с недостатками духовной природы человека – присоединилась новая борьба с неудобствами внешней природы; лучше сказать, что вторая цель стала новым средством для достижения первой. <...>

Преподобный Сергий со своей обителью и своими учениками был образцом и начинателем в этом оживлении монашеской жизни, «начальником и учителем всем монастырям, иже в Руси», как называет его летописец. Монастыри, основанные учениками Преподобного или учениками его учеников, считались десятками, составляли почти четвертую часть всего числа новых монастырей во втором веке татарского ига, и почти все эти монастыри были пустынные монастыри. Но, убегая от соблазнов мира, основатели этих монастырей служили его насущным нуждам.

До половины XIV века масса русского населения, сбитая врагами в междуречье Оки и верхней Волги, робко жалась здесь по немногим расчищенным среди леса и болот полосам удобной земли. Татары и Литва запирали выход из этого треугольника на запад, юг и юго-восток. Оставался открытым путь на север и северо-восток за Волгу; но то был глухой и непроходимый край, кое-где занятый дикими племенами финнов; русскому крестьянину с семьей и бедными пожитками страшно было пуститься в эти бездорожные дебри. «Много было тогда некрещеных людей за Волгой», то есть мало крещеных, говорит старая летопись одного заволжского монастыря о временах до Сергия. Монах-пустынник и пошел туда смелым разведчиком. <...>

Огромное большинство новых монастырей с половины XIV до конца XV века возникло среди лесов костромского, ярославского и вологодского Заволжья: этот волжско-двинский водораздел стал северной Фиваидой православного Востока. Старинные памятники истории Русской Церкви рассказывают, сколько силы духа проявлено было русским монашеством в этом мирном завоевании финского языческого Заволжья для христианской Церкви и русской народности. Многочисленные лесные монастыри становились здесь опорными пунктами крестьянской колонизации: монастырь служил для переселенцев-хлебопашцев и хозяйственным руководителем, и

ссудной кассой, и приходской церковью и, наконец, приютом под старость. Вокруг монастырей оседало бродячее население, как корнями деревьев сцепляется зыбучая песчаная почва. Ради спасения души монах бежал из мира в заволжский лес, а мирянин цеплялся за него и с его помощью заводил в этом лесу новый русский мир. Так создавалась Верхне-Волжская Великороссия дружными усилиями монаха и крестьянина, воспитанных духом, какой вдохнул в русское общество Преподобный Сергий. Напутствуемые благословением старца, шли борцы, одни на юг, за Оку на татар, другие на север за Волгу на борьбу с лесом и болотом. <...>

Время давно овеяло эти дела в народной памяти, как оно же глубоко заметало вековой пылью кости куликовских бойцов. Но память святого пустынножителя доселе царит в народном сознании, как гроб с его нетлеющими останками невредимо стоит на поверхности земли.

Чем дорога народу эта память? Что она говорит ему, его уму и сердцу? Современным, засохшим в абстракциях и схемах языком трудно изобразить живые, глубоко сокрытые движения верующей народной души. В эту душу глубоко запало какое-то сильное и светлое впечатление, произведенное когда-то одним человеком и произведенное неуловимыми, бесшумными нравственными средствами, про которые не знаешь, что и рассказать, как не находишь слов для передачи иного светлого и ободряющего, хотя молчаливого взгляда.

Виновник впечатления давно ушел, исчезла и обстановка его деятельности, оставив скудные остатки в монастырской ризнице да источник, заведенный его молитвою, а впечатление все живет, переливаясь свежей струей из поколения в поколение, и ни народные бедствия, ни нравственные переломы в обществе доселе не могли сгладить его. Первое смутное ощущение нравственного мужества, первый проблеск духовного пробуждения – вот в чем состояло это впечатление.

Примером своей жизни, высотой своего духа Преподобный Сергий поднял упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее. Он вышел из нас, был плоть от плоти нашей и кость от костей наших, а поднялся на такую высоту, о которой мы и не чаяли, чтобы она кому-нибудь из наших была доступна.

Так думали тогда все на Руси, и это мнение разделял православный Восток, подобно тому цареградскому епископу, который, по рассказам Сергиева жизнеописателя, приехав в Москву и слыша всюду толки о великом русском подвижнике, с удивлением восклицал: «Како может в сих странах таков светильник явитися»?

Преподобный Сергий своей жизнью, самой возможностью такой жизни дал почувствовать заскорбевшему народу, что в нем еще не все доброе погасло и замерло; своим появлением среди соотечественников, сидевших «во тьме и сени смертней», он открыл им глаза на самих себя, помог им заглянуть в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там еще тлевшие искры того же огня, которым горел озаривший их светоч. <...>

Русские люди XIV века признали это действие чудом, потому что оживить и привести в движение нравственное чувство народа, поднять его дух выше его привычного уровня – такое проявление духовного влияния всегда признавалось чудесным, творческим актом: таково оно и есть по своему существу и происхождению, потому что его источник – вера. Человек, раз вдохнувший в общество такую веру, давший ему живо ощутить в себе присутствие нравственных сил, которых оно в себе не чаяло, становится для него носителем чудодейственной искры, способной зажечь и вызвать к жизни эти силы всегда, когда они понадобятся, когда окажутся недостаточными наличные обиходные средства народной жизни.

Впечатление людей XIV века становилось верованием поколений, за ними следовавших. Отцы передавали воспринятое ими одушевление детям, а они возводили его к тому же источнику, из которого впервые почерпнули его современники. Так духовное влияние Преподобного Сергия пережило его земное бытие и перелилось в его имя, которое из исторического воспоминания сделалось вечно деятельным нравственным двигателем и вошло в состав духовного богатства народа. <...>

Это имя сохраняло силу непосредственного личного впечатления, какое производил Преподобный на современников и тогда, когда стало тускнеть историческое воспоминание, заменяясь церковной памятью, которая превращала это впечатление в привычное, поднимающее дух настроение. Так теплота ощущается долго после того, как погаснет ее источник. Этим настроением народ жил целые века; оно помогало ему устроить свою внутреннюю жизнь, сплотить и упрочить государственный порядок. При имени Преподобного Сергия народ вспоминает свое нравственное возрождение, сделавшее возможным и возрождение политическое, подтверждает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной. Это возрождение и это правило – самые ценные вклады Преподобного Сергия, не архивные или теоретические, а положенные в живую душу народа, в его нравственное содержание. Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками деяний на общее благо, памятями деятелей, внесших наибольшее количество добра в свое общество. С этими памятниками и памятями срастается нравственное чувство народа; они – его питательная почва; в них его корни; оторвите от них его – оно завянет, как скошенная трава. Они питают не народное самомнение, а мысли об ответственности потомков перед великими народами, предками, ибо нравственное чувство есть чувство долга. Творя память Преподобного Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями нашего нравственного порядка, обновляем его, пополняя произведенные в нем траты. Ворота Лавры Преподобного Сергия затворятся и лампады погаснут над его гробницей только тогда, когда мы растратим этот запас без остатка, не пополняя его».

Последние шесть строк, которыми оканчивалась речь В. О. Ключевского, выражали с большой точностью настроение Патриарха Алексия. И это его настроение разделял с ним предшественник его Патриарх Сергий. Последний считал, что после окончания Великой Отечественной войны, при его жизни еще не завершенной, необходимо будет возбудить вопрос о возрождении Лавры перед советским правительством.

Вступив на Патриарший престол и пережив величайшую победу нашего оружия, Святейший Патриарх Алексий, разумеется, сразу обратился к нашей государственной власти с просьбой о разрешении растворить ворота Лавры Преподобного Сергия и возжечь лампады над его гробницей. Божественному Промыслу угодно было позволить Святейшему Патриарху Алексию в первый год его патриаршества стать священноархимандритом Свято-Троицкой Сергиевой Лавры и вернуть мощи Преподобного Сергия в их раку в Троицком соборе.

Огромные работы по восстановлению самой Лавры, которые начались еще в 1946 году, не прекращаются и по сей день.

Мы уже отмечали в своем очерке, что почивший Патриарх Алексий любил проводить в стенах Лавры Преподобного многие знаменательные дни своей жизни. День своего рождения 9 ноября Святейший Патриарх обычно находился в обители, где молился и причащался в Крестовом Патриаршем храме святого Филарета Милостивого. И, как мы также отмечали, по просьбе представителей русской церковной иерархии Патриарх согласился на более торжественное празднование своего дня рождения,

когда ему исполнилось 85 лет. Для этого он избрал день памяти преподобного Никона, Радонежского Чудотворца, бывшего учеником и первым преемником Преподобного Сергия.

И так же было отмечено скромное, почти келейное празднование пятидесятилетия епископской хиротонии Патриарха Алексия 11 мая 1963 года и торжественно – в день памяти Преподобного Сергия – 18 июля.

В тот год многие главы и представители Автокефальных Православных Церквей и Римской Церкви и других христианских исповеданий почтили этот день своим присутствием.

Бывший наместник Лавры архимандрит Пимен (Хмелевский) отмечал, что «святые врата Лавры гостеприимно открылись для десятков, сотен, тысяч иностранных и отечественных гостей. Лаврские колокола радостным перезвоном встречали приезжавших, которые, войдя в ворота обители, прежде всего направлялись к древнему Троицкому собору и к святым мощам Преподобного».

22 августа 1946 года наместник Лавры архимандрит Гурий был хиротонисан во епископа Ташкентского и Среднеазиатского. Вторым наместником возродившейся Троице-Сергиевой Лавры был назначен архимандрит Иоанн (Разумов), проведший на этом посту семь необычайно деятельных лет (из Лавры он был назначен в 1953 году епископом Псковским и Порховским и в 1972 году был возведен в сан митрополита). Под неустанным деятельным руководством и самого Патриарха и архимандрита Иоанна Лавра реставрировалась и украшалась.

К концу 1946 года был закончен самый срочный ремонт Успенского собора: была промыта средняя большая глава его и четыре боковые синие главы покрашены и покрыты золотыми звездами. Когда в день преставления Преподобного Сергия Патриарх Алексий входил под своды величественного Успенского собора, архимандрит-наместник обратился к нему со следующим словом: «Ваше Святейшество! Великий Господин и Отец наш! Оживотвори своим вдохновением увядающие цветы древней обители сей. Освяти пришествием своим седые своды святилища сего. Видит Преподобный Сергий твою к нему горячую любовь, возвышенную смирением и молитвенными трудами, которые приносишь ты для спасения обители его и всей Православной Церкви. Вниди, Святейший! Отверзты уже врата внешнего и внутреннего храма...».

В конце Литургии Патриарх сказал: «Хозяином нашего торжества является сам Преподобный Сергий. И здесь мы снова имеем побуждение вспомнить о задачах своей земной жизни. Земная жизнь есть время подготовки к вечности. Труден путь на Небо. Среди великих скорбей пролегает он. Но Господь Своею благодатью помогает нам преодолевать трудности и достичь цели подвигом. В этом шествии к нему Преподобный Сергий – теплый о нас к Богу молитвенник».

Патриарх Алексий лично составил и утвердил для постоянного пользования Устав Троице-Сергиевой Лавры. Об этом Уставе существует запись бывшего наместника Лавры архимандрита Пимена, которую мы и приводим ниже: «Первый параграф Устава указывает, что «устроение монашеской жизни основывается на учении Священного Писания и святых отцов Церкви, а также на врожденном человеку стремлении духа путем самоотвержения достигать высшего нравственного совершенства (глава 1, (2). Все остальные параграфы представляют собой подробное разъяснение того, как путем нестяжания, девства и послушания монах может достигнуть главных целей монашеского жития.

Вторая глава Устава (§ 8 –12) посвящена описанию внутреннего устройства Лавры. Она касается обязанностей священноархимандрита – Патриарха, наместника,

Духовного Собора и его членов. Третья глава Устава (§ 13–34) дает сведения об обязанностях должностных лиц Лавры, каковыми являются: казначей, духовник, благочинный, ризничий, эконом, келарь, уставщик, регент, экклесиарх, свечник, лавочник, пономарь, звонарь, письмоводитель, библиотекарь, просфорник, трапезник, гостинник, больничный, работники мастерских, иконописцы и другие лица из числа братии.

Глава четвертая говорит об условиях принятия в братство Лавры и о первоначальных шагах новопоступившего брата (§ 25–44). Глава пятая содержит подробные правила поведения новоначальных (§ 45–57). В главе шестой говорится о духовном руководстве и о духовном преуспеянии иноков (§ 58–65). Глава седьмая посвящена вопросам, касающимся богослужений в Троице-Сергиевой Лавре (§ 66–76).

Глава восьмая говорит о монастырской трапезе (§ 77–82). Глава девятая – о «келейном пребывании», то есть о том, как монах должен проводить то время, что он находится в своей келлии в часы, свободные от послушаний (§ 83–87). В главе десятой сказано о внешних посетителях и о взаимном посещении келлий (§ 88– 92). Глава одиннадцатая озаглавлена «Условия отлучки из Лавры» (§ 98–100). Последняя, двенадцатая, глава перечисляет условия увольнения из Лавры (§ 101– 104).

Из одного только беглого перечисления вопросов, освещенных Уставом Троице-Сергиевой Лавры, становится ясной глубокая, всесторонняя продуманность положений Устава и его специфическая направленность быть не только формально, но и с определенной высокой благодатной целью всесторонне духовно развивать человека, ставшего на трудный путь отрешения от мира».

В отношении ремонтно-реставрационных работ в Троице-Сергиевой Лавре попечение Патриарха Алексия, как свидетельствует запись архимандрита Пимена, «не прекращалось ни на один день в течение каждого года начиная со времени передачи советским правительством всего комплекса зданий Лавры Московской Патриархии».

Первыми были реставрированы оба соборных храма – Троицкий и Успенский. Троицкий собор – первая каменная церковь в Лавре – был воздвигнут в теперешнем его виде в 1422 году преподобным Никоном, преемником Сергия. Тогда были только что открыты его нетленные мощи.

Преподобный Никон вызвал для постройки, длившейся почти до его смерти, превосходных мастеров. При этом он пользовался энергичной поддержкой большого почитателя и крестника Преподобного – князя Юрия Звенигородского, сына Димитрия Донского.

В 1422 году Троицкий собор был расписан преподобным Андреем Рублевым и Даниилом Черным с учениками. В частности, в местном ряду иконостаса ранее находилась знаменитая «Троица» Рублева, перенесенная в Третьяковскую галерею, которая была заменена в Троицком соборе превосходной копией Баранова. Оригинал и копия сверкают теперь чистотой и яркостью красок. А в левой части иконостаса помещается другая «Троица», написанная ее автором через полтораста-двести лет после Рублевской. Ее характерная темная окрашенность после промывания осталась значительно темнее, чем у Рублева, и это отчетливо видно с солеи собора.

Для временного хранения мощей Преподобного Сергия (ныне находящихся в серебряной раке, пожертвованной императрицей Анной Иоанновной) преподобный Никон при постройке нового собора перенес старый деревянный храм (также освященный во имя Живоначальной Троицы) метров на тридцать к востоку, поставив его на место нынешней Духовской церкви, которая была построена в 1486 году как Троицкий храм, но но с 1641 года, как указывают древние лаврские книги, ставшая уже называться храмом Сошествия Святого Духа.

15 мая 1559 года в присутствии царя Иоанна Грозного, его первой супруги Анастасии Романовны и их двух старших сыновей был заложен Успенский собор, хотя он был окончен и освящен на другой год по смерти его сыном – царем Феодором Иоанновичем. Освящение совершал митрополит Дионисий в день Успения Пресвятой Богородицы, 15 августа 1585 года. Тогда же были освящены и два придела в этом храме в честь святых, имена которых носили царь и царица: великомученика Феодора Стратилата и мученицы Ирины.

Никоновская церковь построена под Троицким собором в 1623 году. Рядом с Никоновским храмом находится Серапионова палата, построенная в западной половине фундамента Троицкого собора. Она получила свое название по имени Серапиона, архиепископа Новгородского, который скончался 16 марта 1516 года и над гробом которого она была поставлена.

В 1948 году в Серапионовой палате были произведены кровельные работы, с позолоченной кровли собора была снята маскировочная окраска. В самом соборе отделаны рамы и двери, устроено калориферное отопление.

«В 1949 году, – писал архимандрит Пимен, – снят елей с живописи XIX века на западной стене и общих столпов, на сводах и в куполе собора. Реставрирована икона Тихвинской Божией Матери со 108 клеймами. Удалением плесени и покрытием олифой сохранены от разрушений иконы местного ряда. В алтарных апсидах восстановлена форма оконных проемов XV века. Для оконных проемов изготовлены новые двойные переплеты и металлические решетки. В 1949 году в церкви святого Никона произведены капитальные реставрационные работы, восстановлен иконостас, сделана из дерева рака и сень над гробницей преподобного Никона, и храм освящен в день памяти преподобного Никона – 30 ноября того же года.

В 1950 году устроены металлические леса для реставрации настенной живописи. Восстановлены надгробия и закончено оформление Серапионовой палаты. В 1951 и 1952 годах в Троицком соборе произведены обширные столярные, малярные, белокаменные и штукатурные работы, а также осуществлена большая работа по реставрации настенной живописи. В 1961 году специальным раствором был промыт купол Троицкого собора от покрывавшей его копоти, а также произведены частичные ремонтные работы.

В 1963 году выполнен ряд капитальных реставрационных работ по восстановлению первоначального вида Никоновского храма. Была разобрана поздняя четырехскатная кровля, опущен до первоначальной высоты купол, удалены кирпичные закладки стен и апсид, восстановлена первоначальная форма позакомарного покрытия из листовой меди, а также раскрыт от закрывавшей его земли и капитально отремонтирован цоколь церкви».

В Духовской церкви «в 1948 году были произведены планировочные работы вокруг храма, устроены два кирпичных крыльца, отремонтирован пол, оштукатурены стены, с фасадов сбита старая штукатурка и поверхность побелена известью, внутри установлен иконостас из палисандрового дерева, восстановлена настенная иконопись. В 1949 году отремонтирована и покрашена кровля. В оконные проемы барабана и купола вставлены оконные переплеты, отремонтированы и покрашены подкупольные металлические конструкции. Отремонтирована и окрашена глава. Медный пояс и звезда на главе заново вызолочены сусальным золотом.

В 1950–1952 годах восстановлены надгробия митрополиту Филарету, митрополиту Платону и Максиму Греку. В 1960 году произведены работы по очистке орнамен-

тального пояса, проходящего по фасадам. С сентября по декабрь того же года производилось восстановление звонницы и позакомарного покрытия; разобрана поздняя кирпичная кладка по стенам церкви и поздняя четырехскатная кровля, раскрыты проемы звонницы, восстановлены срубленные формы кокошников, подвешены колокола, в киоте на западном фасаде восстановлена икона «Нерукотворный Спас».

В Успенском соборе в 1946 году были проведены значительные работы по ремонту кровли и куполов. С центрального купола была снята маскировочная окраска, поставлен ранее сорванный бурей крест, четыре других купола были покрашены, позолоченные звезды были отмыты от позднейших закрасок. Внутри собора на столпах отреставрировано 16 икон. Фасад побелен известью. В 1948 году отреставрировано 8 икон местного ряда иконостаса, а также все иконы Царских врат. Резная сень над престолом в алтаре реставрирована и позолочена сусальным золотом. В 1949 году реставрирована живопись 66 икон четырех ярусов иконостаса, восстановлена и укреплена позолота икон. Восстановлена металлическая ограда вокруг собора и центральной аллеи с одновременным восстановлением полуразрушенного кирпичного цоколя ограды. В 1950 году позолочены сусальным золотом кресты пяти куполов и звезды четырех куполов. Окрашена кровля и четыре купола, а главный купол заново промыт.

В 1952 году полностью восстановлена подземная церковь в честь Всех святых, в земле Российстей просиявших, в ней устроен каменный пол, иконостас, отремонтированы надгробия над похороненными там митрополитами».

Необходимо отметить также, что именно в храме Всех святых, в земле Российстей просиявших, похоронен в 1970 году и сам Святейший Патриарх Алексий.

В Успенском соборе возобновлена роспись всех трех папертей. «Произведены геологические исследования устойчивости столпов в связи с деформацией и образованием трещин в сводах. Трещины по сводам зачеканены металлическими клиньями и оштукатурены.

В 1953 году произведены асфальтовые работы вокруг собора, а также укреплен фундамент и произведены реставрационно-живописные работы. В 1959 году у южной, западной и северной папертей устроены гранитные ступени взамен пришедших в негодность кирпично-цементных. В 1960 году произведен частичный ремонт кровли и кровельных креплений. Местами реставрированы наружные настенные росписи».

Помимо соборных храмов между 1946 и 1968 годом отремонтированы другие храмы Лавры: колокольня XVIII столетия, потребовавшая из-за огромных своих размеров особенно много работы. Проверка и ремонт колоколов, покраска всего сооружения, замена белокаменных основ, сносившихся за века; обкладка асфальтовыми дорожками и посадка деревьев; устройство лестниц и лифтов, обслуживающих залы выставок и съездов на нижних этажах колокольни, внесли новые элементы во внутренний и внешний облик ее.

Огромные работы были проведены в Трапезной церкви Преподобного Сергия, где установлен иконостас, перевезенный из московского храма Большого Креста: сооружены два новых придела, восстановлена лепка и живопись, старые лестницы заменены гранитными. Заменены также обвалившаяся лепка и живопись на громадных потолках нарышкинского барокко над пространством, вмещающим до шести тысяч молящихся. Одной колокольни и Трапезной церкви, опоясанной громадным гульбищем (под которой помещается нынешний трапезный зал на несколько сот монахов) хватило бы для крупного монастыря.

А надо бы еще посчитать Михеевскую церковь с иконостасом из золоченой решетки и вишневого бархата; надвратный храм святого Иоанна Предтечи, церковь

Смоленской Божией Матери Одигитрии, в подвальном помещении которой, капитально отделанном и украшенным лепкой, был похоронен в 1960 году митрополит Николай (Ярушевич); надкладезную часовню, в которой, как и в Троицком соборе, совершаются постоянные богослужения.

Помимо многочисленных обширных монашеских корпусов, которым за последние годы придан первоначальный вид, произведены громадные работы по восстановлению чертогов императрицы Елизаветы Петровны, в которых помещены возвращенные в Лавру из Москвы (в 1947 – 1948 годах) Московская Духовная академия и Московская Духовная семинария.

В актовых залах (бывших покоями Елизаветы Петровны) восстановлены потолки со стягом, изображающим все победы, одержанные Петром I. Реставрированы наборные паркетные полы. Полностью восстановлена обширная Покровская академическая церковь, провалившаяся было и годами стоявшая без крыши. С 21 мая 1955 года ее древний художественный иконостас, барочная роспись ярких зеленых стен с белым орнаментом, возглавленная высоким витражом Покрова Пресвятой Богородицы, производят чарующее впечатление.* Чертоги были соединены со зданием восстановленной многоэтажной библиотеки Духовных школ новым туннелем, напоминающим коридоры метро. Он облицован мрамором и электрифицирован, как впрочем и вся Лавра.

Духовные школы в несколько сот человек обслуживаются целым рядом корпусов, снабженных всеми средствами современного комфорта.

В городе Загорске (в настоящее время городу возвращено его прежнее название Сергиев Посад. – *Ред.*) выстроены четыре больших жилых корпуса для размещения всех живших прежде в стенах Лавры. Эти постройки осуществлялись согласно постановлению правительства о передаче всех храмов и зданий, расположенных на территории Лавры, в бесплатное и бессрочное пользование Московской Патриархии.

Необходимо отметить еще, что в период между 1948 и 1960 годом восстановлены полностью Патриаршие покои, в которых освящена замечательная Крестовая церковь в честь святого праведного Филарета Милостивого.

Кроме того, в тех же пятидесятых годах восстановлены главные братские корпуса № 2 (Варваринский) и № 1 (Предтеченский), прекрасно отделанные. На площади перед колокольней капитальному ремонту подверглись обелиск, сень, гробница Годуновых. Все башни и стены Лавры ремонтировались по мере их предоставления Церкви. В них разбирались все перегородки, оставшиеся от прежних жильцов, кладка стен, восстанавливались древние формы бойниц. Так были отделаны башни: Пятницкая, Луковая, Сушильная, Утичья, Звонковая, Успенские ворота.

В 1961–1962 годах проводилась реставрация и крепление палат мастера Елисея, расположенных по обе стороны от Святых ворот. Всюду устраивались лестницы, настилались полы. В 1963 году сносился более чем на метр верхний слой земли, что открыло на всю высоту цоколь Троицкого собора и Никоновского храма.

Вся центральная часть Лавры от Святых ворот до Троицкого собора и до Патриарших покоев была затем вымощена белокаменными плитами. Всюду были высажены липы, кустарники, цветы. В саду Академии был установлен памятник почившим профессорам.

Кончина Патриарха Алексия многое оставила все же еще незаконченным в Троице-Сергиевой Лавре. Но в целом Лавра засияла поразительным блеском и красотой.

---

* После пожара 1986 года Покровский академический храм отреставрирован заново. – *Ред.*

ГЛАВА XI

25 ЛЕТ ВО ГЛАВЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (1945–1970)

1. Забота Патриарха Алексия о благолепии церковных служб, уставном пении и чтении

Нам уже довелось говорить о благолепии церковных служб, с благоговейной и возвышенной простотой совершавшихся Святейшим Патриархом с самого начала его священнослужения – еще с диаконства и преcтвитерства его. Когда он предстоятельствовал за каким-либо богослужением, это возглавление сослужащих ему клириков непосредственно и сразу отражалось на всем сонме духовенства и передавалось, как некими волнами благочестия, всему церковному народу, наполнявшему храм у подножия алтаря.

Мы говорили об «особой харизме богослужения», которая дана была Патриарху Алексию. Для такой Церкви, как Русская Православная Церковь, подобный дар, ниспосланный ее Предстоятелю, особенно ценен, так как эту Церковь, думается, с полным основанием можно назвать самой литургической из христианских Церквей. Поскольку Литургия совершается для собора верующих и в ней верные получают благодатную пищу – Тело и Кровь Христовы, чрезвычайное значение приобретает в нашем богослужении связь алтаря со всем храмом, служащих с остальными молящимися. Все верующие, в меру собственного духовного разумения, активно участвуют в православном богослужении.

Всякий человек, бывавший в православном храме, мог наблюдать, как за последние десятилетия в особенности самые скромные из мирян шепотом или даже вполголоса то и дело повторяют не только слова молитв, но и возгласы священника. Весь собор верных, весь народ Божий включен в собственную молитву. И духовное усердие, церковное благоговение молящихся тем глубже и тем истовее, чем сильнее передается им священнодействие ведущего службу пастыря. И как раз для этого (а вовсе не для какого-либо внешнего действия и тем более – «эффекта») со святоотеческих времен в Православной Церкви сложены основы богослужебного уставного благолепия и нормы обязательного, отнюдь не театрального благочиния. И о соблюдении этих основ и этих норм всеми клириками окормляемой им Русской Церкви Святейший Патриарх Алексий заботился особенно, по-отечески наставляя духовенство.

В годы архиерейства Патриарха Алексия в Новгородской епархии церковное пение и вообще совершение богослужений были поставлены заботами архиепископа Арсения на высоту, получившую всероссийскую известность и признание. По городам епархии множились школы псаломщиков, регентов и церковных певчих; в благочиннических округах устраивались певческие праздники с конкурсами и соревнованием хоров. В самом Новгороде хоры многочисленных церквей епархиального города были на самом высоком уровне. Что же касается хора Софийского собора, называвшегося «хором Его Высокопреосвященства», то он соперничал со столичными певческими капеллами и знаменитым Синодальным хором.

Епископ Алексий привык к совершенному, но строго уставному пению. Петроградские церковные хоры выдвинули целый ряд выдающихся регентов. Постепенно, однако, хоры стали проникаться светским духом. Занимая Ленинградскую митрополичью кафедру с 1933 года, Патриарх неоднократно обращался к настоятелям ленинградских храмов с требованиями более строгого контроля над исполнительством в церковных хорах.

Незадолго до начала Великой Отечественной войны, в день Сретения Господня (2/15 февраля 1941 года), последовало распоряжение митрополита Алексия благочинным Ленинграда, в котором говорилось:

«Несколько лет назад мною было предложено к исполнению настоятелям и исполнительным органам церквей упорядочить вопрос о церковных хорах, которые, в ущерб выполнению церковного устава, заботились главным образом о том, чтобы производить эффект, поражать своим художественным театральным пением, чуждым духа церковности.

На первых порах были приняты меры к урегулированию церковного пения в направлении данных мною указаний, но постепенно все пошло по-прежнему. И теперь, как и раньше, можно слышать у нас в храмах пение искусственное, театральное, в то время как то, что является основным в богослужении – псалмы, стихиры, каноны, – сокращается до последней степени.

Необходимо снова напомнить, что целью наших богослужений является не создание музыкальных эффектов и не подражание операм и концертам с их сольными и прочими «номерами», а молитвенное настроение, вызываемое содержательными и умилительными церковными песнопениями. <...>

Для этого не нужны многолюдные хоры, не нужны и те огромные средства, которые на них тратятся. Как раз то, на что употребляется столько усилий и столько времени, а именно: молитвы – «Ныне отпущаеши», «Великое славословие», «Свете тихий» за праздничным всенощным бдением, а также – «Отче наш», «Верую» за Литургией, должны петься самым простым напевом, требующим не столько искусства, сколько благочестивого чувства. И для этого не нужно ни больших хоров, ни приглашения особых гастролеров, ни каких-либо особенных голосов.

Должен сказать, что и многие верующие, проникнутые духом церковности и понимания истинной красоты богослужения, неоднократно и настойчиво, особенно за последнее время, выражали мне неодобрение такому искусственному пению, растягивающему богослужение и не дающему молитвенного настроения. Такого рода замечания не должны игнорироваться нами.

Предлагаю обратить на это серьезное внимание и отцам настоятелям следить за выполнением певцами того минимума церковного устава, который должен соблюдаться и в приходских храмах, с сокращением до последней степени так называемого партесного пения.

Необходимо подумать и о сокращении неимоверных расходов на пение, так как верующие приносят свои жертвы в храм не для того, чтобы слушать концерты, а для того, чтобы вся обстановка храма и богослужения помогала им молиться»[73].

В 1946 году, в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, уже по избрании своем на патриаршество, Святейший Патриарх Алексий обратился с посланием к настоятелям храмов города Москвы с руководящим указанием о совершении богослужения. И на вопросе о церковном пении Патриарх вновь останавливался с особым вниманием. Он всегда решительно отвергал влияние светского, нецерковного духа на церковную и богослужебную жизнь. И в беседах он часто напоминал, что пение в храме выражает соборную молитву народа Божия, возносящего хвалу и моление Богу «едиными усты и единым сердцем». Он напоминал, что Православная Церковь не допускает, в частности, никакой музыки, переданной рукотворными инструментами. Даже церковные колокола и древние била, благовест которых был предназначен призывать верных в храм в положенное для соборной молитвы время, водружались вне самих храмов на колокольнях и звонницах. И самые слова «церковная музыка» – выражение

нецерковное. Речь должна идти о «церковном пении», «богослужебном пении» и «песнопениях» – словах, вошедших в наш благоговейный народный обиход. А церковное пение должно быть прежде всего именно церковным.

«Об этом много говорилось, – писал Святейший в своем обращении в 1946 году, – но пока результатов не видно. Большая часть молящихся в церкви не является знатоками пения, но спросите у этого большинства, чего оно ожидает от церковного пения и какого пения оно желало бы? И большинство вам ответит: дайте нам такое пение, которое трогало бы сердце, которое вызывало бы у нас слезы умиления, которое бы поднимало наш дух и помогало бы молиться. Народ прекрасно понимает истинный дух и надлежащий тон церковного пения и лучше всякого знатока отличает пение церковное от пения театрального. Зачем ему навязывать то, чего не принимает его молящийся дух? Зачем навязывать ему в лучшем случае наслаждение, притом мирское, душевное, когда он ищет умиления духовного? Если в просьбах наших к людям, от которых мы ожидаем получить то или иное, мы выдерживаем нужный, часто почтительный и, во всяком случае, серьезный тон, то почему в прошениях наших к Господу мы дерзаем брать тон дерзновенных и легкомысленных театральных излияний, исключающих всякое благоговение. <...>

Исполнение церковных песнопений в крикливом тоне светских романсов или страстных оперных арий не дает возможности молящимся не только сосредоточиться, но даже уловить содержание и смысл песнопения. Такое пение дает лишь впечатление слуху, но в душе не оставляет никакого следа. Зачем нам гоняться за безвкусным с точки зрения церковной подражанием светскому пению, когда у нас есть изумительные образцы пения строго церковного, освященного временем и традициями церковными? Необходимо отцам настоятелям со вниманием следить за тем, чтобы пение в их храмах было церковное не по названию только, а на самом деле и чтобы в угоду малоцерковным или совсем нецерковным регентам не исполнялись песнопения, чуждые церковному духу. В частности, пение Символа веры и молитвы Господней пусть будет всегда всенародным. Замечается, что в то время как правый хор по большей части, видимо, подготовился к праздничному богослужению, левый хор кое-как справляется с пением ектений и остающихся на его долю песнопений. Это производит жалкое впечатление и, конечно, нарушает торжественность службы. Необходимо в таких случаях так разделять хор, чтобы и правый и левый были более или менее однородны. Если это потребует так называемого лишнего расхода, то ради благолепия следует его произвести».

К теме «О правильной постановке церковного пения в храмах» Святейший Патриарх вернулся два года спустя, в апреле 1948 года, в речи в Московской Духовной академии: «В храме Божием, – сказал он, – этом доме молитвы, все: и иконография, и чтение, и пение, и самое внешнее и внутреннее устройство храма – все должно служить одной цели: возбуждению и поддержанию молитвенного духа, назиданию и укреплению в вере. Все здесь должно дышать благоговением, возвышенным чувством, духовной красотой, умилять душу, назидать ее, возносить к небу. В особенности это следует сказать о церковном пении, так как пение занимает одно из главных мест в ряду средств духовного воздействия на молящихся в храмах. Церковное пение все состоит из молитвы: кто поет духовную песнь, тот молится. Первые певцы перед престолом Божиим – ангелы Божии и святые. Они день и ночь непрестанно славят Всемогущество Бога, Творца вселенной: «взывают, – как читаем мы в одной молитве в чине литургии святителя Василия Великого, – един к другому, немолчными славословленьми». В подражание ангелам и святым установлено пение и на земных богослужениях Святой Церкви, когда «и силы небесные с нами невидимо служат». И каждое

богослужение неизменно сопровождается пением. Нужно ли поэтому объяснять, почему необходимо принимать меры к тому, чтобы церковное пение вполне отвечало своему высокому значению в православном богослужении? <...>

В древней Церкви так и было. Как сама жизнь древних христиан, когда быть христианином значило то же, что быть святым, так и древние памятники религиозного творчества остаются вечными образцами для позднейших поколений. Такие храмы, как храм святой Софии в Константинополе, такие проповедники, как святитель Иоанн Златоуст, такие песнописцы, как святой Иоанн Дамаскин, Иосиф-песнописец и другие древние творцы церковных песнопений – навсегда останутся идеалами церковного творчества. И в области церковного пения наша Церковь получила богатое наследство от своих предков. Старинные церковные распевы являются лучшим выражением высоких религиозных настроений. Это и понятно, потому что творцами их были люди высокого религиозного духа, подвижники, святые, одаренные тайной познания божественных звуков. И у нас на Руси во многих древних обителях до последнего времени можно было утешаться именно церковным пением, слышать пение так называемых «подобных», прекрасное исполнение осмогласника и так далее. <...>

К величайшему прискорбию приходится сказать, что в настоящее время это почти полностью утрачено. И вместо небесной музыки, какая слышалась в древних строгих и величественных распевах, мы слышим мирское легкомысленное сочетание звуков. И, таким образом, пение в храмах наших, особенно городских, совершенно не соответствует той цели, которую оно должно преследовать, и храм из дома молитвы часто превращается в зал бесплатных концертов, привлекающих «публику», а не молящихся, которые поневоле должны терпеть это отвлекающее их от молитвы пение. Почти забыты древние трогательные церковные распевы – знаменные, греческие, болгарские, киевские – даже в переложениях недавних хороших композиторов. В храме часто слышишь такую музыку, под которой уместно было бы подписать вовсе не те слова, которые поются, так как нет никакого соответствия между словами и музыкой. Такое пение не только не возбуждает молитвенного настроения, но вызывает возмущение у богомольцев и слушается с удовольствием только теми, кто стоит в храме как в театре, и кто пришел сюда не молиться, а ласкать слух привычными светскими мелодиями».

Святейший Патриарх считал увлечение звуковыми «эффектами» в храме кощунственным нарушением самого духа православного богослужения и при всей своей безмятежной незлобивости достаточно сурово обличал некоторые проявления нецерковного поведения в наших храмах.

«Нельзя без негодования видеть, – говорил он, – как часто после пения «Ныне отпущаеши» на всенощном бдении эта «публика» валом валит из храма или как она же устремляется вон после так называемого «концерта» на Литургии перед самым явлением Святых Даров, поклониться которым она считает для себя совершенно излишним. В угоду такой «публике», а не богомольцам регенты изощряются друг перед другом в подыскании и исполнении самых вычурных, самых по их мнению эффектных «номеров», в которых главное место отводится исполнению солистов, причем ради этих мнимых музыкальных эффектов иные композиторы даже имеют дерзость жертвовать текстом песнопений, пропуская слова или наоборот – вводя слова, не имеющиеся в данном песнопении, или же повторяя некоторые слова, хотя на них нет логического ударения. Необходимо отметить, что «публика», ради которой так низкопоклонно стараются иные регенты, вовсе не щедра на пожертвования в пользу храма и хора. И правые хоры, поглощающие львиную долю храмового бюджета, содержатся на лепты тех богомольцев, религиозные требования которых совершенно игнорируются. <...>

Что особенно прискорбно – правые хоры считают своей обязанностью только нотное исполнение некоторых песнопений, а пение стихир, в которых излагается сущность праздника, предоставляется торопливому, невнятному и неумелому исполнению левого клироса, по большей части любителей, поющих без всякой предварительной подготовки, по одной в большинстве случаев книге, с трудом разбирая славянский текст. И так как исполнение «номеров» правого хора занимает много времени, то опускается большая часть стихир и производятся недопустимые сокращения церковного богослужения.

Все вышеизложенное говорит о том, что мы должны обратить самое тщательное внимание на дело церковного пения в наших храмах; что мы не имеем права игнорировать требования церковных людей, чтобы пение церковное соответствовало своей цели; что мы должны сделать все возможное, чтобы изгнать мирской дух из нашего церковного пения, обратиться к древним его прекрасным образцам, столь любезным сердцу верующего и молящегося православного христианина. Почин в этом деле должен принадлежать Москве как церковному центру нашего Отечества».

2. «Поминайте наставников ваших...». Кончина Патриарха Алексия (17 апреля 1970 года, в канун Лазаревой субботы)

Теперь, когда Святейший Алексий – тринадцатый Патриарх Московский и всея Руси – отошел в вечность, поколениям людей, слышавших имя его за его долгую жизнь, придется встречать это имя только в исторических текстах и воспоминаниях: одним – редко, другим – чаще. Пока сменялись в длинном ряду десятилетия земной жизни Патриарха Алексия, современные ему средства информации и связи доводили внешний облик и даже голос его до восприятия зрением и слухом множества людей, а самое имя его – до большинства живших на этом свете. Пусть это имя оставляло равнодушными очень многих. У некоторых оно вызывало симпатию, возраставшую с годами, так как оно было связано с первыми усилиями борьбы за мир, за гармонию и любовь против сил войны, распада и ненависти.

У пасомых его (а многомиллионная паства его была велика, она была самой значительной в православном мире) имя его неизменно вызывало чувство сыновней благодарности к Первосвятителю, который самым бытием своим и бессменным стоянием на челе русской православной иерархии обеспечивал, в условиях не всегда легких и часто сложных, доступ к Таинствам и духовным утешениям Христовой Церкви.

Имя Патриарха Алексия вызывало чувство злобы у иных – у ожесточенных хулителей, унесших с земли своей в человеческое рассеяние никчемный груз камней, чтобы, держа их за пазухой, метать время от времени издалека кощунственный булыжный щебень, не долетавший до «источника» патриаршей мантии.

Вечность овладела теперь духом нашего Патриарха, но образ его отразится в человеческих попытках запечатлеть бывшее на земле. Попытки эти сами тоже будут поглощены бесконечностью и необъятностью неисповедимой вечности, но пока поколениями человеческими, необратимо чередующимися на пути к эсхатологическому завершению, они понимаются как история. Патриарх Алексий отныне в человеческих глазах принадлежит истории. И это уже обязывает всех взирающих на последование его земного поприща, по-человечески долгое, к невозмутимому лицезрению его святого образа.

Паломнический путь в Бозе почившего Патриарха на этой земле поражает прежде всего тем, что он прошел его при беспрестанном чередовании событий чрезвычайных. И начались они с иночества его в Лавре Преподобного Сергия, развивались в

годы воспитательной педагогической работы в исторических русских городах – Пскове, Туле и Новгороде; развернулись в полный размах и глубину в период епископства в некогда величайшей из русских епархий – Новгородской и на митрополичьей кафедре прежнего «царствующего града» Санкт-Петербурга, героического Ленинграда, и стали затихать только когда на рамена уже маститого Патриарха лег омофор Предстоятеля всей Русской Церкви.

События эти разражались при жизни Патриарха Алексия над всем человечеством, но особенно над его страной, над его народом и даже непосредственно над его личной судьбой, можно сказать, самым потрясающим образом. Две мировых войны, по сокрушительному размаху и разрушительному действию неизведанные еще человеческой историей. Революция, по своим сдвигам, последствиям и историческому значению превзошедшая все перевороты, какие совершались в жизни великих народов. Социальные и национальные преобразования, перекройка географической карты и психологические переоценки во всемирном масштабе, колоссальнейшие потери в жизнях человеческих.

И, наконец, личная вовлеченность во многие трудные и мучительные события, как пребывание в течение многих сотен дней на седьмом десятке лет в осаде в великом городе, лишившемся в этом беспримерном бедствии почти миллиона жителей.

Все это – в пределах времен и сроков, положенных Промыслом Божиим для земного странствования человека, отмеченного великим служением Патриаршим, жизни и деятельности которого посвящен этот очерк.

Слова Святейшего Патриарха Алексия, произнесенные почти за два десятилетия до своей блаженной кончины при посещении могилы маститого Первосвятителя древней Грузинской Православной Церкви Патриарха-Католикоса Каллистрата, о значении долголетия служителей Церкви как дара и благословения Божия, мы можем повторить теперь, склоняясь перед его могилой, и обратить слова эти к нему самому:

«Почивший Святейший Патриарх имел много даров от Бога; имел он и дар Божий – долголетие, ибо долголетие есть подлинно знамение благословения Божия по обетованию Господню: «долголетен будеши на земли» (Исх. 20, 12). Но вот и благословенная долголетием жизнь обрела свой предел; пришельствование на земле души христианской, взыскующей града небесного, окончилось; открылась перед нею таинственная дверь вечности и душа скрылась за ней, оставив здесь, как оставляют у входа в дом дорожную одежду, бренное тело, дабы над тем, что есть в нем от ветхого Адама, – исполнился древний суд: «земля еси, и в землю отъидеши» (Быт. 3, 19)».

В том же слове своем у гроба Святейшего Каллистрата в Бозе почивший Патриарх Алексий сказал: «Мы, православные христиане, хорошо знаем, что пути Божии неисповедимы, и как мы постоянно наблюдаем в окружающей нас природе, что созревший плод уже не может держаться на дереве и падает с него, так разумеем и духовный закон, особенно приложимый к верным служителям Таин Божиих, по которому душа, созревшая для вечной жизни, вземлется от земли в область небесную».

И еще: «Мы веруем, что возлюбленный Патриарх, всю жизнь свою посвятивший служению Святой Церкви, когда настало время его отшествию, мог сказать Господу, подобно апостолу Павлу: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который дает мне Господь, Праведный Судия, в день оный...» (2 Тим. 4, 7–8)».

Из завещания Патриарха Алексия извлечем несколько строк: «Самая главная просьба ко всем, с кем мне приходилось иметь общение, это просьба о молитве за меня, да приимет Господь дух мой в Свои светлые Обители, простив мне вольные и

невольные грехи Своим Божественным милосердием. Сам я, расставаясь с этой временной жизнью и отходя в жизнь вечную, в которую во все периоды моей жизни я глубоко веровал, ни на кого не имею обиды или недоброжелательства, а если кого-либо обидел, прошу меня простить и покрыть любовью и молитвою о душе моей... Паству, вверенную мне Господом в этой жизни, знаемых и незнаемых рабов Божиих, да хранит Господь в мире и благополучии. Верую, что духовное общение наше не прекратится, а по общей нашей молитве усилится и по отшествии моем в вечность».

И как не вспомнить тут слов апостола Павла из Послания к Евреям: «Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр.13,7). И прорицая апостола Иоанна Богослова: «...отныне блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними» (Откр.14,13).

«Эсхатология – мудрое предвосхищение Конца, за которым идет вечное Начало, – вот единственное, о чем мне надлежит думать», – говорил Святейший, вступив в последнее десятилетие своей почти вековой жизни.

И да будет позволено нам заключить этот несовершенный и неполный очерк о Патриархе Московском и всея Руси Алексии и его времени самого длительного патриаршества в истории нашей Русской Церкви, обратив к нему его же слова, сказанные им в 1952 году своему любимому собрату Патриарху – Католикосу Каллистрату: «Мы веруем, что там, в стране живых: «во благо водворится» душа его, и с любовью и упованием творим о нем молитвы исходные. И поминают его не только его родные и близкие, но и вся его возлюбленная паства; и Русская Церковь... с горячей молитвой склоняется над его могилой и, как к живому, простирает к нему приветствие: Архиерейство твое да помянет Господь Бог во Царствии Своем всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь».

ОТ РЕДАКЦИИ

Александру Львовичу КАЗЕМ-БЕКУ не суждено было завершить начатый труд по жизнеописанию Святейшего Патриарха Алексия I. 21 февраля 1977 года, в возрасте 75 лет, он скончался, пережив Патриарха Алексия на 7 лет.

Автор *Жизнеописания* не успел, а может быть и не стремился, дать полный и исчерпывающий очерк истории непосредственно Патриаршества Алексия (Симанского), так как, очевидно, считал, что этот период жизни Святейшего легко восстановить по обильному количеству исторических памятников, документов и мемуарной литературы. Читатель *Жизнеописания* не найдет в нем подробного освещения жизни Русской Церкви в период 60-х и 70-х годов, ничего не упоминает автор и о хрущевских гонениях на Церковь, и об Архиерейском Соборе 1961 года, и многие другие важные события последних десятилетий жизни Патриарха Алексия I остались за рамками этой работы. Вероятно, будучи ближайшим сподвижником и другом Патриарха Алексия, его доверителем во время откровенных бесед о своей жизни, и в особенности о ранних годах служения Церкви, Александр Львович считал, что этот материал уникален по своей значимости, так как его невозможно восстановить по историческим документам – единственным первоисточником являлся сам Патриарх. Естественно поэтому, что в *Жизнеописании* особое внимание уделяется воспоминаниям самого Святейшего.

Интерес к личности Патриарха Алексия, пробуждаемый чтением *Жизнеописания*, по нашему мнению, можно удовлетворить, обращаясь к работам современных исследователей, которые как раз и делают наибольший акцент на Патриаршем служении Святейшего, то есть в основном на периоде 1945–1970 годов. Желающим более подробно ознакомиться с этим периодом редколлегия «Богословских трудов» рекомендует недавно вышедшее в свет замечательное исследование магистра богословия, протоиерея Владислава Цыпина «История Русской Церкви», где в главе восьмой «Русская Православная Церковь при Святейшем Патриархе Алексии I (Симанском) (1944–1970)» этот период изложен достаточно подробно и объективно. (Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Церкви. 1917–1997.– М.: Спасо-Преображен. Валаам. монастырь, 1997.– С. 316–425).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Форма прямого обращения к Синоду была «Ваше Святейшество».

[2] Иеромонах А л е к с и й (Симанский). Митрополит Филарет о господствующих в современном нравственно-правовом сознании понятиях // Кандидатское сочинение //Вера и Церковь. 1905. I–V.

[3] В. О. Ключевский. Очерки и речи // Второй сборник статей: Значение Преподобного Сергия для русского народа и государства. Изд. Литературно-издательского отдела Комиссариата Народного Просвещения. Пг., 1918.

[4] Журнал Московской Патриархии. 1970. № 2. С. 28.

[5] Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. 1970. № 70–71. С. 90–91.

[6] Архиепископ Димитрий (Градусов) родился в 1881 году. Хиротонисан в 1943 году во епископа Можайского, затем епископа Ульяновского, перемещен на кафедру Рязанскую с титулом Рязанского и Шацкого (впоследствии Рязанского и Касимовского). В 1947 году назначен архиепископом Ярославским и Ростовским. Преставился в 1956 году, 10 апреля, за шесть дней до блаженной кончины приняв схиму с именем Лазаря.

[7] Журнал Московской Патриархии. 1945. № 3. С. 25.

[8] Имение Симанских «Екатерининское» находилось в 50 километрах от Пскова и в 40 километрах от пушкинского Михайловского.

[9] Весной 1905 года Святейший Синод сообщил императору Николаю II, что он находит необходимым созыв Всероссийского церковного собора, результатом чего явился рескрипт на имя первоприсутствующего члена Синода митрополита Санкт-Петербургского Антония (Вадковского) от 27 декабря 1905 года, разрешавший приступить к подготовке созыва такого собора. Поэтому в марте 1906 года и было открыто совещание при Синоде, получившее название Особого присутствия, из 20 церковных и общественных деятелей и ученых – епископов, священников, профессоров Духовных академий и университетов. Труды «Присутствия» были выпущены в 1906–1907 годах в шести томах. Когда в 1907 году Синод вновь обратился к государственной власти, испрашивая разрешение созвать подготовленный трудами «Особого присутствия» собор, ему в этом разрешении было отказано. Известная резолюция по этому поводу гласила: «Нахожу созыв собора неблаговременным. Предоставляю себе право, по образу византийских императоров, созвать собор, когда найду его благовременным». Эта резолюция совпадала по времени с роспуском II Государственной думы, которая была закрыта (через четыре месяца после ее созыва) в том же 1907 году.

[10] Архимандрит Евдоким (Мещерский) был инспектором Московской Духовной академии с 1896 года. В 1903 году назначен ее ректором (преемником епископа Арсения (Стадницкого). Хиротонисан во епископа Волоколамского в 1904 году и в 1909 году назначен викарием Тульской епархии с титулом епископа Каширского. В этот период сотрудничал с архимандритом Алексием (Симанским), с 1906 по 1911 годы бывшим ректором Тульской семинарии. В 1914 году был назначен архиепископом Алеутским и Североамериканским. После Всероссийского Собора 1917–1918 годов был архиепископом Нижегородским и Арзамасским.

[11] Игумения московского Новодевичьего монастыря Леонида (Озерова) была родной сестрой бабушки Святейшего Патриарха Алексия (матери его отца) Анны Петровны Симанской (урожденной Арцибашевой).

[12] Эта комната – ныне мемориальная – в «Хоромах» Московской Духовной академии в настоящее время входит в состав музея памяти Святейшего Патриарха Алексия.

[13] Слово это по содержанию и по форме замечательно. Но в рамках настоящего труда не представляется возможным привести его полностью, так как это поучение не кратко. Оно, конечно, заслуживало бы быть напечатано во всем его тексте (цит.по: Тульские епархиальные ведомости. 1909. № 23.

[14] Архиепископ Ярославский и Ростовский Сергий (Ланин) родился в 1852 году в Москве. После обучения в гимназии и Московской семинарии окончил Московскую Духовную академию в 1878 году. Принял монашество в 1880 году и рукоположен во иеромонаха в 1882 году. В

сане архимандрита назначен ректором Костромской семинарии. Переведен на ту же должность в Симбирскую семинарию в 1890 году. Наместник Киево-Печерской лавры в 1893–1896 годах. Хиротонисан во епископа Уманского, викария Киевской епархии в 1896 году. Епископ Псковский и Порховский в 1902–1903 годах. Архиепископ Ярославский и Ростовский в 1903 году. Преставился в 1904 году, погребен в Успенском кафедральном соборе города Ярославля.

[15] О митрополите Владимире (Богоявленском) см.: с. 89–90, 94, 96.

[16] Полного текста диссертации, к сожалению, не сохранилось.

[17] См. с. 15–16.

[18] Архиепископ Борис (Шипулин) родился в 1874 году. Инспектор Курской Духовной академии в 1902–1904 гг. Инспектор Псковской семинарии – 1904-1905 гг. Ключарь Синодальной ризницы – 1906–1909 гг. Ректор Московской семинарии в сане архимандрита в 1912 году. В том же году хиротонисан во епископа Винницкого, викария Подольской епархии. В 1915 году епископ Чебоксарский, викарий Казанской епархии; в 1921 году – епископ Уфимский; в 1927 году – архиепископ Тульский; в 1936 году – архиепископ Ташкентский. Преставился в 1937 году.

[19] Архиепископ Борис (Шипулин) не вступил в управление Олонецкой епархией и не выехал в Петрозаводск. Впоследствии назначен на Ташкентскую кафедру.

[20] Архиепископ Ювеналий (Масловский) родился в 1878 году в Орловской губернии. Получив среднее образование в Орловской гимназии, поступил в Казанскую Духовную академию, по окончании которой в 1903 году принял монашество. В 1903–1904 годах служил в Русской Духовной Миссии в Урмии (в персидском Азербайджане). В 1904 году назначен преподавателем в Псковскую семинарию. В 1906 году в сане игумена назначен настоятелем Спасо-Елеазаровской пустыни (основанной в XV веке на реке Толбе у Псковского озера). Эта небольшая обитель с тридцатью насельниками, традиционно отличавшаяся строгостию монашеской жизни, обрела известность перепиской ее инока Филофея, в письмах к псковскому дьяку Мисюре Мунехину выдвинувшего идею и теорию о Москве – Третьем Риме. В 1910 году в сане архимандрита отец Ювеналий был назначен настоятелем новгородского Юрьева монастыря. В 1914 году хиротонисан во епископа Каширского, викария Тульской епархии. В 1917 году – епископ Тульский и Белевский. Член Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг. В 1923 году – архиепископ Курский и Обоянский, в 1928 году – архиепископ Рязанский и Зарайский (впоследствии Рязанский и Шацкий). Преставился в 1937 году. Архиепископ Ювеналий стал одним из выдающихся русских литургистов. Он автор монументального труда «Архиерейский торжественник» об архиерейском богослужении (в шести томах и 416 главах на 3000 страницах), составлявшегося в течение семи лет на основе материалов уникальных собраний Торжественников и Чиновников московского Успенского собора, новгородского Софийского, нижегородского Преображенского и холмогорского Преображенского соборов.

[21] Псковские епархиальные ведомости. 1906. № 19. С. 448.

[22] Храм Тульской Духовной семинарии был посвящен Ипостасной Софии – Премудрости Божией.

[23] Речь Святейшего Патриарха Алексия при открытии в Москве Богословского института и Богословско-пастырских курсов 14 июня 1944 года.

[24] Архиепископ Парфений (Левицкий) родился в 1858 году в Полтавской губернии. В 1894 году – инспектор Вифанской Духовной семинарии. В 1895 году – ректор той же семинарии в сане архимандрита. В 1897 году – ректор Московской семинарии. В 1899 году хиротонисан во епископа Можайского, второго викария Московской епархии. В 1901 году – первый викарий в той же епархии. Председатель комиссии по переводу Четьих-Миней с церковно-славянского языка на русский. В 1904 году – епископ Подольский и Брацлавский. В 1908 году – епископ Тульский и Белевский. В 1911 году – архиепископ и член Святейшего Синода. В 1920 году – архиепископ Переяславский и Полтавский. Преставился в 1921 году.

[25] Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский) родился в 1846 году в Тамбовской губернии. По окончании Тамбовской Духовной семинарии (в 1866 году) и Казанской Духовной академии (в 1870 году) был преподавателем в Казанской академии (1871–1879 гг.). Редактор журнала «Православный собеседник» с 1879 года. В 188ё3 году пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. В том же году возведен в сан архимандрита.

В 1884 году – инспектор Казанской Духовной академии, в 1885 году переведен на ту же должность в Санкт-Петербургскую академию. В 1887 году – ректор Санкт-Петербургской академии. В мае 1887 года хиротонисан в Троицком соборе Александро-Невской лавры во епископа Выборгского (в то время – викария Санкт-Петербургской епархии). В 1892 году – архиепископ новоучрежденной епархии Финляндской. С 1898 года – митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский и первенствующий член Святейшего Синода. Доктор церковной истории. Почетный член Санкт-Петербургской, Московской и Казанской академий. Преставился 2 октября 1912 года.

[26] Святитель Тихон Задонский, всея России чудотворец, родился в 1724 году в Новгородской епархии, учился и учительствовал в Новгородской Духовной семинарии, был епископом Воронежским и Елецким, преставился в Богородицком монастыре в Задонске в 1783 году, причислен к лику святых в 1861 году.

[27] Преосвященный Андроник (Никольский) пробыл епископом Омским и Павлодарским до 1914 года, когда был перемещен архиепископом Пермским и Соликамским.

[28] Преосвященный Иоанникий (Дьяков) в 1916 году был назначен епископом Олонецким и Петрозаводским.

[29] В. М. Скворцов. Новый пир веры в Великом Новгороде // «Колокол». 1913. 1 мая.

[30] Архиепископ Никон (Рождественский) родился в 1851 году в Московской губернии. Окончил Московскую семинарию в 1874 году. Принял постриг в 1880 году. С 1893 года – казначей Троице-Сергиевой Лавры в сане архимандрита. Хиротонисан во епископа Муромского, викария Владимирской епархии в 1904 году. В 1906 году – епископ Вологодский и Тотемский. В 1907 году – член Государственного совета от духовенства. В 1912 году освобожден по болезни от управления епархией с назначением (в силу пятилетнего пребывания в Государственном совете) членом Святейшего Синода и представителем Издательского совета при нем. В сане архиепископа с 1913 года. Переизбран в Государственный совет в 1915 году. Преставился 30 декабря 1918 года.

[31] Архиепископ Евсевий (Гроздов) родился в 1866 году. Закончил Санкт-Петербургскую Духовную академию в 1890 году. Инспектор Виленской семинарии в 1899 году. Ректор Ярославской семинарии в сане архимандрита в 1903 году. Хиротонисан во епископа Угличского, викария Владимирской епархии в 1906 году. Епископ Псковский и Порховский в 1912 году. Архиепископ с 1918 года. Преставился в 1929 году.

[32] Митрополит Вениамин (Казанский) родился в 1878 году в Олонецкой губернии. В 1893 году поступил в Санкт-Петербургскую Духовную академию. В 1896 году принял монашество и был рукоположен во иеродиакона и в том же году – во иеромонаха. В 1897 году, по окончании Академии, назначен преподавателем в Рижскую семинарию. В 1898 году – инспектор Холмской семинарии, в 1899 году перемещен на ту же должность в Санкт-Петербургскую семинарию. В 1902 году возведен в сан архимандрита и назначен ректором Рижской семинарии. В 1905 году перемещен ректором в Санкт-Петербургскую семинарию. В 1910 году хиротонисан во епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. В 1917 году Епархиальным съездом Петроградской епархии избран архиепископом Петроградским и Ладожским. В том же году возведен в сан митрополита. Преставился в 1922 году.

[33] Архимандрит Варсонофий (Лебедев), Новгородский епархиальный миссионер, в январе 1917 года стал викарным епископом Кирилловским. Его архиерейская хиротония была первой, в которой в сонме епископов участвовал Патриарх Алексий.

[34] Архиепископ Анастасий (Добрадин) родился в 1828 году в Новгородской губернии, был епископом Старорусским (викарием Новгородской епархии), затем епископом Калужским и Боровским. Скончался архиепископом Воронежским и Задонским 1 мая 1913 года.

[35] Епархиальный дом в Новгороде был крупнейшим зданием города, сооруженным архиепископом Арсением (и на Епархиальном съезде названном в его честь Арсениевским) для размещения учреждений епархии, Новгородского Духовного училища, съездов и конференций.

[36] Участвовавший в архиерейской хиротонии Патриарха Алексия (см. с. 61).

[37] Новгородские епархиальные ведомости. 1917. № 3, февраль.

[38] Как уже было упомянуто выше, Святейшему Синоду была лишь предоставлена возможность рассмотреть в 1906 году вопросы, связанные с Поместным Собором Русской Церкви. «Особое присутствие», образованное Синодом с этой целью, провело весьма значительную

работу по подготовке созыва Собора. В 1907 году Синоду было отказано в созыве Собора, но в 1912 году на его повторную просьбу последовало разрешение продолжить изучение этой проблемы. С 1912 года над этим, таким образом, работало «Предсоборное совещание». Отсрочки, продиктованные властью, не давали возможности созвать самый Собор, но длительная подготовительная работа «Предсоборного присутствия» 1906 года и «Предсоборного совещания» 1912 года оказалась ценной и полезной. Она составила в общей сложности одиннадцать толстых томов крупного формата. Эта документация была использована при созыве Собора в 1917 году.

[39] См. сноску 25 на с. 50.

[40] Митрополит Владимир Киевский и Галицкий (Богоявленский) родился в 1848 году в Тамбовской губернии. Окончил Тамбовскую гимназию в 1869 году, Киевскую Духовную академию – в 1874 году. Преподаватель Тамбовской Духовной семинарии и Тамбовской гимназии в 1874–1881 годах. Рукоположен в иерея в 1882 году. Благочинный тамбовских городских церквей в 1883–1886 гг. Пострижен в монашество в 1886 году. В том же году возведен в сан архимандрита с назначением настоятелем Троицкого монастыря в городе Козлове. В октябре 1886 года перемещен настоятелем в Антониев монастырь в Новгороде. 13 июля 1888 года хиротонисан в Троицком соборе Александро-Невской лавры во епископа Старорусского, викария Новгородской епархии. В 1891 году – епископ Самарский и Ставропольский. В 1892 году – архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии. Митрополит Московский и Коломенский в 1898 году. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, первенствующий член Святейшего Синода в 1912 году. С 23 ноября 1915 года – Митрополит Киевский и Галицкий с сохранением должности первоприсутствующего в Святейшем Синоде. В августе 1917 года единогласно избран почетным председателем Всероссийского церковного собора. Трагически преставился 24 января 1918 года, пав от руки оставшегося неизвестным убийцы (был застрелен в спину).

[41] Митрополит Петроградский и Ладожский Питирим (Окнов) родился в Риге в 1858 году. По окончании Рижской гимназии закончил Киевскую Духовную академию и принял монашество в 1883 году. Преподавал в Киевской семинарии, инспектор Ставропольской семинарии в 1887 году, ректор в сане архимандрита той же Семинарии в 1890 году. Ректор Санкт-Петербургской семинарии с 1891 года. В 1894 году хиротонисан во епископа Новгород-Северского, викария Черниговской епархии. В 1896 году – епископ Тульский и Белевский. В 1904 году – епископ Курский и Белгородский, с 1905 года – епископ Курский и Обоянский. В сане архиепископа – с 1909 года. Архиепископ Владикавказский в 1918 году. Архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии в 1914 году. Митрополит Петроградский и Ладожский – с 25 ноября 1915 года. Уволен на покой 6 марта 1917 года. Преставился 25 марта 1919 года во Второ-Афонском монастыре на Кавказе.

[42] Митрополит Московский и Коломенский Макарий (Невский) родился в 1835 году во Владимирской губернии, в детстве переехал с семьей в Сибирь. Учился в Тобольске в Духовном училище и в семинарии, по окончании которой в 1855 году поступил на службу в Алтайскую Духовную Миссию. В 1861 году принял монашество. Участвовал в устройстве новой обители у Телецкого озера в Чолумшанской долине. В 1864 году наблюдал за печатанием в синодальной типографии в Петербурге первой партии переведенных им на алтайский язык богослужебных книг. В 1867 году повторно занимался изданием новых книг на алтайском языке, продолжая плодотворно работать над переводами и в последующие десятилетия. Возведен в сан архимандрита и назначен начальником Алтайской Миссии в 1883 году. Хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии. В 1891 году назначен епископом Томским и Семипалатинским (впоследствии его кафедра была переименована в Томскую и Барнаульскую). В 1895 году – почетный член Казанской Духовной академии. С 1906 года – архиепископ Томский и Алтайский. В том же году – почетный член Санкт-Петербургской академии. С 25 октября 1912 года – митрополит Московский и Коломенский. С 1 мая 1914 года награжден правом предношения креста при богослужении. 20 апреля 1917 года уволен на покой. Преставился 16 февраля 1926 года в Николо-Угрешском монастыре. Погребен в Успенском соборе Троице-Сергиевой Лавры.

[43] Митрополит Киевский Михаил (Ермаков) родился в 1862 году в Санкт-Петербурге. По окончании Киевской семинарии и Киевской академии принял в 1887 году монашество. Инспектор Орловской семинарии – с 1888 года. Инспектор Санкт-Петербургской академии в сане

архимандрита – в 1891 году. Ректор Волынской семинарии – с 1893 года. Хиротонисан во епископа Новгород-Северского, викария Черниговской епархии в 1899 году. С 1899 года – епископ Ковенский, викарий Литовской епархии. В 1903 году – епископ Омский и Павлодарский, с 1905 года – епископ Гродненский и Брестский, в сане архиепископа с 1912 года. Проявил героизм, воодушевляя войска при обороне Гродно в 1915 году. Участник Всероссийского собора 1917–1918 гг. Управляющий Киевской епархией в 1921–1922 гг. Митрополит Киевский, Экзарх Украины с 1924 года. Преставился 17 марта 1929 года в Киеве.

[44] Архиепископ Нижегородский и Арзамасский Иоаким (Левицкий) родился в 1853 году в Киевской губернии. Учился в Киевской семинарии и академии, которую закончил в 1879 году. Принял священство в Риге в 1880 году, где был законоучителем. Пострижен в монашество в 1893 году. Ректор Рижской семинарии в сане архимандрита – с июня 1893 года. Хиротонисан в 1896 году во епископа Балтского, викария Подольской епархии. В 1900 году – епископ Гродненский и Брестский, в 1903 году – епископ Оренбургский и Уральский, с 1908 года – Оренбургский и Тургайский, с 1910 года – епископ Нижегородский и Арзамасский. В сане архиепископа с 1916 года. Участник Всероссийского собора 1917–1918 гг. Преставился в 1921 году.

[45] Архиепископ Черниговский и Нежинский Василий (Богоявленский) родился в 1867 году в Тамбовской губернии (близкий родственник митрополита Владимира). Окончил Тамбовскую семинарию в 1888 году. Принял священство в 1890 году. Выпущен из Казанской Духовной академии в 1900 году. Магистр богословия – в 1907 году. Пострижен в монашество и возведен в сан архимандрита с назначением ректороЧерниговской семинарии в 1908 году. Хиротонисан во епископа Сумского, викария Харьковской епархии, в 1909 году. С 1911 года – епископ Новгород-Северский, викарий Черниговской епархии. В мае того же года назначен епископом Черниговским и Нежинским. Возведен в сан архиепископа в 1916 году. Преставился в 1919 году.

[46] См. сноску 32 на с. 63.

[47] Архиепископ Сергий (Гришин) родился в 1889 году в Олонецкой губернии. В 1917–1925 гг. Настоятельствовал в Пафнутиевом Боровском монастыре. В 1927 году хиротонисан во епископа Серпуховского. В 1928 году – епископ Полтавский. В сане архиепископа с 1930 года. В 1932 году – архиепископ Киевский, в 1934 году архиепископ Харьковский. В 1941 году – архиепископ Можайский, управляющий Московской епархией. В 1942 году – архиепископ Горьковский и Арзамасский. Преставился 14 октября 1943 года.

[48] Митрополит Тверской и Каширский Серафим (Александров) родился в 1867 году в Саратовской губернии. В 1914 году хиротонисан во епископа Кустанайского, викария Оренбургской епархии. В 1916 году – епископ Челябинский. В 1917–1918 гг. – секретарь Епископского совещания Поместного Собора Русской Православной Церкви. В 1918 году – епископ Полоцкий и Витебский, в 1919 – епископ Тверской и Кашинский. С 1922 года – архиепископ, в 1924 году – митрополит, с 1928 года – митрополит Саратовский и Балашовский. В 1938 году – митрополит Казанский и Свияжский. В 1934 году награжден правом предношения креста при богослужении. Преставился в 1938 году.

[49] Архиепископ Вологодский и Устюжский Сильвестр (Братановский) родился в 1871 году в Ярославле. В 1907 году – настоятель Спасо-Андрониева монастыря в Мо. В 1910 году хиротонисан во епископа Рыбинского, викария Ярославской епархии. В 1915 году – епископ Севастопольский, викарий Таврической епархии. В 1917 году – епископ Верейский, викарий Московской епархии. В 1920 году – архиепископ Пермский и Соликамский. С 1925 года – архиепископ Вологодский и Устюжский. Преставился 29 сентября 1935 года.

[50] Митрополит Херсонский и Одесский Анатолий (Грисюк) родился в 1880 году в Волынской губернии. В 1913 году хиротонисан во епископа Чистопольского, викария Казанской епархии. В 1922 году – епископ Самарский и Ставропольский, в 1928 году – архиепископ Херсонский и Одесский. С 1932 года – митрополит. Преставился 10 января 1938 года, погребен в Одесском кафедральном соборе.

[51] Архиепископ Вятский и Слободской Павел (Борисовский) родился в 1867 году во Владимирской губернии. В 1916 году – епископ Суздальский, викарий Владимирской епархии. С 1921 года – епископ Вятский и Слободской. В 1924 году – архиепископ Ярославский и Ростовский. С 1932 года – митрополит. Преставился в 1938 году.

[52] Архиепископ Костромской и Галичский Севастиан (Вести) родился в 1870 году в Бессарабской губернии. В 1894 году окончил Кишиневскую семинарию, в 1897–1901 гг. проходил курс Киевской академии. В 1900 году принял монашеский постриг. В 1903 году – инспектор Холмской семинарии, в 1906 году в сане архимандрита – ректор Подольской семинарии. В 1909 году – ректор Донской семинарии. В 1914 году хиротонисан во епископа Кинешемского, викария Костромской епархии. В 1919 году переименован во епископа Нерехтинского. В 1920 году – архиепископ Костромской. В 1921–1922 гг. уклонялся в обновленчество, в 1923 году принес покаяние Патриарху Тихону и восстановлен на Костромской архиерейской кафедре. В 1927 году – член Временного Патриаршего Священного Синода. Преставился в 1934 году.

[53] Архиепископ Филипп (Гумилевский) родился в 1877 году в Московской губернии. В 1902 году – псаломщик русского храма во Флоренции (Италия), в 1903 году – в той же должности в посольской церкви в Риме. В 1907 году принял монашество. В 1908 году – инспектор Вифанской семинарии. В 1910 году – ректор той же семинарии в сане архимандрита. В 1912 году – ректор Московской семинарии. В 1920 году хиротонисан во епископа Ейского, викария Ставропольской епархии. В 1922 году – епископ Балашовский. В 1927 году – архиепископ Звенигородский, управляющий Московской епархией.

[54] Митрополит Киевский Константин (Дьяков) родился в 1871 году. В 1924 году хиротонисан во епископа Сумского, викария Харьковской епархии. В 1927 году – архиепископ Харьковский и Ахтырский. В 1932 году – митрополит Киевский, Экзарх Украины. В 1936 году награжден правом предношения креста при богослужении. Преставился 28 октября 1938 года.

[55] В послании имеется в виду убийство посла Советского Союза в Польше Войкова, совершенное террористом Борисом Ковердой.

[56] Журнал Московской Патриархии, 1932, № 11–12.

[57] Журнал Московской Патриархии, 1931, №1. С. 2.

[58] Журнал Московской Патриархии, 1943, № 2, октябрь. С. 27–29.

[59] Журнал Московской Патриархии, 1945, № 4. С. 26–27.

[60] Гробницы Пересвета и Осляби находятся в ныне действующем московском храме Рождества Богородицы в Старосимоновом монастыре. – *Ред.*

[61] Архиепископ Иоанн (Разумов) родился в 1898 году в Московской губернии. С 1916 года – послушник Смоленско-Зосимовой пустыни при Троице-Сергиевой лавре. В 1923 году – в Богоявленском монастыре в Москве. В 1924 году принял постриг и рукоположен во иеродиакона. В 1928–1936 гг. – иеродиакон каширского Успенского собора. С 1936 года – эконом Московской Патриархии. В 1941– 1943 гг. – келейник Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия. В 1942 году рукоположен во иеромонаха и возведен в сан игумена, а позднее архимандрита. В 1946 году – наместник Троице-Сергиевой Лавры. В 1953 году хиротонисан во епископа Костромского и Галичского. С 1954 года – епископ Псковский и Порховский. В 1959–1960 гг. – епископ Берлинский и Германский, управляющий Псковской епархией. В 1960 году – епископ Псковский и Порховский. С 1962 года – архиепископ. В 1963 году награжден правом ношения креста на клобуке. С 9 сентября 1972 года – митрополит. Преставился 13 января 1990 года.

[62] Журнал Московской Патриархии, 1945, № 3. С. 25–26.

[63] Митрополит Антоний (Романовский) родился в 1886 году. Принял постриг и рукоположен во иеродиакона в 1911 году. В 1912 году – иеромонах. Окончил Киевскую Духовную академию в 1913 году. Преподаватель основного, догматического и нравственного богословия в Тифлисской семинарии в 1913–1918 гг., инспектор той же семинарии в 1918–1921 гг. С 1921 года – благочинный русских монастырей в Грузии. В 1924 году хиротонисан (в Москве) во епископа Эриванского, управляющего Сухумской епархией. С 1927 по 1929 гг. на покое. В 1929–1930 гг. – епископ Донской. В 1931–1935 гг. епархией не управлял. На покое до 1943 года. В 1943 году выполнял поручение Патриарха Сергия по восстановлению евхаристического и канонического общения с Грузинской Православной Церковью. С 1945 года – архиепископ Ставропольский и Бакинский. В 1962 году возведен в сан митрополита. Преставился в Ставрополе 7 ноября 1962 года.

[64] Журнал Московской Патриархии, 1944, № 2. С.19.

[65] Архиепископ Можайский Макарий (Даев) родился в 1888 году в Московской губернии.

В 1911 году окончил Вифанскую семинарию. В 1912 году рукоположен во священника, служил в Ризоположенском храме в Москве. В 1944 году принял постриг и хиротонисан во епископа Можайского, викария Московской епархии. В 1946 году назначен председателем Хозяйственного управления при Священном Синоде. В 1951 году возведен в сан архиепископа. В 1957 году награжден правом ношения креста на клобуке. Преставился в 1960 году в Москве и погребен на Ваганьковском кладбище.

[66] Газета «Известия». 1944. № 253 от 24 октября.

[67] Митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков) родился в Олонецкой губернии в 1870 году. В 1899 году окончил Олонецкую семинарию (после курса Петрозаводской гимназии). С 1895 по 1899 гг. обучался в Петебургской Духовной академии, которую закончил с отличием. Был наблюдателем церковно-приходских школ Олонецкой епархии и деятельно способствовал их реорганизации. В 1897 году был рукоположен во священника, в 1907 году возведен в сан протоиерея. В 1911 году – ректор Олонецкой семинарии. В 1918 году переведен в Петроград. В 1928 году – магистр богословия. Во время блокады Ленинграда потерял семью. В 1942 году принял постриг, был назначен настоятелем Саратовского кафедрального собора и в тот же год хиротонисан во епископа Саратовского. В 1943 году назначен управляющим Тамбовской епархией, сохраняя кафедру Саратовскую. В 1944 году перемещен на кафедру Псковскую и Порховскую с управлением епархией Ленинградской и Новгородской. Возведен в сан архиепископа. В 1945 году назначен митрополитом Ленинградским и Новгородским. В 1948 году – доктор богословия и председатель Учебного комитета при Священном Синоде. В 1948 году награжден правом предношения креста при богослужении. Преставился в Москве 5 ноября 1955 года. Погребен в Троицком соборе Александро-Невской Лавры.

[68] Епископ Смоленский и Дорогобужский Иннокентий (Сокаль) родился в 1883 году в Холмской губернии. Образование получил в Варшавском Духовном училище и в Холмской семинарии. В 1910 году окончил Киевскую Духовную академию. В том же году назначен помощником инспектора Курской семинарии. В 1912 году рукоположен во священника и перемещен инспектором параллельных классов Курской семинарии в городе Рыльске. В 1919 году прикомандирован к Русской Духовной Миссии в Палестине. В 1921–1931 гг. – инспектор русских семинарий в Югославии. В 1931–1950 гг. – священник, а затем настоятель русского Троицкого храма в Белграде. В 1945 году указом Святейшего Патриарха Алексия назначен благочинным русских приходов в Югославии. В 1950 году – ректор Саратовской семинарии, в 1953 году перемещен ректором Минской семинарии. В 1956 году – ректор Одесской семинарии. В 1957 году – настоятель смоленского Успенского кафедрального собора. В том же году – магистр богословия. В 1959 году принял постриг и возведен в сан архимандрита. В том же году хиротонисан во епископа Смоленского и Дорогобужского. Преставился в 1965 году в Смоленске.

[69] В Воскресенском храме в Сокольниках ныне находится знаменитая Иверская икона Божией Матери.

[70] Епископ Аржешский Иосиф, представлявший на Соборе Румынскую Православную Церковь, прибыл в Москву лишь к 1 февраля 1945 года и поэтому не упоминался в обращениях и приветствиях в первый день.

[71] Архиепископ Астраханский и Сталинградский Филипп (Ставицкий) родился в 1884 году в Волынской губернии. 6 августа 1916 года хиротонисан во епископа Аляскинского, после чего отбыл к месту служения в Соединенные Штаты. Для участия в Избирательном Соборе Русской Православной Церкви летом 1917 года возвратился на Родину. В 1920 году назначен епископом Смоленским и Дорогобужским. В 1928 году перемещен на Астраханскую кафедру. В 1937 году в сане архиепископа назначен на кафедру Омскую. В 1943 году – архиепископ Астраханский и Сталинградский. Преставился 12 декабря 1952 года в Москве. Тело архиепископа Филиппа перевезено по желанию его паствы в Астрахань, где и погребено в Покровском соборе.

[72] См. сноску 4.

[73] Текст вышеприведенного обращения митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия был воспроизведен в Православном церковном календаре за 1946 год.